

ΑΗΗ
ΓΟΘΗ

ΑΗΖΕΛΙΚΑ

АНН
ГОЛОУН

АНЖЕЛИКА
МАРКУЗА
АНГЕЛОВ

Исторический роман

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА
Г61

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии Анастасии Лестер

Перевод с французского:
Golon A. Angélique. Tome 1. Marquise des Anges

Переводчик *Юлия Котова*

Художник-дизайнер обложки *Яна Крутий*

ISBN 978-966-14-5474-2 (PDF)

- © Anne Golon, 2006
- © Hemis Ltd, издание на русском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2013

Предисловие — дело личное

Там, где кончается документ, я начинаю.

Юрий Тынянов

Мне не хочется говорить об Анн Голон и ее героине формально. Я горд тем, что дружен с ней уже много лет, и тем, что имею возможность представить книгу, которую вы, читатели, держите сейчас в руках. Поэтому я буду высказывать собственное мнение об этом романе и оспаривать иные, противоположные, а также доказывать правоту того, во что я верю, а именно: «Анжелика» — многоплановый, весьма серьезный роман, написанный очень талантливым автором. Более того, этот роман за полвека стал классикой жанра. В конце концов, если чтение художественного произведения — дело общественное, то предисловие — дело личной убежденности.

Истоки и имитации

Тема поиска влюбленной женщиной своего мужа или возлюбленного, которая претерпевает всевозможные тяготы и лишения, попадает в головокружительные приключения, коренится в фольклоре (стоит вспомнить русскую сказку «Финист — Ясный Сокол» или античный миф об Амуре и Психее). Не обошла ее вниманием и художественная литература. Литературный жанр «Анжелики» можно определить как песенный эпос о героических деяниях исторических персонажей, так называемый «*chanson de geste*». С этой точки зрения роман уникален по объему — ранее было опубликовано 13 книг, а ныне ожидается более 20. Еще одна ярко

выраженная тема — история семейной пары, — практически не разрабатывалась, тем более в контексте индивидуального противостояния абсолютизму, религиозному мракобесию, клерикальным догмам, бесчеловечным законам, лишаящим права мыслить, верить и жить свободно.

Истоки романа «Анжелика» следует искать в XIX веке. Я имею в виду дилогию французской писательницы Авроры Дюпен, более известной как Жорж Санд, «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт». Стоит упомянуть и колоссальный роман (около 3000 страниц) французского фельетониста тоже конца XIX столетия Мишеля Морфи «Миньон», насколько мне известно, на русский язык не переводившийся, однако некогда очень популярный в Западной Европе. К слову, в «Анжелике» страниц не меньше.

В 1947 году во Франции вышел в свет первый роман эпопеи знаменитого французского писателя Сесилия Сен-Лорана «Милая Каролина» о красивой женщине, ищущей своего любимого в залитой кровью Франции времен революции 1789 года, а затем и за ее пределами. Этой же теме посвящена и трилогия француза Люсьена Буаивона «Голубка», также опубликованная в конце 40-х годов прошлого века. Частично она прослеживается и в романе американской писательницы Кэтлин Уинзор «Навеки Эмбер», появившемся во время Второй мировой войны, в 1944 году.

Безусловно, существуют и другие романы со схожим сюжетом. Я же упомянул лишь самые известные и популярные некогда книги.

Что касается имитаций и/или продолжений «Анжелики», то «имя им легион». Изданные на разных языках, в разных странах, под именами разных авторов, они свидетельствуют о неувядающей популярности оригинального романа.

Но, как ни прискорбно это признавать, именно в России откровенно эксплуатировались не только герои Анн Голон, но и имя писательницы.

В 1994—1995 годах появились три «Анжелики в России», а ведь сама Анн даже не помышляла отсылать свою героиню в Россию! На обложке одной из этих книг автор указан не был, хотя в выходных данных книги стояла фамилия «Кандидов». На самом де-

ле ее автором был некий Алексей Свиридов, который на страницах Интернета поведал историю создания этой подделки.

Вторая книга была опубликована под псевдонимом Анн-Мари Нуво; о третьей же, автор которой — некий Алекс Голон (!) — следует сказать особо. Этот господин не только воспользовался фамилией Голон, но и сочинил собственную биографию, выдавая себя за потомка Всеволода Голубинова, а Анжелику представил как реального исторического персонажа и ни много ни мало — предка и родственницу того же Всеволода Голубинова. Надо отдать должное неведомому Алексу: он фантазировал с размахом, даже снабдил свой биографический материал «истинным» портретом Анжелики и фотоснимками родственников Всеволода времен Гражданской войны в России. Впрочем, Анн Голон, внимательно прослушав мой перевод статьи Алекса, сказала, что в этом нет ни слова правды.

Список подделок дополняют повесть «Анжелика при дворе» (1992), включавшая первую часть романа «Анжелика и король», в предисловии к которой указано имя автора — Альфред Омелианович, а также «Анжелика в поисках Эльдорадо» (1995) снова Анн-Мари Нуво. Ну и еще два имени: Ксения Габриэли (настоящая фамилия автора — Фаина Гримберг), автор тетралогии, которую условно можно назвать «Анжелика в Московии», и Клод де Ла Фер с романом «София, мать Анжелики». Первому автору можно вменить отсутствие таланта, но даже его произведение читается как шедевр мировой литературы по сравнению с творением второго (который, не мудрствуя лукаво, выбрал в качестве псевдонима родовое имя Атоса). Справедливости ради следует сказать, что и порнографический опус может быть написан талантливо, но в данном случае даже неискушенный читатель окажется в затруднении — найти здесь хоть какие-либо достоинства невозможно.

В целом, отсутствие писательского дара — объединяющая черта всех упомянутых «пиратских» имитаций на русском языке знаменитого романа Анн Голон.

Иное дело — имитации «Анжелики» в Западной Европе. Используя основные сюжетные ходы, ни один из многочисленных подражателей не посмел воспользоваться ни именами персонажей, ни даже эпохой короля Людовика XIV.

Черты «Анжелики» легко распознать в романах Жюльетты Бенцони, Жаклин Монсиньи, американцев Тома Хаффа и Бертрис Смолл и многих-многих других. Какие-то из них вполне приемлемы, другие не очень. Равных — нет.

Как о курьезе можно упомянуть о двух турецких фильмах об Анжелике, снятых в 1967 и 1968 годах, разумеется, без ведома автора. Любопытен и итальянский комикс «Изабелла, дочь дьявола», еще одна откровенная имитация романа Анн Голон.

Впрочем, «оригинал не потускнел от копий». «Анжелика» по-прежнему читаема и любима. В этом заключается одно из свойств писательского таланта Анн Голон — ее роман не бабочка-однодневка.

История и психология

Как когда-то писал Теренций Мавр, «книги имеют свою судьбу». Хочется добавить — они часто разделяют судьбу своих авторов. У книг, которые сейчас заново открывают русскоязычные читатели, судьба удивительная и даже экстраординарная. Вот уже более тридцати лет их читает огромная аудитория, ими наслаждаются, как глотком старого вина, какое редко доводится попробовать; для многих они стали не только необычными книгами о физической и духовной любви, источником объемнейшего познавательного материала из области истории, географии и этнографии, но и ярким примером колоссальной разницы в «психофизиологии» (заимствую этот термин у Ивана Антоновича Ефремова из «Лезвия бритвы») мужчины и женщины. В романах развернуто грандиозное полотно — Франция, страны Средиземноморья и Северной Америки середины и конца XVII века, — в которое рука автора внесла свои поправки и, разумеется, некий вымысел. Что поделать — ведь это художественное произведение, а не учебник истории или географии.

«Анжелика» — роман не только многотомный, но и многоплановый; ткань его — наслоение разнообразных художественных пластов, выделить которые не только возможно, но и полезно.

Во-первых, пласт исторический, который представлен более тремя томами документов, тщательно собранных Всеволодом Голубиновым (Сержем Голоном). Они и послужили основой извест-

ных романов Симон Шанжэ (Анн Голон). Именно таким образом и происходило их совместное творчество.

Роман практически лишен героики, столь характерной для жанра «плаща и шпаги», присутствующей в романах Александра Дюма, Поля Феваля, Амеде Ашара, Мишеля Зевако и Теофила Готье. (Называю лишь тех авторов, чьи произведения были переведены на русский язык.) Персонажи «Анжелики» — люди, а не герои, они не обладают сверхчеловеческими возможностями, не всегда могут прийти на помощь другу в нужный момент. Солдаты, дезертиры, бандиты разных мастей и убийцы творят зло, и ни один романтический герой не в силах помочь тем, кто в этой помощи нуждается.

Голоновские пираты не отличаются благородством, и даже Жоффрей де Пейрак вынужден следовать жестоким правилам их жизни — «ибо кто не с нами, тот против нас».

Аристократию и разбогатевших горожан, бандитов Двора Чудес некому призвать к ответу, поскольку д'Артаньян и его друзья, шевалье Лагардер, шевалье Пардальян и барон Сигоньяк — лишь прекрасная выдумка Дюма, Феваля, Зевако и Готье.

Насилие, страх, мракобесие, противостояние Южной и Северной Франции — эти черты эпохи, искусно воссозданные Анн Голон, роднят писательницу не с Дюма (с которым ее нередко сравнивали, причем не в пользу последней), а, скорее, с Морисом Дрюоном, хотя тематика его цикла «Проклятые короли» совсем иная: в ней иной дух приключений, столь милый сердцу Анн Голон.

Мало к какой беллетристике критики, а вслед за ними и те, кто досадливо морщился при одном упоминании «Анжелики», были столь беспощадны, а главное, столь бездоказательны. Большинство хулителей, с которыми мне доводилось беседовать лично, эти книги попросту не читали, ибо «зачем тратить время на заурядный роман?». В качестве аргументов назывались половая принадлежность главной героини, невероятное количество приключений, выпавших на ее долю, и, что, как думается, самое важное, ее вызывающая сексуальность.

Вот тут-то и открывается пласт второй, эротический — совершенно чуждый советскому читателю начала 70-х. Ведь подумать

только — героиня посмела не сохранить верность своему мужу (пусть даже погибшему), и не единожды! Более того, делала это с наслаждением, посмела говорить об этом вслух и не сожалеть о содеянном. По всей вероятности, именно последнее возмутило читателей.

Но ведь в романтической, или, если желаете, авантюрной, литературе у великолепного Дюма разве госпожа де Шеврез не отдается Атосу? При этом они изменяют оба: он — своему ближайшему другу, она — своему обожаемому любовнику Арамису. Но их почему-то читатели простили. Анжелику же критики не простили. Не простили красавицу, которая проявляет чисто мужскую хватку и всегда порицаемую общественной моралью хитрость. Сомнительная героиня? Слишком ей хотелось выжить самой, спасти собственных детей, да еще и разбогатеть? Эту вымышленную героиню настолько неправильно понимали и оценивали, что даже не обратили внимания, что количество ее любовников ничтожно мало, если сравнивать с некоторыми героинями современных произведений.

И здесь вскрывается третий пласт романа, психолого-этический. У мыслящего человека не возникает сомнений в том, что ценности высшей, нежели любимые люди, в принципе, для индивидуума не существует. Что один человек ценен не менее, чем вся нация, а то и человечество в целом. Что брак на сегодняшний день, возможно, не самое замечательное изобретение человечества. Что преданность может соседствовать с изменами и все-таки оставаться преданностью. Что мужчине общественное мнение прощает больше, чем женщине. Что в сложных характерах Анжелики и Жоффрея отразились те движения души мужчины и женщины, которые могут возмутить, а могут и восхитить. Именно это и называется диалектикой (похоже, что без этого термина не обойтись).

Впрочем, я не берусь анализировать здесь характеры героев цикла «Анжелика». Это уже сделано, и сделано блестяще: с искренним восхищением героиней, с параллелями к известным фильмам Бернара Бордери — полная противоположность тем жалким потугам на критику, статьям (подписанным именитыми профессорами!), которые время от времени появлялись в периодике. Вот только эту ве-

ликолепную литературоведческую работу под названием «Супруги Голон о супругах Пейрак» почему-то до сих пор и не опубликовали. Хорошо, что существует Интернет и любознательный читатель сможет ознакомиться с ней по адресу <http://www.angelique.nm.ru/monol.html> и воздать должное ее автору — петербуржцу искусствоведу и киноведу Сергею Щепотьеву.

А что же автор этой книги — француженка Анн Голон, она же Жоэль Дантерн, она же урожденная Симон Шанжэ?

Сейчас ее биография доступна на различных языках мира, включая и русский, чего совершенно невозможно было представить каких-то двадцать лет назад. Мой друг, уже упоминавшийся Сергей Щепотьев, каким-то немислимым образом раздобыл издание «Анжелики» на немецком языке с портретами Симон Шанжэ и ее мужа Всеволода Голубинова. Пять скупых строчек биографии супругов вызвали восторг. И только позже, много позже, стало известно, что под скромным именем Анн Голон скрывается женщина высокообразованная, храбрая, неистовая в поисках сногшибательных приключений, жаждущая испробовать их сама, на собственном опыте. А Серж Голон оказался Всеволодом Голубиновым, беглецом из обезумевшей России, искателем приключений со стажем, талантливым инженером, свободно владеющим многими языками. Странно ли, что два столь неординарных человека полюбили друг друга? Нет, не странно. Просто Анжелика и Жоффрей встретились в реальной жизни.

Писательница говорит, что если и существует прототип графа де Пейрака, то это именно ее, к сожалению, уже покойный муж — ученый, изобретатель и мыслитель Всеволод Сергеевич Голубинов. В мою задачу не входит описание жизни этих двух незаурядных людей; это уже сделано неоднократно. Дочь Анн и Сержа Надя уже несколько лет пишет беллетризованную биографию своих родителей. Возможно, она тоже когда-нибудь будет переведена на русский язык, как, надеюсь, будут переведены и другие романы Анн Голон, такие как «Мастер Куки» — о юноше, обошедшем весь мир в поисках убийцы своего отца, — и другие произведения писательницы, которой в декабре 2012 года исполнился 91 год. Она бодра, продолжает писать, заканчивая сагу об «Анжелике», значительно

дополняя и корректируя уже написанные ранее романы. Что ж, нынешняя «Анжелика» будет еще увлекательнее предыдущей.

Современный мир и «Анжелика»

Феномен, который совсем недавно было сложно вообразить даже отъявленным фантазерам, — сайты и форумы, посвященные героям романа. То, что подобные форумы объединяют людей, говорящих по-французски, по-итальянски и по-английски, — понятно, но сейчас такой форум существует и на русском языке, и он очень представительен.

Несколько сотен участников обсуждают историческую канву романа во Франции и Северной Америке, докапываясь при этом до фактов, бесценных для многих профессионалов-историков, разыскивают биографии исторических личностей — персонажей романа, не только таких известных, как Людовик XIV или Никола Фуке, а и, к примеру, шефа тогдашних парижских полицейских Ла-Рейни или его лейтенанта Франсуа Дегрэ, герцога Пегилена де Лозена, индейских вождей из акадийской и канадской части Америки; восстанавливают историческую панораму старого Квебека и старой Тулузы, составляют карту странствий Анжелики и Жоффрея с такой же тщательностью, с которой когда-то знатоки Гомера воссоздавали карту странствий Одиссея. Они размышляют о смысле жизни, о взаимоотношениях личности и общества, человека и власти, о мастерски выписанной психологии героев, благодаря чему к ним относишься как к живым людям, о том, как сложно и как нужно, несмотря на проблемы и препятствия, идти к своему счастью.

Вот и адрес форума: <http://angelique.borda.ru/>

Многие участники и сами пишут художественные произведения, вдохновленные «Анжеликой». Архангелогородка Ольга Монеткина пробует свои силы в написании нового сценария «Анжелики», то же делает москвичка, врач Елена Чернова; одна из администраторов форума, минчанка Анна Спектор, не только курирует ежедневные беседы, но и сама пишет интереснейшие экскурсии на историко-этнические и психологические темы. Безусловно, существует

и множество некоммерческих проб пера фанфиков, цель которых проста — писать, отдавая дань своему любимому роману.

Автор же этого предисловия, прочитав роман в уже немыслимо далеком 1972 году, просто учился жить, любить и познавать мир глазами Жоффрея де Пейрака. И никогда об этом не пожалел.

Остается сказать напоследок: добро пожаловать к нам, русскоговорящим читателям, еще раз, отважная Анжелика из Пуату и ученый граф Жоффрей из Тулузы. Мы вас любим и с нетерпением ждем.

*Геннадий Ульман, литературовед,
магистр искусств, член общества друзей Дюма в Париже,
общества Райдера Хаггарда в Англии,
Нью-Йорк*

Вступительное слово Анн Толон

Я помню и буду помнить всегда то раннее утро, когда, лежа на полке спального вагона, я приподняла уголок занавески и испытала чувство невероятного облегчения, увидев в солнечном свете, который показался мне каким-то новым и необычным, холмистый уголок Швейцарии, виноградники, позолоченные осенью.

Войны больше не было. Той страшной пятилетней войны, которая стала неотъемлемой частью моей юности. В ту пору возможность пересечь границу Швейцарии для многих являлась вопросом жизни и смерти.

Шел 1959 год.

Наконец-то наши дела наладились. После десятилетия непрерывной борьбы, после бесчисленных трудностей, после успеха книги «Анжелика», уже переведенной на многие языки мира, жизнь улыбнулась нам. И тогда мы решились на крутой поворот в нашей судьбе.

Во ФРАНЦИИ, в стране, бесспорно ориентированной на культурное развитие, в ту пору неизвестные бедные художники и писатели не ставились ни во что, как, впрочем, и всегда, но жизнь была жестокой и к тем людям искусства, которые, подобно нам, добились успеха после долгих лет нищеты. Тогда гонорары от любого бестселлера уже за год съедались налогами. Какой профессиональный писатель может жить... и выживать в таких условиях?

От чего мы стремились убежать, когда те прекрасные годы были преисполнены надежд? Откуда к нам пришло странное ощущение,

что мы находимся вне опасности, как только пересечем границу Швейцарии?

Будущее и непредвиденные случайности долгой жизни постепенно расставили все по местам, но в то утро мой муж, я и трое наших детей, — четвертый ребенок родился уже в Сиерре, кантон Вале, — все мы испытали незабываемую радость.

Те, кто не бывал в ШВЕЙЦАРИИ, часто имеют о ней устойчивое и непоколебимое, но, в силу неведения, совершенно ложное представление.

Что празднуют в Швейцарии 1-го августа? Что такое клятва Грютли¹? Непроницаемой тайной окутана история этой страны — быть может, потому, что она самым тесным образом переплетается с историей окружающих наций и стран.

Веками она представляла собой внушительную военную силу благодаря наемникам, которых чаще всего нанимали для личной охраны европейских монархов, в том числе Папы. По здравом размышлении и основываясь на большом опыте, это государство избрало для себя непростую роль: нейтралитет.

Многие события ее истории неразрывно связаны с историей Франции

В шестнадцатом веке, в конце лета 1567 года, в снедаемой религиозными войнами Франции швейцарская гвардия спасла регентшу Екатерину Медичи и ее шестнадцатилетнего сына Карла IX, которые по неосторожности оказались в осаде в городе Мо, расположенном приблизительно в пятидесяти километрах от Парижа. Возглавляемые французскими принцами, мятежные армии протестантов окружили город, намереваясь схватить царственных особ.

Двадцать седьмого сентября королева отправила гонцов к капитану швейцарской королевской гвардии Людвигу Пффиферу фон

¹ 1 августа 1291 года три кантона, Ури, Швиц и Унтервальден, на поляне Грютли объявили о вечном альянсе и союзе. Это было сделано ввиду возможной агрессии со стороны Габсбургов и положило начало существованию Швейцарии как политического целого. Этот день стал национальным праздником Швейцарии. — *Примеч. пер.*

Альтизофен, призывая последнего на помощь. Совершив ночью стремительный марш-бросок из Парижа, конфедераты прибыли в Мо на рассвете 28 сентября.

«Да будет Вашему Величеству угодно предать свою судьбу и судьбу королевы-матери в руки доблестных и верных швейцарцев. Нас шесть тысяч человек, и мы острием своих пик расчистим вам настолько широкую дорогу, что вы сможете свободно пройти сквозь армию ваших врагов», — сказал Людвиг Пфиффер Карлу IX.

«Несколько часов спустя отряд швейцарцев, прикрывающий короля, его мать и придворных, вышел из Мо и двинулся к Парижу... Через час после выхода из Мо, у берега Марны, гугеноты яростно атаковали противника, тщетно пытаясь прорвать непробиваемые живые баррикады — швейцарцев с их длинными пиками» (граф Колиньи).

После семи часов непрерывных атак, направленных против этой длинной шеренги, ошетилившейся пиками, которая невозмутимо продвигалась к Парижу, гугеноты отказались от задуманного. Так окольными путями король, регентша и королевский двор смогли наконец вернуться в Лувр.

«Без моих доблестных швейцарцев моя жизнь и свобода висели на волоске!» — признал молодой король.

Еще я люблю вспоминать историю Бурбаки.

В последние дни франко-прусской войны 1870 года, когда император Наполеон III уже капитулировал, окруженная пруссаками восточная армия, увязая в снегу, таща за собой раненых, была прижата к горному хребту Юры и оказалась отрезана. Ее командующий, французский генерал Шарль Дени Бурбаки, предпринял неудачную попытку покончить жизнь самоубийством, а его преемник¹ узнал, что о них забыли упомянуть в уже подписанном мирном договоре. Война продолжалась лишь для него и его несчастной, всеми брошенной армии. После кровавой бойни остаткам армии предстояло попасть в унизительный плен. Единственное, что могли предпринять военные, — укрыться в нейтральной Швейцарии.

¹ Генерал Жюстен Кленшан. — *Примеч. ред.*

И им не отказали в убежище. Первого февраля 1871 года 90 000 обессиленных солдат и 19 000 лошадей пересекли границу севернее Понтарлье.

Именно это волнующее историческое событие запечатлели живописец Эдуард Кастрес и его помощники в великолепной панораме, которой можно полюбоваться в Люцерне. Под пасмурным морозным зимним небом Юры группа всадников заключает соглашение, обговаривая окончательные условия этой грандиозной «операции солидарности». Здесь и там мерцают огни костров, вокруг которых расположились раненые и больные солдаты. Местные жительницы оказывают помощь нуждающимся, отдают голодным еду из своих скудных зимних запасов. Швейцарские военные возводят причудливые стальные алтари из ружей, которые они забирают из рук побежденных солдат. Солдат необходимо разоружить. Вереницы людей выстраиваются вокруг телег и повозок. Воинов армии Бурбаки собираются отправить в самые дальние кантоны страны.

На пути этих несчастных будут открываться двери домов, и один или два солдата смогут обрести кров и пищу, что было, несомненно, жертвой со стороны местного населения, ведь в те времена Швейцария была очень бедной страной.

Как раз в это время швейцарец Анри Дюнан создавал общество Красного Креста.

В семнадцатом веке Швейцария приютила огромное количество ученых, мыслителей, издателей и книготорговцев, а затем и французских беженцев — жертв отмены Нантского эдикта. А как не вспомнить о мужестве швейцарских гвардейцев в эпоху Французской революции? Они знали, что будут истреблены толпой, но не покинули королевскую семью.

Швейцария — конфедерация различных народов, страна, где уживались различные религии и мировоззрения, сердце Европы, — стала государством, в котором взошли первые ростки демократии.

Жители лесных кантонов, которые, стоя на поляне Грютли, поклялись друг другу в верности и союзе во имя свободы, отнюдь

не напоминали, как полагают, сентиментальных и романтических юнцов.

Просто они отказались принять ту систему, которая в их время была навязана миру, — феодализм.

Увы! Годы проходят, но мало что меняется. Но с другой стороны, тем лучше — ведь некоторым народам это помогает подтвердить свое предназначение, которое заключается именно в неизменности.

Например, сохранилось предназначение Швейцарии: служить убежищем и сохранять не только человеческие жизни, но и идеи, принципы, нужды, которые не всегда лежат на поверхности, а скрыты глубоко, как бы отпечатаны в сердцах всех людей и требуют защиты и поддержки. В этой идее воплощается суверенное право народа и отдельного человека.

Это предназначение всегда оставалось неизменным.

Вот почему я хочу, чтобы новое издание «Анжелики» вышло именно в Швейцарии. В стране, где я провела столько счастливых лет, написала большую часть моих книг и где я продолжаю творить.

Лозанна, октябрь 2005
Анн Голон

Предисловие

Как это обычно бывает, например, во «Властелине колец» или в «Звездных войнах», после многочисленных опасностей, битв, ловушек и испытаний двадцатилетней борьбы крошечная группа людей преградила путь духам тьмы, чтобы спасти сокровища: Анн Голон и Анжелику, Маркизу Ангелов.

Сегодня, прежде чем представить новое, полное издание «Анжелики», пришло время рассказать правду о двух людях, которые стояли у истоков легендарной Анжелики: об Анн и Серже Голон.

О них уже очень много говорили — и в особенности много врали, а с 1989 года даже воспользовались именем Сержа Голона в попытках опровергнуть авторство Анн, чтобы было удобнее продавать юридические права на издание книг другим странам.

В Советском Союзе, например, в 1991 году было официально продано 15 880 000 экземпляров «Анжелики» (весь тираж составлял 100 000 экземпляров со старым названием, возобновленным в следующем году...) без уведомления автора и без соблюдения юридических прав. Подходя к делу по Плану Пушкина¹, русские издатели могли печатать продолжения «Анжелики» с использованием персонажей Анн Голон, выдавая при этом роман за собственность и нелегально подтверждая все липовыми контрактами. Такие опе-

¹ Вероятно, речь идет о национализированных литературных произведениях. В 1919, а затем в 1923 и в 1925 году множество произведений русских авторов, в том числе и Пушкина, а также некоторые переводные книги, были объявлены в Советской России/СССР национальным достоянием. — *Примеч. ред.*

рации рассматривались обществом как законные, ибо все названия серии и ее содержание, появившиеся во Франции до 1981 года, считались лишенными копирайта, как если бы автор умер уже 70 лет тому назад.

Подобные контракты расплодили множество самозванцев, например Анн-Мари Нуво, Ксения Габриэли и даже некий Алекс Голон, который, благоразумно найдя поддержку у некоторых средств массовой информации, выдавал себя за наследника Сержа Голона и... нового автора «Анжелики». И русскоязычная публика действительно сочла, что автор «Анжелики» — если и не был современником Дюма, то скончался достаточно давно, чтобы его книга уже стала общественным достоянием¹.

Анн Голон была вынуждена обратиться к французскому правосудию. В 1995 году ей были возвращены все авторские права на Анжелику, но по разным причинам это решение вступило в силу лишь в декабре 2004 года.

За долгие годы борьбы и нищеты в прессе неоднократно появлялись всевозможные пасквилы: «...Вдова автора книг об Анжелике...», «Вторая смерть Сержа Голона...» Их авторы самым решительным образом обвиняли Анн Голон в том, что она хочет стереть имя мужа из памяти читателей, говорилось также, что она якобы намеревается выпустить в Германии книги, где не будет значиться его фамилия...

ОДНАКО ОБЩЕИЗВЕСТНО, что впервые «АНЖЕЛИКА» была издана в Германии в 1956 году (точно так же выходили и все остальные тома). Но пресса подобного рода предпочитает игнорировать данный факт и, не желая останавливаться, даже обвиняет двадцатилетнюю Голон в безразличии к Франции на том основании, что во время войны она пересекла оккупированную страну на велосипеде: пишут, что Анн «беззаботно путешествует по Франции, нисколько не смущенная наступлением черных дней».

¹ В некоторых очень немногих изданиях все же приводились биографические данные об Анн и Серже Голона. — *Примеч. ред.*

НО РЕАЛЬНОСТЬ ТОЛЬКО ОДНА.

Да, Анн Голон действительно колесила по французским дорогам Франции в 1941—1942 годах, и ее единственным оружием были ручка и карандаш. Вот что она тогда писала:

«Франция — это слово чести, звонкое, как серебро.

Франция — это орифламма, взлетевшая к небесам, раздуваемая жарким ветром сражений...

А еще — ребенок, смеющийся под солнцем.

...Послушайте.

Надо отправиться в путь по дорогам Франции.

Лишь на них начинаешь понимать...

Надо выезжать на дороги Франции.

Когда мужчины уходят на войну, все они кажутся одинаковыми в военной форме.

Но одни уходят по принуждению, другие — потому что любят приключения и риск.

Есть те, кто уходит, чтобы защищать мир, свою тихую, спокойную, обычную жизнь.

И те, кто уходит, чтобы защищать свой очаг, свой маленький домик, жену и детей.

Есть те, кто уходит, чтобы защищать свое поле, свою землю, место, где они родились,

И чтобы вернуть счастье тем, кого они любят.

Есть те, кто идут прямо, и глаза их сверкают огнем.

Перед ними мелькают небольшие деревни, укрытые деревьями, острія колоколен на горизонте, тихие реки под ивами и лазурный небосклон, распаханное поле, бурая земля, жаворонки...

Их христианская родина проносится мимо.

Земля Франции, Королевство Марии, Земля Орлеанской Девы, сотворившей Чудо, эта земля рождает отважных и пламенных людей, память о которых сияет сквозь века, словно живой факел...

Случалось, мне говорили:

«Послушай, бедная девочка, ты не о том думаешь... сейчас, в нынешних обстоятельствах, в такое трудное время...».

Принадлежат ли они к тем людям, которые покидают Родину, потому что она вдруг стала несчастной и разоренной?

Именно в такой час надо идти по Франции и высказать, доказать ей свою любовь.

Июль 1941 — Ж. Дантерн».

В 1944 году в Версале, такая же отважная, как многие другие молодые люди того времени, Симона Шанжэ (она же Жоэль Дантерн и в будущем Анн Голон) увезла на своем велосипеде один из планов Высадки¹, благодаря чему удалось спасти людей из знаменитой организации Сопротивления прямо перед появлением гестапо. Именно эта женщина позже напишет книгу об АНЖЕЛИКЕ, заставив весь мир полюбить Францию и французскую историю.

Анн и Серж Голон

Любовь Анн и Сержа Голон доказала, что это чувство действительно существует.

Как и большинство талантливых людей, они были простыми в общении и веселыми, блистали острым умом и поражали душевной чистотой. И Анн, и Серж Голон от рождения получили чудесный дар — умение быть счастливыми. Они никогда не верили в злую судьбу, и всегда жили так, как будто бы их окружало одно лишь добро. Они в это верили и так жили. И когда в 1972 году Серж Голон внезапно скончался от кровоизлияния в мозг, свет в глазах его жены погас.

Всеволод Сергеевич Голубинов (так его звали от рождения) появился на свет 23 августа 1903 года в городе Бухаре, в Туркестане, кото-

¹ Вероятно, имеется в виду высадка союзников в Нормандии летом 1944 года. — *Примеч. ред.*

рый тогда входил в состав Российской империи¹. Там по долгу дипломатической службы находился его отец, Сергей Петрович Голубинов. В душе Серж Голон был немного Марко Поло, Михаил Строгов, Тинтин, профессор Турнесоль и месье Юло². Приблизительно четверть века Всеволод Сергеевич посвятил научной деятельности, или, скорее, удивительным приключениям, пережитым в самых разных уголках мира, и только в сорок четыре года встретил юную журналистку Жоэль Дантерн, которая была младше его на девятнадцать лет.

Дочь капитана первого ранга Пьера Шанжё, Симона Шанжё родилась в Тулоне 17 декабря 1921 года. Свою первую книгу она написала в восемнадцать лет и после этого зарабатывала на хлеб исключительно своим пером; друзья даже прозвали ее Трубадуром за талант рассказчицы. Под псевдонимами Жоэль Дантерн, Анна Сервоз, Доминик Понмен она опубликовала несколько бестселлеров («Страна за моими глазами», «Золотой булжник», «Мастер Куки»); пробовала свои силы как сценарист, кинорежиссер, была одним из учредителей журнала «France 47», впоследствии превратившегося во «France Magazine». Став лауреатом премии Ги де ля Ригоди, она отправилась делать серию репортажей в Африку.

Будущий Серж Голон начал жизнь искателя приключений уже в пять лет, сбежав из дома, чтобы рассказывать о своих мечтах на базарах. В десять лет мальчик свел знакомство с немецким шпионом, геологом-разведчиком, изучавшим озеро Урмия³, который привил Всеволоду страсть к минералогии. В двенадцать лет Серж Голон подружился с предводителем разбойников, грозным Реза Ханом, который заправлял в горах Исфахана. Два года спустя Сержа Голона отправили учиться в севастопольскую гимназию, и во время революции он проехал по России, пряча золото в башмаках, а пистолет под жалкими лохмотьями. Оказавшись на берегу

¹ Бухара была столицей Бухарского ханства, находившегося под протекторатом России. В состав Туркестанского округа не входила. — *Примеч. ред.*

² Журналист Тинтин и профессор Турнесоль — персонажи популярных комиксов бельгийского художника Эрже; мсье Юло — главный персонаж фильма Жака Тати, неловкий, но отважный. — *Примеч. ред.*

³ В то время семья Голубиновых жила в Иране. — *Примеч. ред.*

Черного моря, юноша видел, как большевики расстреливали из пулеметов аристократов, бросавшихся в воду. Серж Голон пытался примкнуть к Белой армии, но молодого человека не приняли в ее ряды, потому что он был еще слишком юн, а также потому, что так распорядился дядя Всеволода, адмирал Евгений Петрович Голубинов, который не хотел, чтобы племянник погиб. Переодевшись помощником кочегара, юноша добрался до Франции, где в итоге воссоединился со своей оставшейся без средств многочисленной семьей, которая бежала в Константинополь через пустыню, а затем переправилась во Францию.

Самый молодой доктор наук Франции, двадцатилетний Серж Голон уехал в Африку, и заработок исследователя позволил получить образование его пяти братьям и сестрам. [Во время Второй мировой войны] по поручению организации «Свободная Франция» и по приказу генерала де Голля Серж, как и другие, должен был найти столько золота и алмазов, чтобы обеспечить финансовую независимость функционеров организации от Англии и независимость будущей освобожденной Франции. Доктор Всеволод Голубинофф был заочно приговорен к смерти правительством Виши за то, что был на стороне сопротивлявшихся колониальных войск и способствовал тому, что армия Леклерка¹ смогла выдвинуться из Центральной Африки.

Сразу по окончании Второй мировой войны, после восьмилетнего отсутствия Всеволод Голубинофф приехал во Францию, и к нему тут же обратился его друг — писатель и художник-иллюстратор,

¹ Леклерк (настоящее имя — Филипп Франсуа Мари Жак де Отлок, 1902—1947) — французский военачальник. В начале войны попал в плен, бежал и присоединился к де Голлю, который назначил его военным губернатором Чада и Камеруна. С ноября 1941 командующий войсками во Французской Экваториальной Африке, полностью находившейся под контролем де Голля и его «Свободной Франции». В декабре 1942 года во главе войск «Свободной Франции» совершил переход через Сахару для соединения с частями 8-й британской армии и 25 января 1943 года вступил в Триполи, где из его войск была сформирована 2-я французская легкая пехотная дивизия. — *Примеч. ред.*

мечтавший выпустить книгу увлекательных воспоминаний. К написанию будущего бестселлера друг Всеволода привлек также одного известного автора, и они оба надеялись получить за книгу премию, ими же самими и учрежденную. Таким способом ведущие авторы издательства хотели сами опубликовать книгу, которая смогла бы конкурировать с проектами их директора, чтобы заставить его больше считаться с требованиями сотрудников. Оставалось лишь найти наивного иностранца, не имеющего намерений связать свою жизнь с литературой, но способного поведать занимательную историю. «Заговорщики» сразу же поняли, каким подарком судьбы стал для них чудаковатый провинциал с его необыкновенными приключениями.

И вот грамотный профессионал, известный автор, облек в литературную форму воспоминания, написанные В. Голубиной-Фоминской.

Так появилась книга «Подарок Реза Хана», на обложке которой стоял псевдоним Серж Голон. Как и предполагалось, он официально стал лауреатом премии Корсара. Впрочем, приключенческая канва обеспечила заслуженный успех повести, которая выгодно выделялась среди множества других произведений, посвященных Сопротивлению. Однако премия была только одна. И официальный, но не названный соавтор, литературно обработавший рукопись Сержа Голона, забрал себе премию, а впоследствии пользовался всеми авторскими правами на это издание.

В том же году (1947) юная Жоэль Дантерн за книгу «Патруль фонтана Невинных святых» получила премию Ги де ля Ригоди, премию настоящую, присуждающуюся настоящим жюри за настоящий конкурс.

В ВЕРСАЛЕ Жоэль Дантерн собирала чемоданы для поездки в Африку. Пару дней назад, стоя на Елисейских Полях, она подбросила монетку: остаться, чтобы продолжить борьбу и шаг за шагом строить свою карьеру в осином гнезде под названием «кинематограф», который она обожала, но где ей почти не платили (Sacem¹, членом

¹ Sacem («Товарищество писателей, композиторов и музыкальных издателей» от фр. *Société des auteurs, compositeurs éditeurs de musique*) — французская ассо-

которого являлась Дантерн, поддерживал молодую сценаристку и следил за тем, чтобы ее имя появилось в заглавных титрах фильмов, автором которых она была), и в издательствах, где ее уже ограбили, как и других писателей... или все бросить и уехать как можно дальше и заниматься репортажами. Ей выпал отъезд. Она купила билет в Африку.

Ирония судьбы. Через несколько недель, глубокой ночью, в темноте тропического леса, раскинувшегося на высокогорном плато бемба¹, Жоэль Дантерн, независимый репортер, наткнулась на колониалиста-оригинала со странным именем, которое она уже слышала от своего коллеги — соавтора книги Сержа Голон. И он заговорил с ней.

Именно так началась их история. Она была красива и потрясала воображение. Караваны, дороги, враждебно или дружески настроенные племена, священные леса, проклятия колдунов, погони, преступления, угрозы крупных промышленников, украденные шахты... деколонизация, возвращение во Францию, нищета, судебные приставы, не представляющие, что можно взять в доме безденежной чаты, обращение к президенту республики. Безработный Серж Голон, несмотря на долги, многие годы разрывался между Парижем и Версалем, пытаясь найти работу по своей основной профессии геолога-разведчика. Все тщетно. На то были свои причины, о которых я не стану здесь упоминать.

Они жили лишь на доходы от авторских прав Жоэль Дантерн; у супругов даже родилась идея объединить усилия и вместе писать научные статьи, а также литературно переработать некоторые воспоминания Сержа. Так появилась книга «Сердце диких зверей». Поскольку речь шла о воспоминаниях мужа, Анн пожелала, чтобы они выходили под псевдонимом Серж Голон. Вскоре была опубликована повесть «Озерные гиганты», которую Жоэль Дантерн написала в соавторстве с супругом, а затем предложила своему изда-

циация, осуществляющая коллективное управление авторскими и смежными правами. Основана в 1850 г. — *Примеч. пер.*

¹ Народ, проживающий на территории современных Замбии и Конго. — *Примеч. ред.*

телю. Параллельно Анн опубликовала три собственные книги об Африке, одна из которых — «Тревога в Чаде».

И вот родилась Анжелика

Однажды в 1952 году в Версале, когда Анн сидела и тербила в руках свое перо, у нее перед глазами, прямо в той самой комнате, которую супругам предоставила мать Анн после их возвращения в метрополию, появился чудесный пейзаж Пуату, такой же, каким она увидела его впервые, путешествуя на велосипеде во время войны. Анн как наяву видела сельскую местность, шарообразно подстриженные кроны ясеней, склоняющиеся над мерцающей зеленью золота, огромные желтые цветы... и маленькую светловолосую девочку, весело бегущую куда-то.

Анжелика, Маркиза Ангелов, явилась в тот день писательнице, как прежде являлись персонажи других ее романов: «Мастер Куки», «Сундук Лимбы» или «Патруль Невинных святых». Но это не было явлением, связанным с религиозным, мистическим экстазом, словно явление Девы Марии четырнадцатилетней девочке из Лурда¹, нет: это вдохновение, которое приходит к любому настоящему писателю, явление того образа, который он собирается создать. И тайна такого рождения будущего литературного персонажа всегда неразрывно связана с накопленным опытом, с предыдущим творчеством. В тот день Анн Голон уже знала, что этот ребенок станет началом и героиней ее новой истории, что эта героиня будет жить во времена Людовика XIV, а однажды отправится в Америку... АНЖЕЛИКА. Анжелика — дягиль, ангелика², скромное болотное растение с желтыми цветочками, растение, которое называют «травой ангелов». Анжелика — такое модное имя XVII века... Анжелика... прикосновение Небесного крыла.

¹ Лурд — небольшой город у подножия Пиренеев, стал центром паломничества после того, как четырнадцатилетняя крестьянская девочка Бернадетта Субиру рассказала, что здесь в 1858 г. ей восемнадцать раз являлась Дева Мария. — *Примеч. ред.*

² Латинское название дягиля. — *Примеч. ред.*

Почему именно XVII век?

Потому что литераторы послевоенной эпохи не обращались к Великому веку. И кроме того, Анн и Серж Голон жили в Версале, рядом с дворцом, тогда еще полузаброшенным, и рядом с библиотекой, полки которой ломились от никому не известных документов. Анн и Серж вошли в эту библиотеку вместе, рука об руку, вошли, как истинные исследователи, которыми они и были. Совершенно случайно Серж обнаружил старую книгу о небогатых дворянских родах во Франции. Именно в эту среду Анн решает поместить семью Анжелики де Сансе, живущую в старом замке. А еще Анн и Серж нашли массу неизвестных документов, посвященных истории войны Севера и Юга Франции, войны между культурами языков «ок» и «ойль»¹. И Анн создала графа Жоффрея де Пейрака, богатейшего окситанского вельможу, опирающегося на трость. У букинистов на набережной Сены супруги приобрели старую книгу о берберях, о Братьях на ослах² и о работорговле на Средиземном море. Анн поняла, что однажды Анжелика должна будет отправиться в морское плавание. Так рождался роман.

Серж Голон любил участвовать в запуске самых разных проектов. Именно у него появилась идея отдать новую рукопись своей жены одному необычному, но, по его мнению, многообещающему агентству (агентство Орега Mundi стало первым издавать во Франции комиксы Уолта Диснея, в частности «газету Микки»). Впоследствии именно для этого агентства Серж, используя свои многочисленные таланты, пробовал изобрести новые, более яркие и сочные краски, которые можно было бы применять в печати... Но на сей

¹ Langue d'oc — язык «ок» — язык Южной Франции, где «ок» обозначало утверждение. Langue d'oil — северофранцузский язык, где утверждение звучит как «ойль». Отсюда названия «Лангедок» и «Окситания». — *Примеч. ред.*

² Так в простонародье звали монахов католического ордена тринитариев. Основан в 1198 г. французским богословом Жаном де Мата и пустынноиком Феликсом де Валуа для выкупа пленных христиан из мусульманского плена. По уставу, не имели права ездить на лошадях. — *Примеч. пер.*

раз он сам был околдован Искусством и неожиданно стал художником. Серж Голон был редким мужчиной, который всегда восхищался и вдохновлялся талантами любимой женщины. Ему нравилось, что жена столь страстно увлечена творчеством, что она является воплощением литератора, живущего и дышащего лишь своими творениями.

Мои родители никогда не писали так, как это пытались представить многочисленные статьи, посвященные совместному творчеству четы Голон: «каждый из них пишет по 50 % текста...» или «у нее — воображение, у него, как у инженера, — научная строгость»; или того хуже: «у этих меркантильных и хитрых дельцов» имеется «свой рецепт» написания книг, или «пара обычных литературных негров», по всей видимости воплощающих в жизнь гениальные планы своего агентства.

Прессу того времени может оправдать лишь тот факт, что всю эту ложь предоставляло... само агентство.

Первая книга об Анжелике появилась в Германии в 1956 году, и на ее обложке значился лишь один автор: Анн Голон. Затем в 1957 году книга вышла во Франции, и теперь ее авторами были названы Анн и Серж Голон; в англоязычных странах, по решению все того же агентства, автором «Анжелики» стал некий Сержанн Голон, потому что якобы мужское имя придавало изданию «солидности». Именно так начиналась история книг об АНЖЕЛИКЕ, чей феноменальный успех не превзойден и в наши дни.

В 1959 году Анн и Серж Голон решили переехать вместе с детьми в небольшое шале в горах Швейцарии. Здесь на лоне природы для них началась новая жизнь. Потом были другие путешествия и приключения, но маленькое федеративное государство, где еще в Средние века зародилась демократия и были сформулированы права гражданина, навсегда осталось в сердце супругов.

Без Сержа, без их любви Анн никогда бы не написала «Анжелику»; а если бы и написала, то это было бы совсем другое произведение.

Ведь встреча с Любовью — с настоящей любовью — великое чудо, которое одаривает человека бесконечным вдохновением. Божественной, мистической и одновременно земной человеческой любовью дышит весь роман об Анжелике.

Любовь снизошла на них в то раннее утро в Конго, когда Всеволод Голубинофф увидел прекрасную девушку, восхищающуюся Африкой, краем, который был так ему дорог. Он сразу понял, что она должна стать его жизнью, его судьбой, иначе ему придется умереть, и прыгнул в бушующий водопад Буэнза, куда бросали людей, которых хотели подвергнуть Божиему суду, — виновных перемололо бы там, как деревья на опилки. Он прыгнул в водопад и выбрался на островок в центре реки, зажав в зубах белую орхидею, которую сорвал для дамы своего сердца — а она уже сочла его погибшим. Они никогда не говорили о свадьбе, а просто обвенчались в Пуэнт-Нуар; так заключили союз (тогда не приветствовавшийся) православный и католичка. И их приключения начались именно с того, чем обычно они заканчиваются в сказках, — со свадьбы.

Разве дворянин Жофfrey де Пейрак смог бы блистать своим обаянием без Сержа? Нет. Потому что Серж играл в жизни Анн роль музы.

Вот каким был Серж Голон, потомок дворян, ученый, изобретатель, доктор наук, обладатель десятка научных патентов, человек, говоривший на семнадцати языках, искатель приключений, и при этом любящий отец семейства, художник, влюбленный в розы и в свою жену. Разве такой мужчина мог при жизни или после смерти отнять у любимой звание творца и автора «АНЖЕЛИКИ»?

Есть только одна реальность

С самого младенчества мы, мои братья, сестра и я, помним нашу мать, каждый день корпящую над «АНЖЕЛИКОЙ», и нашего отца, занимающегося живописью и продолжающего свои научные исследования после возвращения из последней поездки по Африке (1961). Ребенком я много раз видела, как самые известные журналисты с презрительной улыбкой отворачивались от отца, когда

на вопросы об «Анжелике» он отвечал: «Спросите об этом мою жену. Это она автор книги, именно она ее пишет». И они называли отца «жалким человеком...» лишь потому, что он отдал супруге ее законные лавры автора. Следует заметить, что в те годы во Франции замужняя женщина по закону имела столько же или даже меньше гражданских прав, чем несовершеннолетний подросток. Сегодня подобное явление еще встречается в некоторых странах мира.

Анн мечтала подарить Сержу спокойную жизнь — насколько это вообще было возможно, — мечтала, чтобы он продолжал научные исследования красок, а также совершенствовал свое живописное мастерство, ведь он стал художником-мистиком, стремившимся запечатлеть на холсте вечную красоту природы.

Они были партнерами, счастливыми влюбленными, любящими родителями. И у нас, детей Анн и Сержа Голон, благодаря им было волшебное детство.

Эпилог и о будущем

После долгих лет ежедневной борьбы, отчаяния, бедности, утраты былых иллюзий Анн Голон и Анжелика наконец-то победили. Победили во многом благодаря помощи, пришедшей из Интернета, благодаря встречам Автора со своими фанатами со всего мира, благодаря солидарности, общности интересов, дружбе. И конечно же, благодаря неустанной поддержке художников и скульпторов Ивы Гаро и Режиль, без которых мне бы пришлось одной выполнять миссию, которую я сама на себя возложила в 1991 году: миссию по спасению моей матери и ее произведения.

Сегодня невысокая, кругленькая Анн Голон, перенесшая тяжелые хирургические операции, а главное, пережившая страшнейшее моральное давление и незаслуженные нападки, вновь отправляется в путь. С небрежной прической, немного постаревшая, она, как и раньше, твердо стоит на земле, а в ее голове рождаются картины и персонажи, ведь она до сих пор одержима своим грандиозным творчеством, творчеством настоящим и творчеством будущим.

Эта женщина никогда не сможет стать циником и потерять надежду. Иначе она бы не стала автором «Анжелики». И это произведение не появилось бы на свет.

Благодаря публикации полного собрания сочинений об Анжелике, которую осуществляет издательство *Refuge*, Анн Голон обрела новое дыхание, отвагу, наивность и вечную молодость своих героев.

Надя Голубинофф

Маркиза Ангелов

Том I

Часть первая
Монтелу

Глава 1

*Кухня Монтелу
1646*

— Кормилица, — спросила Анжелика, — а почему Жиль де Рец убивал маленьких детей?

— Во имя дьявола, девочка моя, все во имя дьявола. Жиль де Рец, людоед из Машекуля, мечтал стать самым могущественным сеньором на свете. В его замке было полным-полно разных реторт, перегонных кубов, склянок и котелков, до краев наполненных кроваво-красным варевом, над которым клубился зловонный пар. Дьявол требовал в жертву сердце ребенка. Так и начались преступления. Матери в ужасе показывали пальцем на черный донжон замка Машекуль, окруженный стаями воронья — столько трупов невинных младенцев гнили в подвалах замка.

— И что, он их всех съедал? — дрожащим голосом спросила Мадлон, младшая сестра Анжелики.

— Конечно, не всех, всех бы он просто не смог съесть, — ответила кормилица.

Она склонилась над котлом, в котором варились свиное сало и капуста, и какое-то время молча помешивала суп. Органс, Анжелика и Мадлон, три дочери барона Сансе де Монтелу, замерли с поднятыми ложками, в томительной тревоге ожидая продолжения рассказа.

— Он поступал еще хуже, — рассказчица наконец прервала затянувшееся молчание, ее голос стал злым. — Сначала он приказывал привести к себе бедных испуганных мальчиков и девочек, кото-

рые громко кричали и звали мать. А сам сеньор, развалившись на кровати, наслаждался страхом своих жертв. Затем он велел подвесить ребенка на чем-то вроде виселицы, укрепленной в стене, и это адское орудие сжимало грудь и шею бедняжки, но не настолько сильно, чтобы тот умер. Ребенок бился в путах, словно придушенный цыпленок, его крики становились все тише и тише, глаза вылезали из орбит, и он синел. А в большом зале раздавался лишь хохот жестоких мужчин и стоны маленькой жертвы. Тогда Жиль де Рец приказывал отвязать несчастного; он сажал крошку к себе на колени, прижимал к груди воспаленный лобик маленького ангелочка. И тихо успокаивал его. «Ничего страшно, все это лишь игра, — повторял он. — Мы просто хотели поразвлечься, но теперь все кончилось». Ребенку обещали конфеты, роскошную перину, шелковый костюмчик, как у настоящего маленького пажика. Дитя успокаивалось. Его глаза, еще полные слез, сияли радостью. И вот тогда сеньор внезапно вонзал кинжал в его шею. Но самое страшное началось, когда Жиль де Рец похищал юных девушек.

— И что он с ними делал? — не выдержала Органс.

Тут старый Гийом, сидящий у очага и натиравший на терке сверток табачных листьев, вмешался в разговор, проворчав в желтоватую бороду:

— Да замолчи наконец, сумасшедшая старуха! Я старый вояка, и то твоя белиберда меня пронила.

Грузная Фантина Лозье проворно развернулась к нему лицом.

— Вздор?! Сразу видно, что вы не пуатевинец, точно не местный, Гийом Лютцен. Стоит отъехать отсюда к Нанту, тут же наткнешься на проклятый замок Машекуль. Прошло уж два века с той поры, как совершались эти злодеяния, а люди до сих пор крестятся, проходя мимо этих страшных мест. Но вы не из наших краев и ничего не знаете о наших предках.

— Хороши же были у вас предки, если они похожи на этого Жилья де Реца¹!

¹ Жиль Монморанси-Лаваль, барон де Рец (1404—1440) — бретонский аристократ, соратник Жанны д'Арк, маршал Франции. Казнен по обвинению в колдовстве, пытках, изнасилованиях и убийствах детей. В 1992 году группа фран-

— Жиль де Рец был страшным злодеем. Ни одна провинция, кроме Пуату, не может похвастаться тем, что в ней жил такой же монстр! Когда душегуб умер, когда его судили в Нанте и приговорили к смерти, перед казнью он покаялся и попросил прощения у Бога, а все матери, чьих детей он съел и замучил, надели по нему траур.

— Вот так здорово! — воскликнул старый Гийом.

— Да, такие мы, жители Пуату. Великие во зле и великие в прощении!

Рассерженная кормилица поставила на стол горшок и пылко поцеловала крошку Дени.

— Конечно, — продолжила она, — в школу я ходила мало, но могу отличить старинные сказки от рассказов о былом. Жиль де Рец действительно существовал. Может быть, и сейчас его душа еще бродит в окрестностях Машекуля, хотя его тело давно гниет в земле. Поэтому о нем нельзя рассказывать так же легко, как о лесных феях и о лукавых духах, что разгуливают среди огромных валунов на полях. Хотя и над этой нечистью не стоит особенно насмехаться...

— А над призраками, няня, над ними можно смеяться? — спросила Анжелика.

— Лучше не стоит, моя милая. Конечно, призраки не злые, чаще всего они печальные и обидчивые, зачем же добавлять насмешки к мукам этих несчастных?

— А почему она плачет, та старая дама, которая бродит по нашему замку?

— Кто ее знает? В последний раз, когда я встретила бедняжку между бывшим караульным помещением и большой галереей — а было это лет шесть тому назад — мне показалось, что она больше не плачет. Возможно, все потому, что господин ваш дедушка заказал в часовне молебен о ее душе.

— А я слышала шаги дамы на лестнице в башне, — заявила служанка Бабетта.

пузских историков заявила, что обвинения были надуманными, признания вырваны под пытками, а дело затеяли герцог Бретонский и его канцлер, которые хотели захватить владения барона. В народе издавна бытовала легенда о нем как о жестоком убийце, «людоеде из Машекуля». — *Примеч. ред.*

— Наверняка это была крыса. Старая дама из Монтелу очень скромная и деликатная, она никого не желает беспокоить. Может, она слепая, как крот? А то почему она всегда ходит с вытянутой вперед рукой? Или она что-то ищет. Случается, что она подходит к спящим детям и проводит ладонью по их лицам.

Голос Фантины сделался тише, в нем проявились зловещие нотки.

— Может, она ищет свое мертвое дитя?

— Почтеннейшая, вы рисуете картины более мрачные, чем можно увидеть на скотобойне, — перебил говорливую кормилицу папаша Гийом. — Возможно, ваш земляк сеньор де Рец и в самом деле был великим человеком, а вы гордитесь тем, что живете всего через два столетия после него. Может, ваша дама из Монтелу тоже достойна всяческого уважения, но скажу я вам, негоже морочить голову этим девчушкам, которые от страха даже позабыли, что им нужно поплотнее набивать свои маленькие животики.

— Ах! Кому-кому, а не вам изображать из себя недотрогу, грубый солдафон, чертов наемник! Сколько маленьких животиков подобных девчушек вы проткнули своей пикой, когда служили императору и сражались на полях Германии, Эльзаса и Пикардии? Сколько хижин вы подожгли, заперев на засов дверь, за которой осталась и сгорела целая семья? Неужто вы никогда не вешали мирных селян? Вы вздернули их столько, что ветви деревьев обламывались под тяжестью трупов. А женщины и девушки, разве вы не насиловали их до тех пор, пока они не убивали себя со стыда?

— Как и другие, моя милочка, как и другие. Такова жизнь солдата. Такова война. Но жизнь девочек, которые сидят перед нами, должна быть полна игр, сказок и смеха.

— До того дня, пока солдаты и разбойники не пройдут по нашему краю, словно тучи саранчи. И тогда жизнь маленьких девочек превращается в жизнь солдата, наполняется войной, нищетой и страхом...

Лицо кормилицы исказила горестная гримаса. Она открыла глиняный кувшин, до краев наполненный паштетом из зайчатины, намазала его на толстые ломти хлеба и дала всем сидящим за столом, не забыв старого Гийома.

— Это я вам говорю... Я — Фантина Лозье, слушайте меня, детки.

Пока взрослые спорили, Ортанс, Анжелика и Мадлон опустошили свои миски и снова устали на кормилицу, а их десятилетний брат Гонтран, который до этого, надувшись, сидел в самом темном углу комнаты, подошел к столу. Настал черед историй о войнах и грабежах, о наемниках и разбойниках, про алое зарево пожаров, наполненное лязгом клинков и криками женщин...

— Скажите-ка мне, Гийом Лютцен, вы знаете моего сына — конюха нашего хозяина, барона Сансе де Монтелу? Он живет здесь, в замке.

— Конечно знаю, красивый парень.

— Так вот! О его отце я знаю только одно: он был солдатом доблестной армии Ришелье, которую монсеньор кардинал отправил в Ла-Рошель на погибель протестантов. Я никогда не была гугеноткой и жарко молила Деву Марию, чтобы она помогла сохранить мне невинность для будущего мужа. Но когда войска нашего короля, доброго христианина Людовика XIII, прошли по нашему краю, я перестала быть девственницей. И я назвала сына Жан-Кираса в память о тех проклятых рубаках, один из которых стал его отцом, чьи кирасы, ошетилившиеся гвоздями, разорвали мою единственную рубашку, а тогда у меня была всего-то одна рубашка. А уж если говорить о разбойниках и грабителях, о тех, кого голод не раз выгонял на большую дорогу, то мне нужна целая ночь, чтобы рассказать, что они вытворяли со мной на соломе в овине, пока их дружки поджаривали пятки моего мужика, чтобы заставить его признаться, где он прячет накопленные денежки. Вокруг воняло так, будто они жарили свинью.

С этими словами толстуха Фантина расхохоталась, а затем плеснула себе яблочного вина, чтобы промочить горло, которое пересохло от бесконечной болтовни.

* * *

Итак, жизнь Анжелики де Сансе де Монтелу начиналась с рассказов о людоеде, о призраках и разбойниках.

Все звали Фантину Лозье таким родным, успокаивающим словом: кормилица. Мало кто спрашивал себя, где же обретаются ее родные дети, пока она нянчит многочисленное потомство баронессы, которая сама не кормила грудью дочерей и сыновей... Конечно,

они толпились в этой же большой кухне, где звучали увлекательные рассказы и которая благоухала аппетитными супами и рагу, томившимися в огромных котлах.

А «е мужик», кому не раз поджаривали пятки нагрывувшие разбойники? Может быть, он тоже жил в замке, среди немногочисленных конюхов или слуг, ухаживал за лошадьми, выполнял тяжелую работу, таскал воду, рубил дрова или чистил хлев небольшой дворянской усадьбы.

В жилах кормилицы текла капелька крови мавров, сарацин — арабских завоевателей, которые в восьмом веке дошли до самого Пуату.

С молоком Фантины Лозье Анжелика впитала в себя ту страстность и мечтательность, которые составляли дух провинции Пуату — земли болот и лесов, открытой теплым и влажным ветрам, дуящим с океана.

Ее пестрая жизнь казалась девочке то ли ярмарочным представлением, то ли волшебной сказкой. Анжелика всей душой полюбила этот мир, у нее появился иммунитет против страха. Девочка с жалостью смотрела на малышку Мадлон, дрожавшую от ужаса, а также на свою старшую сестру Ортанс, такую холодную и чопорную, но в то же время сгорающую от страстного желания расспросить кормилицу о том, что же такое вытворяли с ней разбойники на соломе.

В свои семь лет Анжелика отлично знала, что происходило в сараях. Разве она не водила на случку корову к быку или козу к козлу? А ее друг, маленький пастух Николя, объяснил, что мужчина и женщина поступают так же, если хотят завести ребеночка. Именно так появился Жан-Кираса. Но Анжелику смущало, что, когда кормилица рассказывала об этом, в ее голосе звучали то сладкое томление и восторг, то неподдельный ужас. Но не стоило и пытаться понять кормилицу, ее молчаливость, вспышки ее гнева. Ей было достаточно того, что рослая, подвижная, с мощными руками и мягкими, округлыми коленями под бумазейным платьем няня всегда была рядом, готовая обнять, спрятать, словно птенчика, на могучей груди, спеть колыбельную или рассказать о Жиле де Реце.

Старый Гийом Лютцен, говоривший неторопливо и с заметным раскатистым акцентом, казался проще и понятнее. Считалось, что

он швейцарец или немец. Несколько лет тому назад обитатели замка увидели, как немолодой хромающий наемник бредет босиком по дороге, построенной еще римлянами. Он вошел в замок Монтелу и попросил кружку молока. Да так и остался служить в замке, оказавшись мастером на все руки: чинил утварь, мастерил всевозможные вещи. Барон Сансе поручал бывалому солдату доставить послания к друзьям-соседям, а также полностью переложил на его широкие плечи беседы со сборщиком податей, когда тот являлся требовать долги. Старый Гийом долго его слушал, после чего отвечал на диалекте то ли швейцарского горца, то ли гессенского крестьянина, и обескураженный пристав удалялся.

Гийом тоже знал много историй, потрясавших воображение детей. Особое воодушевление бывшего вояки вызывало лето, потому что именно в это время года солдаты начинают войны. Именно летом славные генералы оставляют королевский двор, где они беззаботно танцевали и развлекались, и отправляются к своим армиям, покидающим зимние квартиры. Никто из солдат никогда не знает, с каким врагом предстоит встретиться и сразиться.

Махнув рукой на восток, где встает солнце, Лютцен принимался рассказывать о неведомой империи. Там, как и во времена римлян, правит император; а еще дальше живут таинственные турки. В тех далеких странах война не прекращается ни зимой, ни летом, она идет бесконечно. Те далекие земли разорены настолько, что теперь там больше волков, чем людей. И поэтому старый солдат шел и шел вперед, в надежде найти край, где не бывает войн.

Откуда он явился — с севера или с востока? В каких сражениях участвовал? И почему этот иноземный наемник пришел по дороге из Бретани? О нем знали лишь, что он бывал в Лютцене, где служил под командованием кондотьера Валленштайна, которому досталась честь проткнуть брюхо славного толстого шведского короля Густава Адольфа, когда тот, заблудившись в тумане во время битвы, напоролся на австрийских копейщиков¹.

¹ При Лютцене в 1632 г. произошло одно из крупнейших сражений Тридцатилетней войны, в ходе которого погиб король Швеции Густав II Адольф; Валленштейн командовал армией имперцев. — *Примеч. ред.*

На чердаке, где устроился Гийом Лютцен, можно было увидеть, как в лучах солнца, среди серебристой паутины, поблескивают его старые доспехи и каска, из которой он порой пил подогретое вино или хлебал суп. Огромная пика, в три раза выше человеческого роста, служила Гийому для того, чтобы сбивать с деревьев созревшие орехи. Но больше всего Анжелика завидовала маленькой терке для табака из черепахового панциря, инкрустированной деревянной мозаикой. Гийом называл эту терку «беспутной», как и самих немецких наемников, которых на французской службе тоже величали «беспутными».

Вечерами двери просторной кухни замка не знали ни минуты покоя. Они то и дело открывались, принося с собой сильный запах навоза, и на кухню входили слуги, служанки и кучер Жан-Кираса, столь же неразговорчивый, сколь болтлива была его мать. Вслед за ними пробирались собаки: две длинные изящные борзые Марс и Маржолен, и таксы, перепачканные в грязи по самые уши.

Дверь во внутренние покои замка впустила на кухню миловидную Нанетту, которая выполняла обязанности горничной и очень надеялась, что со временем сможет набраться достаточно хороших манер, для того чтобы уйти от своих небогатых хозяев и наняться в услужение к маркизу дю Плесси-Бельеру, чей замок возвышался всего в нескольких лье от Монтеу. Взад-вперед сновали двое слуг с нечесаными лохмами, спадавшими на глаза. Они носили дрова для большого зала и воду для комнат.

Затем появилась сама госпожа баронесса. У нее было доброе лицо, иссушенное на открытом воздухе и увядшее от многочисленных родов. На ней было серое саржевое платье, а голову покрывал черный шерстяной капюшон, потому что в большом зале, где она проводила время с дедушкой и старыми тетушками, из-за влажного воздуха было холоднее, чем на кухне.

Мадам де Сансе спросила, скоро ли будет готов травяной отвар для господина барона, охотно ли сосал грудь малыш. Мимоходом она погладила по щеке задремавшую Анжелику, чьи длинные локоны цвета темного золота разметались по столу, переливаясь в отблесках огня.

— Пора ложиться спать, девочки. Пюльшери проводит вас в постель.

Тут же в кухне появилась Пюльшери — одна из престарелых тетушек, всегда тихая и покорная. Бесприданница, она так и не смогла найти ни человека, готового взять ее замуж, ни монастыря, готового ее принять, и вместо того, чтобы целыми днями стонать и ткать гобелены, она, желая быть полезной, охотно взяла на себя роль гувернантки при своих племянницах. Все относились к ней с легким презрением и оказывали заметно меньше почтения, чем толстой тете Жанне.

Пюльшери, словно квочка, принялась созывать племянниц. Служанки укладывали младших детей, а Гонтран, за неимением наставника, отправлялся к своему соломенному тюфяку на чердаке, когда ему заблагорассудится.

Органс, Анжелика и Мадлон пошли за худой, как палка, старой девой и оказались в одном из залов замка, где огонь камина и пламя трех свечек с трудом рассеивали мрак, веками копившийся под стрельчатыми средневековыми сводами. Несколько гобеленов, развешанных по стенам, должны были защищать помещение от сырости, но они были настолько ветхими и изъеденными молью, что невозможно было разобрать, какие сцены на них изображены. Только чьи-то безумные глаза на бледных, словно мертвых, лицах с укором следили за обитателями замка.

Девочки присели в реверанс перед своим дедом. Старик сидел у огня, закутавшись в широкий черный плащ, отороченный облезшим мехом. Но его белые руки, возлежавшие на массивном набалдашнике трости, воистину можно было назвать королевскими. Он носил широкополую черную шляпу, и его квадратная борода, постриженная по моде покойного короля Генриха IV, касалась маленького воротничка-плойки, который Органс, предпочитая держать свое мнение в тайне, находила немодным и устаревшим.

Второй реверанс предназначался тетушке Жанне, чьи надутые губы никогда не соизволяли сложиться в улыбку. Затем сестры поднимались по парадной каменной лестнице, влажной, как стены грота. Зимой в спальнях царил ледяной холод, зато летом в них было прохладно. Сюда приходили только затем, чтобы поскорее нырнуть

в постель. Большая кровать, на которое спали все три девочки, возвышалась в углу пустой комнаты, словно массивный саркофаг, — всю остальную мебель распродали представители последнего поколения владельцев замка. Плиточный пол, зимой покрытый соломой, во многих местах был выщерблен. На кровать приходилось карабкаться по маленькой лесенке из трех ступеней. Надев короткие ночные сорочки и чепчики, поблагодарив на коленях Бога за его милость, три девицы де Сансе де Монтелу взбирались на толстенную перину и натягивали до подбородка дырявые одеяла. Анжелика тут же выискивала прореху в простыне, просовывала в нее свою розовую ступню и начинала шевелить пальцами ноги, чтобы посмешить Мадлон.

Из-за историй, рассказанных няней, малышка дрожала сильнее, чем пугливый кролик. Ортанс тоже боялась, но молчала, стараясь не выдать страха, потому что она была старшей. Лишь Анжелика с пылкой радостью наслаждалась этим сладостным страхом. Ее жизнь была соткана из тайн и открытий. Было слышно, как мыши грызут деревянную обшивку стен, как ухают совы и летучие мыши порхают вокруг верхушек двух башен, испуская тонкие пронзительные крики. Во дворе поскуливают борзые, а на лужайке одинокий мул трется шкурой о стену замка.

Случалось, зимней ночью, под вьюгу, раздавался вой волков, которые приходили из дикого леса Монтелу к человеческому жилью. А стоило наступить весне, вечерами до замка доносилось пение крестьян из деревни, танцевавших ригодон при свете луны...

Глава 2

*Маркиза Ангелов. — Маленькие синие книги. —
Анжелика и колдунья Мелюзина*

Порой, думая об Анжелике, Пюльшери плакала. Этот ребенок не только олицетворял собой крах того, что почтенная дама полагала традиционным воспитанием, но также крах ее древнего дворянского рода, потерявшего достоинство из-за бедности и нужды.

Еще на рассвете, с развевающимися волосами, одетая только в простую крестьянскую рубашку, лиф и выцветшую юбку, малышка убегала из дома. А ее маленькие и изящные, как у принцессы, ступни были загрубевшими, словно оленьи рога, потому что, прежде чем помчаться куда-то по своим делам, она забрасывала башмаки в первый попавшийся куст. Когда ее окликали, она нетерпеливо поворачивала свое круглое и золотистое от солнца личико, а ее глаза, по цвету напоминавшие зеленовато-голубой болотный дягель — растение, носящее имя самой девочки, Angelica, — задорно сияли.

— Надо бы отдать ее в монастырь, — вздыхала Пюльшери.

Но молчаливый барон де Сансе, уставший от постоянных забот, только пожимал плечами. Как отправить в монастырь вторую дочь, если нет возможности дать образование старшей? Доходы едва дотягивают до четырех тысяч ливров в год, пятьсот из которых приходится отдавать августинскому монастырю в Пуатье, где воспитываются два его старших сына.

Рядом с болотами жил Валантен, друг Анжелики.

Рядом с лесом жил другой ее друг — Николя, один из семерых детей крестьянина, уже сам служивший пастухом у господина де Сансе.

С Валантенем она плавала на лодке по «водным тропинкам», окаймленным незабудками, мятой и дягилом. Валантен целыми охапками набирал высокий изящный дягиль с терпким чудесным ароматом. Он продавал цветы монахам Ньельского аббатства, которые готовили из корней и цветов лечебные настойки, а стебли применяли в кулинарии. Взамен мальчик получал монашеские наплечники с крестами и четки, которые он набрасывал на головы детей из протестантских деревень. Малышня разбегалась от него с дикими воплями, как будто сам черт плевал им в лицо. Мельника, отца Валантена, огорчали странные выходки сына. Хотя он и был верным католиком, но выказывал веротерпимость. Зачем нужна торговля дягилом, если со временем Валантен унаследует патент мельника и ему надо будет только управляться с делами на удобной мельнице, что стоит на сваях у реки? Но Валантена мало кто понимал. Румяный и уже в свои двенадцать лет сложенный, как Геркулес, он был молчаливее карпа. Его рассеянный взгляд вечно где-то блуждал, и завистники мельника считали парня немного слабоумным.

С пастушком Николя, неутомимым хвастунишкой и болтуном, Анжелика ходила за грибами, ежевикой и черникой. Они вместе собирали каштаны, а из ветвей орешника мальчик вырезал дудочки для своей подружки.

Оба мальчишки готовы были поубивать друг друга за благосклонность Анжелики. Она уже была настолько красива, что крестьянские дети смотрели на нее, как на фею, одну из тех, что живут в большом дольмене на колдовском поле.

У Анжелики была мания величия.

— Я — маркиза, — заявляла она каждому, кто ее слушал.

— Вот как? С какой же стати?

— Потому что я выйду замуж за маркиза, — отвечала проказница.

Роль «маркиза» по очереди исполняли то Валантен, то Николя, то еще кто-нибудь из тех сорванцов, что носились вслед за девочкой по лугам и полям. Все эти озорники были безобидными, как птички.

А еще дочь барона любила повторять очень забавную фразу:

— Я Анжелика, я веду на войну своих маленьких ангелов.
Вот откуда и взялось ее прозвище: маленькая Маркиза Ангелов.

* * *

Почти каждый год идиллию сонных рощ, принадлежавших Маркизе Ангелов, нарушало появление странствующих торговцев, пробуждавшее в душе девочки сладостные мечты и тайные страсти.

Торговцев было двое.

Одного прозвали Овернцем, потому что чаще всего именно из этой горной провинции приезжала крытая повозка, запряженная ослом или мулом, и сидевший в ней торговец на целый день завладевал вниманием всей деревни. В его повозке громоздилась всяческая утварь, галантерея, посуда, ткани. Именно он привозил крестьянам годовой календарь-справочник, и все были почти уверены, что в середине декабря увидят его двуколку. У него были свои покупатели, которых он знал не по именам, а по домам, или же по заранее оговоренным местам встреч, где они к взаимной выгоде совершали сделки.

Другой, тоже уроженец гор, возможно савояр¹, не был столь постоянен. Шли дни, и люди уже начинали беспокоиться. И вот наконец все видели, как одна из деревенских девушек бежит через луг с криком: «Вот и он со своим сундуком!»

Это был невысокий смуглый человек с угольно-черными бровями.

Он шел пешком.

Он носил тюрбан из выцветшего шелка, украшенный потрепанным непогодой пером. Его плащ спускался до самых лодыжек. На спине торговец нес корзину высотой почти в свой рост, где лежали простенькие украшения и несколько отрезков ткани. На перевязи через плечо висел пресловутый сундук, который он поддерживал левой рукой. Он ни разу не пришел без сундука, но люди все равно волновались: а вдруг им не повезло и на этот раз торговец уже рас-

¹ Савоя — историческая область на юго-востоке Франции. В описываемый период входила в состав Священной Римской империи. Жители Савойи — савояры — часто занимались отхожим промыслом. — *Примеч. ред.*

продал все содержимое сундука, пока добрался до Монтелу? Тогда новый год будет безнадежно испорчен.

Правой рукой торговец выуживал из своего сундука маленькие синие книжки, и ветер перелистывал их страницы с хлопками, похожими на трещотку прокаженного.

Но резкий звук не отпугивал людей, а, наоборот, заставлял мчаться на него со всех ног. И это было настоящее счастье!.. Под крышами бедных лачуг и под сводами просторных замковых кухонь наступало время открытий и откровений, объединявшее умы.

Звездный час Органс! Усевшись за большим столом, она читала вслух, а Анжелика и Нанетта, прижавшись к ней с обеих сторон, тихонько повторяли услышанное. А какой успех ждал чтицу, если, открыв и пролистав книжечку, она с торжеством сообщала, что обнаружила продолжение истории о Николетте и об Окассене¹, о храбром рыцаре Роланде и его славном мече Дюрандале, о Карле Великом с его пышной бородой, о короле Артуре и рыцарях Круглого стола...

Обложки были сделаны из той же синей оберточной бумаги, которой бакалейщики оборачивали сахарные головы, предназначенные для продажи. Может статься, какая-то забытая партия этой бумаги и подала книготорговцу-издателю из Труа идею печатать дешевые брошюры для деревенских детей, которых кюре и школьные учителя, и в хорошие, и в трудные годы, пытались обучать грамоте². Эти дети, даже подрастая, не могли покупать газеты, подобно горожанам, а уж книги в кожаных переплетах и вовсе оставались недоступной роскошью для крестьян, привязанных к своему тяжелому труду на земле и обреченных на уплату разорительных, вытягивающих последние жилы налогов.

Наверное, печатник дал своим работникам полную свободу выбирать, каким духовным содержанием заполнить эти листки в си-

¹ Средневековая французская поэма. — *Примеч. ред.*

² Речь идет о «Синей библиотеке Труа», дешевых книгах для народа, весьма популярных в XVII—XVIII веках. — *Примеч. ред.*

ней обложке, соединенные двумя пеньковыми шнурками, продетыми сквозь отверстия.

Подручные печатников перерывали склады книжных магазинов, где пылились старинные издания с историями, вышедшими из моды, и порой их выбор оказывался удачным. И тогда книгу ждал полный и безоговорочный успех, а бродячие торговцы, осведомившись о новинках, выбирали товар, не забывая сверяться со списком, куда они заносили персонажей, которых покупатели любили больше всего. Вот почему в таких книгах воскресали старинные легенды, наполненные веселым лязгом огромных мечей, подвигами могучих героев, о которых можно было мечтать, не опасаясь, что они разочаруют вас своей трусостью или недостойным поступком.

Зачарованные и одновременно воодушевленные невероятными историями, чтецы и их слушатели чувствовали, как крепнут их чистые, словно горный хрусталь, и твердые, как старинный алмаз, души. В звенящей тишине, нарушаемой лишь голосом чтеца, люди наслаждались чувством безопасности, которое дарили им мощные стены окрестных замков, черневшие в подкравшихся сумерках, словно древние скалы, словно вечные острова, затерянные среди первозданных стихий — болот, куда проникают горьковато-соленые волны океана, и темной кудрявой зелени безбрежного кельтского леса.

Одна из стен замка Монтелу выходила на болото. Это была самая старая часть укреплений, возведенная еще в двенадцатом веке далеким предком нынешних владельцев замка, неким сеньором Ридуэ де Сансе, соратником Готфрида Бульонского¹. По краям ее возвышались две большие башни с крытыми дранкой мостками для дозорных, на которые любили забираться Анжелика и Гонтран. Дети развлекались тем, что плевали в машикули, откуда в Средние века

¹ Годфрид Бульонский (Годфруа де Буйон) (1060—1100) — один из предводителей Первого крестового похода (1096—1099). После завоевания Палестины — первый правитель Иерусалимского королевства, принял титул «защитника гроба Господня». — *Примеч. ред.*

воины выливали из котлов на головы нападавших кипящее масло. Стена была построена на узком, но высоком известковом мысе, за которым начинались болота. Некогда, в первобытные времена, до этих мест доходило море. Отступая, оно оставило после себя обширную сеть речушек и крохотных озер, теперь заросших ряской и окруженных ивами, — царство угрей и лягушек, по которому крестьяне передвигались только на лодках. Хутора и хижины строились на островах бывшего залива. Путешествуя по этой водной стране, герцог де ля Тремуй, гостивший как-то летом у маркиза дю Плесси, поразился местной экзотике и окрестил край Зеленой Венцией.

Обширные заливные луга и пресноводные болота тянулись от самого Ньора и Фонтене-ле-Конт до океана. Немного не доходя до Марана, Шайе и даже Люсона, они сливались с горькими болотами, или, говоря иначе, с «солеными землями». Дальше шел берег, окаймленный барьером из драгоценной белой соли — вечный предмет раздора между таможенниками и контрабандистами.

Если кормилица почти никогда не рассказывала историй о таможенниках и соляных контрабандистах, хотя такими историями увлекались все жители болот, то лишь потому, что родилась «на твердой земле» и глубоко презирала людишек, живущих по колена в воде, да к тому же гугенотов.

С «суши» замок Монтеу мог похвастаться более новым фасадом, испещренным многочисленными окнами. От луга, на котором паслись мулы, главные ворота замка отделял лишь старый подъемный мост на ржавых цепях, где сидели куры и индюки. Справа располагалась господская голубятня с крышей из круглой черепицы и ферма. Другие фермы находились по ту сторону рва. В отдалении виднелась колокольня деревни Монтеу.

А затем начиналась чаща из дубов и каштанов. По ней вы могли дойти до северной окраины Гатине¹ и до Вандейской роши, ни разу не выйдя на поляну; лесной массив тянулся почти до Луары и Анжу, и приди вам в голову такая блажь, вы могли его пересечь, конечно, если не побоялись бы волков или бандитов.

¹ Гатине — возвышенность на западе Франции. — *Примеч. ред.*

Более близкий Ньельский лес принадлежал сеньору дю Плесси. Жители Монтеду пасли в нем стада свиней, что приводило к бесчисленным тяжбам с управляющим маркиза, расчетливым господином Молином. В том лесу жили несколько мастеров, изготовлявших сабо, угольщики и колдунья по имени Мелюзина. Анжелике никогда не забыть день, когда она впервые встретила колдунью Мелюзину. Девочка играла со своими маленькими приятелями в войну, а ее верные рыцари в преддверии подвигов мастерили шпаги из тростника и камыша. Дело затянулось. Маркизе Ангелов тогда было не больше пяти или шести лет, но она уже отличалась ловкостью и легко карабкалась по деревьям, перелезая с ветки на ветку. Вдруг один из озорников закричал: «Там, наверху, гнездо!» Анжелика уже протянула руку к гнезду, когда ее остановил сердитый голос:

«Стойте! Остановитесь, злые дети! Никому не дозволено губить природу!»

Приказ прозвучал на местном диалекте, но Анжелика, заметив у подножия дерева окруженную светом женщину, сначала решила, что ей явилось потустороннее создание — может быть, Белая дама. Те, кто влезли на дерево вместе с Маркизой Ангелов, и те, кто остались внизу, тут же удрали, вереща: «Колдунья!.. КОЛДУНЬЯ!»

Анжелика тоже спустилась с дерева, но не убежала и осталась один на один с привидением. Девочка как сейчас помнила эту сцену. Потустороннее создание улыбнулось малышке. Оказалось, что это пожилая женщина. Она взяла обе руки Анжелики и провела длинным белым пальцем по ладоням девочки, как будто прочерчивая какой-то таинственный знак или читая невидимые строки. Затем она заговорила на обычном французском языке: «Зачем ты это делаешь? Посмотри, как волнуются бедные родители там, наверху». И женщина показала Анжелике двух птиц, отца и мать, с отчаянными криками носившихся вокруг дерева, на которых девочка раньше не обратила внимания.

С того дня Анжелика полюбила бродить по лесу вместе с Мелюзиной и старалась запомнить все, чему та ее учила. Само имя лесной колдуньи вызывало ощущение чего-то необычного. Издали казалось, что она скользит над травой лужайки, не касаясь земли.

Зимой она иногда появлялась на пороге какого-нибудь дома, чтобы попросить кувшин молока в обмен на целебные травы.

По примеру Мелюзины Анжелика тоже стала собирать цветы и корни растений, кипятила их, сушила, толкла, раскладывала по мешочкам и прятала в тайник, о котором знал один лишь старый Гийом. Пюльшери порой часами не могла дозваться племянницу.

Разговоры с Мелюзиной, их встречи, их открытия — все это Анжелика хранила глубоко внутри, в своих мыслях, в своем сердце — там, где было место только лишь для них двоих.

Мелюзина, колдунья.

Ее владениями был господский лес.

Какой бы Маркизой Ангелов Анжелика себя ни воображала, со своей «бандой» она никогда не пересекала границ общинных земель, этой очень большой территории, где крестьянам разрешалось собирать хворост и пасти свиней. Дальше никто не ходил. Кроме Мелюзины и присоединившейся к ней Анжелики. Ведь дальше начинался чужой незнакомый лес с огромными мшистыми валунами, с сине-зелеными озерцами, прячущимися под покровом водных растений с длинными тонкими стеблями, — тот лес, где разворачивались события эпических историй из календарей и синих книжек.

Никто не мог поручиться, что в таком лесу не встретятся рыцари, облаченные в железные латы, или, по крайней мере, всеми забытый со времен Мерлина дракон, и неважно, изрыгает он пламя или нет. Увы, в «Календаре Святых защитников и покровителей» провинции не значилась героическая дева в белом одеянии, которая бы пришла, связала и изгнала дракона или хотя бы довела его до края пропасти, в которую дракон любезно согласился бы броситься.

В запретных чащах бродила одна лишь Мелюзина.

Она стала водить туда Анжелику. И однажды девочка поняла, что она никому и никогда не расскажет о своих прогулках с Мелюзиной.

Старый Лютцен знал лишь о тайнике в нижней части стены замка, где Анжелика хранила лекарственные растения, высушенные по рецептам ее старшей подруги. Анжелика чувствовала, что это нужно хранить в тайне. Местный люд очень боялся старухи. Даже хва-

стунишка Николая, заметив ее, удирал со всех ног с криком: «Колдунья! Колдунья!» Как и все остальные. Но этот страх не мешал заболевшим крестьянам тайком подкрадываться к обрыву, у которого жила ведунья, или отправлять к ней мальчишку, чтобы получить необходимые снадобья. Жители Монтеду говорили, что Мелюзина отличается от других колдуний; никто не знал, откуда она пришла.

Свои седые волосы Мелюзина перехватывала лентой, а иногда украшала цветами — Анжелика находила такую прическу бесподобной! Колдунья частенько напевала. Она бесшумно бродила среди трав и деревьев, со своей маленькой, сплетенной из корней жимолости корзинкой, куда складывала то плоды, то листочки какого-то растения, то лепестки цветов. Постепенно она допустила девочку к более серьезному сбору, который нужно было проводить втайне, читая при этом странные молитвы.

И поэтому Анжелика никому не рассказывала о своих встречах с Мелюзиной. Это была как бы другая жизнь, где девочка становилась одним целым с колдуньей, растениями и дикими зверями. Жизнь, воспоминания о которой Анжелика таила глубоко в себе, словно в «шкатулке с чудесами», словно в запретной комнате зачарованного замка, и эта жизнь принадлежала ей одной. Девочка надеялась, что однажды она станет такой же искусной, как Мелюзина, и исцелит весь мир.

По обычаю, в этом краю всех колдуний звали Мелюзинами.

Прося помощи у колдуний или в поисках защиты от них, крестьяне всякий раз обращались к знаменитой, почти обожествляемой фее Мелюзине, которая издавна считалась покровительницей западных провинций Франции. Ее трагическая история навевала грусть на кормилицу, и толстуха неохотно рассказывала о фее.

Фея Мелюзина считалась дочерью некоего Эленаса, короля Альбы¹. Вскоре после свадьбы с принцем Раймоном де Форезом ее

¹ Альба — кельтское название Шотландии. В раннем Средневековье так называли королевство на северо-востоке этой страны. Другие варианты — Альбин, Олбани. Отсюда пошло слово «Альбион», которое относят ко всей Британии.

стали называть Матерью Люзиньянов, затем Мерлюзиной и, наконец, Мелюзиной.

Много лет Мелюзина жила счастливо. А затем произошла беда, особенно страшная тем, что ее можно было избежать.

Кормилица говорила, что муж феи Мелюзины стал причиной несчастий семьи, собственного несчастья, а также несчастья своей прекрасной обожаемой супруги не потому, что он разлюбил ее или полюбил другую, и не потому, что его супруга воспылала тайной страстью к постороннему мужчине, и даже не потому, что, как верили повсюду, он поддался непреодолимому любопытству, а потому, что этот влюбленный красавец был слишком легкомысленным!

С этими словами Фантина Лозье обращала взгляд своих черных глаз к Анжелике. Легкомыслие! Все несчастья мира заключены в этом слове и расплзаются по земле, словно из ящика Пандоры!

Возвращаясь как-то вечером домой в один из своих чудесных замков — который он получил от своей не менее чудесной жены, — муж Мелюзины встретил по дороге пару-тройку друзей и решил поразить их своим гостеприимством. Легкомысленный муж *забыл* клятву, данную жене: никогда не входить в ее покои по субботам. И когда вместе со своими собутыльниками он вошел в комнату супруги, то увидел страшную картину: у красавицы, плескавшейся в большой лохани, был рыбий хвост.

Поняв, что ее тайна открыта, женщина-чудовище испустила ужасающий крик — крик тоски и печали. Подняв фонтан брызг, она вылетела в окно и унеслась в ночной мрак, где отныне была обречена скитаться вечно. Это было не просто разоблачение — теперь она не могла умереть естественной смертью, как все обычные люди, и была обречена на вечную жизнь. Ведь что ни говори, для живого существа нет ничего страшнее бессмертия!

А по здравом размышлении, говаривала кормилица, провал памяти у такого знатного господина, как Раймон де Форез, первый сеньор Люзиньяна и Пуату, кажется очень подозрительным. По

По другой версии, имя «Альбион» дали острову римляне, по белым меловым скалам у Дувра. — *Примеч. ред.*

всему выходит, что на самом деле он не забыл торжественного обещания, данного жене, а просто не воспринял его всерьез, потому и решил зайти в покои Мелюзины, чтобы развлечь своих гостей. Таким вот он был легкомысленным, сто — против одного!

«Ведь ничто так не вредит счастливому браку, как легкомысленное отношение к советам женщины, которую ты любишь и которая тебе дорога», — заключала кормилица.

И добавляла, что, несмотря на все несчастья, фея Мелюзина по-прежнему оберегает свою любимую провинцию. Ее заботой окружены замки Партенай, Морван, Марманд и Иссуден, а еще фея, разумеется, печется о благополучии такого древнего рода, как Люзиньяны, и о других дворянских семьях, имена которых в провинции произносят шепотом.

Однажды, проходя через кухню по дороге в огород, мадам де Сансе сочла необходимым вмешаться в разговор и уточнить некоторые детали, касающиеся феи Мелюзины. Конечно, Люзиньяны — это старинный и уважаемый род, но глупо говорить, что они произошли от феи, которая к тому же превращается в помесь женщины и рыбы.

— Госпожа, они были королями Кипра и Иерусалима¹, — заявила кормилица, мнившая себя непревзойденным экспертом во всем, что касалось Люзиньянов.

— Конечно, но...

— А после брака с Раймонденом² она стала прародительницей домов Люзиньян, Люксембург и королев Богемии. Об этом написано во многих книгах, а эти книги составлялись веками. Упоминание о Мелюзине можно встретить даже в «Синей библиотеке Труа».

— Это ничего не доказывает, — возразила мадам де Сансе. — В любом случае, Фантина, семья, даже столь высокородная, не может иметь в своих прародительницах фею...

¹ Люзиньяны (Лузиньяны) — знатный род из Пуату. Ги де Люзиньян (Лузиньян) (1160—1194) — граф Яффы, с 1180 г. король Иерусалима (1186—1192), сеньор Кипра (1192—1194). Его старший брат Амори стал королем Кипра, а затем номинальным Иерусалимским королем. Династия Люзиньянов правила Кипром вплоть до 1489 года. — *Примеч. ред.*

² Так иногда называли Раймона де Форез. — *Примеч. ред.*

— Пускай госпожа баронесса меня простит, — выпрямившись, с достоинством произнесла кормилица, — но если госпожа баронесса отрицает связи семьи, в которую, как я полагаю, входит и семья самого господина барона, то госпожа баронесса не считает себя истинной пуатевинкой! И потом, взгляните-ка на нее, — тихо продолжила толстуха, украдкой бросив взгляд на Анжелику, — кто станет спорить, что она не истинная наследница своей прабабки-феи? Даже в деревне ее называют не иначе, как маленькая фея. А еще поговаривают, что ее руки наделены удивительной силой успокаивать боль. Если у кого-то болит голова, или у ребеночка режутся зубки, то кличут нашу красавицу, и стоит ей положить свою маленькую ручку на лоб, на щеку больного, как тот сразу выздоравливает... это чтобы госпожа баронесса знала...

После столь убедительной речи мадам де Сансе бросила взгляд на свой «выводок» и прочла в простодушных взглядах детей — хотя они того и не подозревали — мольбу не сомневаться в знаниях кормилицы. Баронесса не могла удержаться от улыбки умиления, настолько очаровательными показались ей собственные дети. С легким вздохом она снова взяла корзину, поправила большую садовую шляпу и продолжила путь. Именно хозяйка замка занималась огородом и фруктовым садом, и хотя это занятие отнимало почти все ее время, зато позволяло, и это главное, невзирая на бедность, предоставлять многочисленным домочадцам разнообразную и здоровую еду.

* * *

В том году с наступлением лета кормилица Фантина стала ждать нашествия разбойников и солдат. И хотя жизнь в провинции казалась мирной, кормилица, которая обладала даром предвидения, «чувствовала» разбойников в жарком воздухе этого душного лета. Она смотрела на север, на дорогу, словно пыльный ветер доносил до нее запах беды. Ей хватало ничтожных намеков, чтобы догадаться о том, что происходит не только в округе, но и во всей провинции и даже в Париже.

Купив у торговца баночку воска или несколько лент, она могла сообщить господину барону о самых важных новостях французско-

го королевства. Скоро будет введен новый налог, во Фландрии идет жаркое сражение, королева-мать¹ уже не знает, что придумать, чтобы раздобыть деньги на потребу алчных принцев. Вдовствующая королева стеснена в средствах, а светлокудрый король носит слишком короткие штанишки, как и его младший брат², которого называют Маленьким Месье, потому что его дядя, Месье, брат короля Людовика XIII, еще здравствует.

А монсеньор кардинал Мазарини³ только и делает, что собирает разные итальянские безделушки и картины. Королева его любит. Парламент Парижа недоволен. Он слышит стоны нищего деревенского люда, разоренного войнами и налогами. В роскошных каретах и прекрасных костюмах, отороченных горностаем, господа из парламента едут в Лувр и видят маленького короля, одной рукой цепляющегося за черное платье своей матери-испанки и другой — за красную сутану итальянца, кардинала Мазарини.

И тогда господа из парламента пробуют убедить вельмож, которым нужны лишь власть и богатство, что народ уже не может платить, лавочники не могут больше торговать, что все устали от невероятных налогов на всё и вся. Уж не придется ли им вскоре платить налог на миску, из которой они едят? Королева-мать недовольна. Монсеньор де Мазарини тоже.

Они прекрасно знают, почему господа из парламента внезапно так обеспокоились нуждами и нищетой народа: из-за недавних декретов, по которым членам парламента не будут выплачивать жалованье целых четыре года. То жалованье, которое на самом деле

¹ Анна Австрийская (1601—1666) — королева Франции, дочь испанского короля Филиппа III, жена (с 1615 г.) Людовика XIII, мать Людовика XIV и герцога Филиппа Орлеанского, регентша Франции в 1643—1651 гг.

² Филипп I, герцог Орлеанский (1640—1701) — сын Людовика XIII и Анны Австрийской, младший брат Людовика XIV. Имел титулы «Единственный брат короля» и «Месье». Родоначальник Орлеанской ветви дома Бурбонов. — *Примеч. ред.*

³ Джулио Мазарини (1602—1661) — выдающийся французский политический деятель, кардинал, преемник Ришельё, первый министр Франции с 1642 г. После смерти Людовика XIII в 1643 г. по сути был правителем Франции. Благодаря искусной дипломатии добился утверждения политической гегемонии Франции в Европе. — *Примеч. ред.*

скорее было рентой и полагалось этим господам всего лишь за то, что они восседали в своих креслах и щеголяли четырехугольными шапочками.

Маленького короля усаживают на его королевский трон. Звонким голосом, запинаясь, словно он отвечает зазубренный урок, монарх заявляет всем этим серьезным особам из парламента, что казне нужны деньги для армии, для мирного договора, который он собирается подписать. Король говорит. Члены парламента склоняют головы. На свет рождается новый налог. Интенданты провинций собирают в путь сержантов-чиновников, собирающих налоги. Чиновники будут угрожать. Добрые люди будут молить, плакать, потом схватятся за косы и начнут убивать чиновников и сборщиков налогов, выйдут на большие дороги, примкнут к беглым солдатам, и тогда придут разбойники...

Кормилица чуяла их в жарком мареве того прекрасного лета. Как и кормилица, Анжелика тоже ждала грабителей.

Глава 3

Грабители. — Письмо королю. — Возвращение старших братьев

В тот вечер Анжелика решила пойти ловить раков вместе с пастухом Николя. Не предупредив никого из домочадцев, она помчалась к хижине семьи Мерло, к родителям Николя. Деревушка, состоявшая из трех-четырех лачуг, в одной из которых жили Мерло, располагалась у кромки необъятного Ньельского леса. Земли, которые обрабатывали крестьяне, принадлежали барону де Сансе.

Завидев дочку хозяина, крестьянка подняла крышку котла, пытевшего на огне, и бросила в суп кусок свиного сала, чтобы добавить вареву вкусу. Анжелика положила на стол курицу, только что пойманную на птичьем дворе замка. Она не в первый раз заходила в гости к крестьянам и, как обычно, не преминула захватить с собой небольшой гостинец, ведь согласно сеньоральному праву, владельцы замка единственными в округе владели голубятней и курятником.

Мужчина, сидевший у очага, жевал черный хлеб. Франсина, старшая из детей Мерло, расцеловала Анжелику. Она была всего на два года старше Маркизы Ангелов, но на ней уже давно лежала забота о младших братьях и сестрах, приходилось ей работать и в поле, и она больше не могла бегать по грибы и за раками, как ее младший брат, сорванец Николя. Франсина была тихой, вежливой девочкой, со свежей кожей и прелестными розовыми щечками, и мадам де Сансе хотела взять ее горничной в замок вместо Нанетты, которая огорчала баронессу своей наглостью.

Когда все поели, Николя предложил Анжелике:

— Пойдем мимо хлева, надо прихватить там фонарь.

Они вышли из дома. Ночь была темной, приближалась гроза. Потом Анжелика вспомнила, что когда она повернулась лицом к римской дороге, проходившей всего в полулье от деревни, ей слышался какой-то странный шум.

В лесу было еще темнее.

— Волков не бойся, — сказал Николя. — Летом они редко сюда заходят.

— А я и не боюсь.

Вскоре дети добрались до ручья и установили на его илистом дне корзины с приманкой — кусочками сала. Время от времени они доставали корзины, через прутья которых лилась вода, облепленные голубыми раками, привлеченными светом. Свою добычу друзья швыряли в большую заплечную корзину, захваченную специально для этой цели. Меньше всего на свете Анжелика думала о том, что стража замка Плесси может застать их «на месте преступления» и что это вызовет большой скандал. Еще бы, поймать одну из дочерей барона де Сансе за браконьерством при свете фонаря с маленьким деревенским хулиганом!

Неожиданно девочка выпрямилась, Николя последовал ее примеру.

— Ты ничего не слышал?

— Слышал, крики.

Оба секунду стояли без движения, а затем вернулись к своему занятию. Но беспокойство не покидало их, и скоро маленькие браконьеры вновь остановились.

— Сейчас я точно слышала. Кричали вон там.

— Это в деревне.

Николя быстро собрал орудия ловли и закрепил на спине корзину. Анжелика взяла фонарь. Они отправились в обратный путь, бесшумно ступая по узкой тропинке, поросшей мхом. Когда дети добрались до кромки леса, они застыли. Алый отсвет пламени проникал под кроны деревьев, освещая стволы.

— Это... это не заря, — прошептала Анжелика.

— Это пожар!

— Бог мой, а вдруг горит твой дом? Бежим!

Но мальчик остановил подругу.

— Подожди, эти крики не из-за пожара. Там что-то другое.

Крадучись, они добрались до опушки. Сразу за вытянутым пологим лугом стоял ближний дом — хижина семьи Мерло, а метрах в пятистах от него, у самой дороги, рядом друг с другом стояли еще три хижины. Одна из них горела. Пламя, взметнувшееся над крышей, освещало толпу людей, которые носились туда-сюда, кричали, забегали в хижины, а потом выскакивали из них, обвешанные око-роками или тянущие за собой упирающихся коров и ослов.

Отряды текли со стороны римской дороги по извилистому овражку, словно густая черная река. Поток, ощетинившийся палками и ржавыми мечами, двигался к ферме Мерло, «протекал» сквозь нее и продолжал движение к Монтелу. Николая услышал, как кричит его мать. Затем прогремел выстрел: папаша Мерло успел снять с крюка свой старый мушкет и набить в него порох. Но отца Николая тут же выволокли во двор, словно куль с мукой, и стали избивать палками. Анжелика видела, как женщина в одной рубашке выско-чила из дома и через двор бросилась в ночную темноту; она крича-ла и рыдала. Мужчины кинулись за ней, она пыталась спрятаться за деревьями. Анжелика и Николай отпрянули назад, взялись за руки и, спотыкаясь, бросились в спасительные заросли ежевики, под по-кров леса. Потом они снова, невзирая на страх, вернулись на опуш-ку, зачарованные пожаром и протяжным воем, рождающимся из множества криков, заполнивших ночь. Они видели, как преследо-ватели догнали свою жертву и потащили ее по лужайке.

— Это Полетта, — прошептал Николай.

Укрывшись за стволом огромного дуба, запыхавшиеся ребяташ-ки прижались друг к другу и расширившимися от ужаса глазами на-блюдали за ужасающим зрелищем.

— Они увели у нас осла и свинью, — тихо сказал мальчик.

Наконец забрезжил рассвет, отблески затухающего пожара по-меркли. Разбойники не стали поджигать соседние лачуги. Большин-ство грабителей даже не задержались в маленькой нищей деревне, а шли прямо в Монтелу. Те, кто занялся грабежом четырех домов, те-перь покидали место злодеяния. При свете зари можно было разгля-деть их драную одежду, ввалившиеся щеки, темные бороды. На голо-вах некоторых бандитов были широкополые шляпы с плюмажем,

а один водрузил на себя подобие каски, и его можно было принять за солдата. Но многие грабители были одеты в бесформенные, выцветшие лохмотья. Было слышно, как мужчины перекликаются в густом утреннем тумане, принесенном с болот. Теперь их осталось не больше пятнадцати человек. Разбойники остановились неподалеку от хижины семьи Мерло, чтобы получше рассмотреть награбленное добро. Судя по их жестам и выкрикам, они сочли добычу небогатой: скромные платки, несколько отрезков сукна, вытащенные из сундуков, горшки, каравай хлеба, сырные головки. Один из разбойников, державший окорок, жадно впился в него зубами. Украденную скотину уже угнали куда-то вперед. Остальные грабители сложили в два или три тюка жалкие трофеи и ушли прочь, даже не оглянувшись.

Анжелика и Николя еще долго не решались выйти из своего лесного убежища. Солнце сияло ярче, роса на лужайке переливалась всеми цветами радуги, и дети наконец рискнули подойти к деревне, где воцарилась пугающая тишина.

Когда Маркиза Ангелов и ее друг приблизились к ферме Мерло, раздался пронзительный крик ребенка.

— Это младший братишка, — прошептал Николя, — хотя бы он не умер.

Опасаясь наткнуться на замешкавшегося бандита, дети бесшумно проскользнули во двор. Они держались за руки и почти поминутно останавливались. Сначала они наткнулись на тело папаши Мерло, который лежал, уткнувшись лицом в навоз. Николя наклонился, попытался приподнять голову отца.

— Па, ты жив?

Мальчик выпрямился.

— Похоже, он мертвый. Посмотри, какое белое лицо, а обычно оно красное.

Ребенок в лачуге захлебывался плачем. Сидя на развороченной постели, он с горестным видом размахивал крошечными ручонками. Николя побежал к брату и обнял его.

— Слава Пресвятой Деве Марии, малыш цел и невредим.

Анжелика расширенными от ужаса глазами смотрела на Франсину. Девочка лежала на полу совсем белая, веки ее были закрыты.

Платье несчастной было задрано до самого живота, по ногам струилась кровь.

— Николая, — осипшим голосом прошептала Анжелика, — что они с ней сделали?

Николя взглянул на сестру, и на его лице появилось страшное выражение, которое мгновенно состарило мальчика.

— Будь они прокляты!..

Резким движением он сунул малыша в руки Анжелике.

— Подержи-ка.

Пастушок встал на колени около сестры, целомудренно одернула разорванную юбку.

— Франсина, это я, Николая. Ответь мне, ты жива?

В соседнем хлеву слышались громкие стоны, и в дверях появилась согнувшаяся пополам, охавшая мать мальчика.

— Это ты, сынок? Ох! Бедные мои детки, бедные! Какое горе! Они увели осла и свинью, утащили все наши сбережения, все припрятанные эю. А ведь сколько я твердила мужу, что лучше бы их закопать.

— Ма, тебе больно?

— Что я, как-нибудь. Я — женщина, бывало и хуже. Но Франсина такая слабенькая, они могли ее убить.

Крестьянка качивала в объятиях больших огрубевших от работы рук свою дочь и плакала.

— А где остальные? — спросил Николая.

После долгих поисков они нашли в ларе для хранения муки троих оставшихся детей: мальчика и двух девочек. Ребятишки, съезжившись, сидели там после того, как грабители забрали зерно и начали насиловать их мать и сестру.

Пришел сосед и сообщил новости. Несчастные крестьяне собрались, чтобы подсчитать убытки. Им пришлось оплакивать только двух мертвецов: папашу Мерло и старика, который тоже схватился за мушкет. Остальных крестьян схватили, привязали к скамьям и избивали палками, но не слишком сильно. Никого из детей не зарезали, а один фермер даже сумел открыть дверь коровника, так что все коровы разбежались, и теперь их, конечно, можно будет разыскать в лесу. Но сколько украдено добротного полотна, одежды, оловянной

посуды, домашней утвари — все это исчезло вместе с сырами и окороками, а также с трудом накопленными деньгами!

Полетта продолжала плакать и кричать.

— Шесть раз, они шесть раз вошли в меня!

— Заткнись, — грубо отрезал отец. — Уж я тебя знаю, вечно шляешься по кустам с парнями, и подозреваю, что все это скорее доставило тебе удовольствие. А вот корова должна была скоро отелиться! И я не найду ее так же легко, как ты найдешь себе кавалера.

— Надо уходить отсюда, — сказала мамаша Мерло, которая по-прежнему сжимала в руках так и не пришедшую в себя Франсину. — Вслед за этими могут прийти другие.

— Давайте уйдем в лес, вместе с оставшейся скотиной. Как раньше, когда через нашу деревню проходили армии Ришелье.

— Давайте пойдем в Монтелу, в деревню.

— В Монтелу! А может, они уже там?

— Тогда в замок, — предложил кто-то.

И все сочли такое решение разумным.

— Да, пошли в замок.

Многовековой инстинкт, впитанный с молоком матери, заставлял их идти к жилищу сеньора, искать защиту у хозяина, защиту в замке, под сенью стен и донжонов которого они трудились всю свою жизнь.

Анжелика, державшая на руках ребенка, чувствовала, как ее сердце сжимается от невыносимой жалости.

«Бедный наш замок, — думала она. — Он почти разрушен. Как мы сможем в такое тяжелое время защитить всех этих несчастных людей? Кто знает, не ворвались ли бандиты и в мой дом? Кто сможет им помешать, уж не старый ли Гийом с его пикой?»

— Да, — звонко крикнула Анжелика, — нужно идти в замок. Но идти не по дороге и даже не полями. Если бандиты бродят по окрестностям, они уже у главных ворот. Нам остается только добраться до осушенных болот и подойти к замку со стороны большого рва. Там есть маленькая дверь, которой мы никогда не пользуемся, я знаю, как ее открыть.

Маркиза Ангелов не стала уточнять, что именно эту маленькую дверцу, наполовину заваленную строительным мусором и ведущую

в тоннель, она использовала для побегов из дома, а в одном из «каменных мешков», прилегающих к тоннелю, — о существовании которых теперешний барон де Сансе вряд ли подозревал, — находилось тайное убежище, где она сушила растения и готовила зелья по примеру колдуньи Мелюзины.

Крестьяне доверчиво слушали маленькую сеньору. Некоторые лишь сейчас заметили ее присутствие, но они настолько привыкли считать Анжелику феей, что само ее появление в час невзгод и несчастий нисколько их не удивило. Одна из женщин взяла из рук девочки ребенка, и Анжелика повела свое крошечное войско окольным путем, через болота. Они шли под палящим солнцем, вдоль крутого высокого обрыва, который некогда возвышался над заполненным океанскими водами заливом Пуату. Лицо Анжелики было перепачкано пылью и грязью, она не уставала подбадривать крестьян.

Она впустила хуторян в низенькую тесную дверь забытого потайного хода. Прохлада тоннелей окутала несчастных и принесла утешение взрослым, но дети, испуганные темнотой, расплакались.

— Все в порядке. Все в порядке, — успокаивал их голос Анжелики. — Скоро мы доберемся до кухни, и няня Фантина нальет вам супа.

Упоминание о няне Фантине воодушевило и детей, и взрослых. Вслед за дочерью барона де Сансе оробевшие крестьяне неуверенно поднялись по полуразрушенным лестницам, пересекли помещения, заваленные мусором, из которого выскакивали потревоженные крысы. Анжелика шла уверенно. Это были ее владения.

Когда беженцы вошли в просторный вестибюль, до их слуха донеслись голоса, на мгновенье напугавшие всех. Но Анжелика, как и крестьяне, не допускала мысли, что замок может быть захвачен. Они приближались к кухне, и аромат супа и горячего вина усилился. Конечно, в помещении находилось много людей, но это были не бандиты, потому что разговаривали они тихо, степенно и печально. Крестьяне из других деревень и соседних ферм тоже пришли искать защиту в старых полуразрушенных стенах.

Когда вновь прибывшие вошли в кухню, все закричали от страха, потому что обессиленных беженцев приняли за разбойников.

Заметив Анжелику, кормилица бросилась к своей любимице и жала ее в объятиях.

— Воробышек мой! Живая! Слава тебе, Господи! И тебе, святая Радегонда! И тебе, святой Иларий! Благодарение всем святым.

Впервые в жизни Анжелика воспротивилась жарким объятиям нянюшки. Она только что провела «своих людей» по болотам. Много часов она чувствовала за своей спиной свою несчастную паству. Она уже не ребенок! Девочка резко высвободилась из сильных рук Фантины Лозье.

— Накорми их, — приказала Анжелика.

Потом, словно во сне, она увидела мать, которая со слезами на глазах ласково погладила ее по щеке.

— Дочь моя, сколько волнений вы нам доставили!

К Анжелике подошли и Пюльшери, осунувшаяся и истаявшая, словно свеча, с красным и распухшим от слез носом, и отец, и девушка.

Анжелика нашла такой парад марионеток забавным. От большой кружки горячего вина она совершенно опьянела и впала в блаженное оцепенение. Вокруг нее суетились люди, они рассказывали друг другу о событиях трагической ночи: вторжение в деревню, первые сожженные дома, выброшенный из окна второго этажа синдик. А свой дом бедняга недавно построил и так им гордился. Эти безбожники в поисках наживы разграбили даже маленькую церковь, украли священные сосуды и привязали кюре и его служанку к алтарю. Не иначе сам дьявол вселился в этих людей! Сами бы они никогда не додумались до таких бесчинств!

Рядом с Анжеликой какая-то старуха баюкала в объятиях внуку, высокую девчонку с лицом, распухшим от слез. Бабушка качала головой и безостановочно повторяла со смесью восхищения и ужаса:

— Что они с ней вытворяли! Что они с ней вытворяли! Просто невероятно!..

Говорили лишь об изнасилованных женщинах, об избитых мужчинах, об украденных коровах, о сведенных козах. Пономарь держал своего осла за хвост, в то время как двое бандитов тянули его за уши. Кричали все, но сильнее всех вопила бедная скотина!

Многие успели спастись, убежать. Одни бросились к лесу, другие — к болотам, но большинство — к замку. Во дворе и в залах старинного родового гнезда Сансе нашлось много свободного места, где разместили спасенный с огромным трудом скот. К несчастью, суматошное бегство крестьян привлекло внимание грабителей, и, несмотря на мушкет барона де Сансе, дело могло бы закончиться трагедией, но в голове старого Гийома нежданно-негаданно родился гениальный план. Бывалый солдат ухватился за изъеденные ржавчиной цепи подъемного моста, почти повис на них и сумел поднять мост. Словно жестокие, но трусливые волки, бандиты отступили перед жалким рвом, наполненным гнилой водой.

Тот, кто был способен, смог насладиться потрясающим зрелищем. Старый Гийом, стоя у небольшой дверцы в массивных воротах, выкрикивал оскорбления на родном языке и грозил кулаками разбежавшимся в темноте грабителям. Внезапно один из бродяг остановился и ответил Гийому. Завязалась жестокая перепалка, и было странно слышать в ночи, окрашенной багровым заревом пожара, грубый тевтонский язык, от которого по коже бегали мурашки.

Никто не знал, о чем говорили Гийом и его соотечественник. Но разбойники больше не вернулись и еще до зари покинули деревню Монтелу. Гийом стал героем и почивал на лаврах военной победы.

Этот случай, несомненно, доказывал, что в банду из сельских нищих и городских бедняков входили и пришедшие с севера дезертиры.

В королевскую армию, которую набирали принцы, попадали наемники самых разных национальностей: валлонцы, итальянцы, фламандцы, лотарингцы, льжцы, испанцы, немцы — в общем, пестрый люд, о существовании которого мирные пуатевинцы даже и не подозревали. Вскоре стали поговаривать, что кто-то видел среди нападавших бандитов поляка — одного из тех дикарей, которых кондотьер Жан де Верт недавно привел в Пикардию и которые резали детей в колыбелях. Поляка видели многие. У наемника было желтое лицо, меховая шапка и, без сомнения, небывалая мужская сила, которую к концу дня испытали на себе все женщины деревни.

Сожженные деревенские дома восстановили. Сделать это было трудно: грязь, перемешанная с резаной соломой и камышом, превращалась в крепкую глинобитную постройку. Крестьяне приступили к жатве, поля не разграбили, злаки колосились как никогда, что во многом успокоило людей. Только две девочки, одна из них Франсина, не смогли оправиться от насилия, учиненного разбойниками. Они долго лежали в лихорадке, а потом умерли.

По слухам, маршалский суд Ньора послал в погоню солдат, которые жестоко расправились с плохо вооруженной и никем не управляемой бандой грабителей.

Таким образом, вторжение разбойников на земли баронов де Сансе почти не повлияло на размеренное течение будничной жизни замка. Только старый дедушка Анжелики стал чаще ворчать, сетуя на несчастья, которые повлекли за собой смерть доброго короля Генриха IV и неповиновение протестантов.

— Эти люди олицетворяют собой мятежный дух, разрушающий королевство. Некогда я порицал монсеньора де Ришелье за излишнюю жестокость, но теперь понимаю, что он был еще слишком мягок.

Так уж случилось, что в тот день Анжелика и Гонтран оказались единственными слушателями своего деда, и дети заговорщически поглядывали друг на друга. Как же отстал от жизни их добрый дедушка! Все внуки обожали одряхлевшего барона, но редко соглашались с его устаревшими суждениями.

Мальчик, которому почти исполнилось двенадцать, осмелился заметить:

— Но, дедушка, эти разбойники не были гугенотами. Они были правоверными католиками, дезертировавшими из голодающих армий, и насниками-иностранцами, которым, как говорят, не заплатили. А еще среди них оказались и крестьяне, согнанные боями с насиженных мест.

— Они бы не смогли дойти до столь удаленных провинций. И потом ты никогда не заставишь меня поверить, что этих людей не подстрекали протестанты. В мое время армия тоже платила своим солдатам лишь жалкие гроши, хотя, конечно, платила регулярно. Поверьте мне, весь этот беспорядок порожден иностранцами,

наверное англичанами или голландцами. Протестанты объединяются, выдвигают требования, а все потому, что подписавшие Нантский эдикт были слишком снисходительны к ним, они не только позволили этим еретикам придерживаться их вероисповедания, но еще и уравнили их в гражданских правах...

— Дедушка, а что за права предоставили протестантам? — вдруг спросила Анжелика.

— Ты еще чересчур мала, чтобы понять, девочка моя, — сказал старый барон. Затем, подумав, добавил: — Гражданские права являются чем-то, что нельзя забрать у людей, не лишив их при этом чести.

— Следовательно, это не деньги, — сделала вывод Анжелика.

Старый дворянин поздравил внучку с подобной прозорливостью:

— Все верно, Анжелика, ты действительно понимаешь вещи, которые обычно недоступны детям твоего возраста.

Но Анжелика полагала, что тема еще не исчерпана, и потребовала объяснений.

— Получается, что когда разбойники нас грабят и лишают последней рубахи, они все же оставляют нам наши гражданские права?

— Конечно, сестренка, — ответил за деда брат.

Но в голосе мальчика сквозила ирония, и девочка спросила себя, уж не насмехается ли над ней брат.

Гонтран вообще был пареньком, о котором не знали, что и думать. Он мало говорил и жил совсем один. Ему не могли взять наставника или отправить в коллеж; что касается учебы, мальчик был вынужден довольствоваться теми зачаточными знаниями, которыми с ним делились школьный учитель и деревенский кюре. Чаще всего Гонтран прятался у себя на чердаке, чтобы растереть красную кошениль или разводить разноцветную глину для исполнения странных композиций, которые мальчик называл не иначе, как «картины» или «живопись». Он видел мало внимания со стороны взрослых, как и все остальные дети семейства Сансе, но часто упрекал Анжелику за жизнь дикарки, которую она вела, и за то, что она не умела соответствовать своему высокому положению.

— А ты не настолько глупа, насколько кажешься, — добавил в тот день Гонтран, и это прозвучало комплиментом.

* * *

Но уже через мгновение старый барон весь обратился в слух и повернул голову в сторону двора, откуда доносились крики, смешивавшиеся с кудахтаньем перепуганных кур. Раздался дробный перестук каблуков, крики стали громче, и можно было легко распознать характерный акцент Гийома. Дело происходило в самом конце лета, солнечный день клонился к закату, и остальные обитатели находились где-то вне замка.

— Не бойтесь, дети, — сказал дедушка, — должно быть, это какие-то бродяжки, их сейчас прогонят...

Но Анжелика уже бежала к крыльцу с пронзительным криком: — Они напали на старого Гийома! Они хотят его обидеть!

Прихрамывая, барон отправился за покрытым ржавчиной клинком, а Гонтран сбегал за кнутом для собак. Они тоже вышли на порог и увидели старого слугу, вооруженного пикой, а рядом с ним Анжелику.

Противник не ушел далеко. Он маячил на другой стороне подъемного моста, вне досягаемости грозного оружия, но все еще решительно настроенный. Это был высокий парень весьма простецкого вида, хотя и одетый в добротный черный костюм. Молодой человек казался взбешенным и в то же время старался напустить на себя чопорный и официальный вид.

Гонтран опустил кнут, потянул дедушку в сторону, прошептав ему:

— Это чиновник, он пришел за налогами. Его уже не раз выгоняли из замка...

Не прекращая браниться, чиновник продолжал понемногу отступать, не поворачиваясь при этом спиной к противнику. Заметив колебания подоспевшего подкрепления, он вновь обрел несколько утраченную самоуверенность. Он остановился на почтительном расстоянии от обитателей замка и достал из кармана бумажный свиток, сильно пострадавший во время сражения, и принялся, вздыхая, любовно его разглаживать. Напустив на себя высокомерный вид, он зачитал несколько фраз, из которых следовало, что барон де Сансе должен без промедления заплатить 875 ливров 9 су и 11 денье: десятину сеньориальной ренты, королевский налог, пошлину на покрытие кобыл, «пыльное право» — налог за стада, которые пе-

регоняют по королевским дорогам, и, конечно же, штраф за просрочку выплат.

Старый сеньор побагровел от гнева.

— Наглец! Неужели ты вообразил, что дворянин, подобно неотесанному мужлану, откроет свой кошелек, как только услышит галиматью, которую выдумали налоговые чиновники?!

— Вы отлично знаете, что до сих пор господин ваш сын весьма исправно платил ежегодные налоги, — сказал мужчина, склонившись в поклоне. — Я вернусь, когда он соизволит быть дома. Но обязан предупредить: если завтра в этот же час его в четвертый раз не окажется на месте и мне не выдадут налоги, я вызову его в суд и ваш замок, включая мебель, будет продан в счет долгов королевской казне.

— Пошел вон, жалкий прихвостень государственных ростовщиков!

— Господин барон, предупреждаю, что я преданный служитель закона и меня могут назначить судебным исполнителем.

— Для того чтобы что-то исполнять, еще нужно получить постановление суда, — высокомерно провозгласил старый барон.

— Уж поверьте, если вы не заплатите, то в два счета получите ваше постановление...

— Но послушайте, как мы можем заплатить налоги, если платить нечем?! — выкрикнул Гонтран, увидев, что старик смущен. — Как судебный исполнитель, вы можете зафиксировать в своих документах, что грабители украли у нас жеребца-производителя, двух ослиц и четырех коров, а та сумма, которую вы пытаетесь взыскать в качестве долга, в основном складывается из тех денег, что должны платить моему отцу арендаторы-фермеры. Раньше батюшка сам платил за них налоги, ведь крестьяне так бедны, что не могут собрать ни су. После последнего нападения бандитов наши крестьяне совсем обнищали, а мой отец вряд ли способен оплатить выставленный вами счет...

Разумная речь мальчика подействовала на чиновника налоговой службы сильнее, чем оскорбления старого сеньора. Не переставая настороженно коситься на Гийома, он подошел поближе и твердым, но уже почти сочувственным тоном объяснил, что уполномочен лишь взимать налоги и озвучивать приказы своего ведомства. По

его разумению, единственный способ отсрочить конфискацию имущества — срочно направить прошение главному интенданту государственной казны, а для этого господин де Сансе должен заручиться помощью интенданта провинции в Пуатье.

— Строго между нами, — добавил чиновник, и эта фамильярность покорила деда Анжелики, — скажу вам, что даже мое начальство, прокурор и контролер податей, не имеют соответствующих полномочий и не могут сократить сумму ваших налогов или вовсе освободить вас от них. Но ведь вы принадлежите к дворянскому сословию и должны знать кого-то из высокопоставленных чиновников. Дружеский совет, обратитесь к ним!

— Не льщу себя надеждой включить вас в круг моих друзей, — резким тоном бросил барон де Ридуэ.

— Я говорю вам это лишь для того, чтобы вы передали мои слова господину вашему сыну. Нищета не выбирает друзей, поверьте! Неужели вы думаете, что я получаю удовольствие оттого, что меня встречают, как обитателя преисподней, или оттого, что я получаю больше тумачков, чем паршивая собака? Ну да ладно, доброго вечера честной компании, и не поминайте лихом!

Парень нахлобучил шляпу и, прихрамывая, отправился прочь, с грустью рассматривая рукав своего широкополого плаща, разорванный в потасовке.

Старый барон, также прихрамывая, удалился в противоположном направлении. За ним безропотно последовали молчаливые Гонтран и Анжелика. Верный Гийом, бранясь на воображаемых врагов, понес древнюю пику в свою берлогу, забитую такими же «осколками» истории.

Вернувшись в зал, дед Анжелики принялся мерить шагами помещение, и дети еще долго не решались заговорить с ним. Наконец в наступающих сумерках раздался голосок девочки.

— Скажи, дедушка, если разбойники оставили нам гражданские права, разве сейчас этот человек в черном не унес их с собой?

— Отправляйся-ка к матери, — сказал старик внезапно дрогнувшим голосом.

Он опять уселся в высокое кресло с истрепанной гобеленовой обивкой и больше не произнес ни слова.

Гонтран поклонился деду, Анжелика присела в реверансе, и оба удалились.

* * *

Когда Арману де Сансе передали совет сборщика налогов, он тяжело вздохнул и долго скреб маленькую седую бородку клинышком, которую носил под нижней губой по моде Людовика XIII.

Анжелика любила своего отца, но эту любовь можно было назвать несколько покровительственной. Сам барон не раз повторял, что «обременен заботами», и любящая дочь искренне хотела бы помочь родителю избавиться от этих забот.

Чтобы вырастить многочисленных отпрысков, сын безденежно-го дворянина был вынужден отказаться от всех удовольствий, которые так высоко ценили люди его сословия. Барон редко путешествовал и даже не охотился, в отличие от своих соседей — мелких помещиков, которые также не могли похвастаться богатством, но зато скрашивали нищенскую жизнь, при случае гоняясь за оленями и кабанам, за зайцами и куропатками.

Арман де Сансе все свое время посвящал семье. Он одевался немногим лучше собственных крестьян, и от него шел такой же терпкий запах навоза и лошадей. Он любил своих детей. Они его радовали, он ими гордился. Именно они стали смыслом его существования. Дети занимали главное место в жизни барона. На втором месте значились мулы. В лучшие годы Арман де Сансе даже мечтал разводить этих выючных животных, менее прихотливых, чем лошади, и способных перевозить больше груза, чем ослы. Но бандиты увели его лучшего племенного жеребца и двух ослиц¹. Это была катастрофа, и барон даже подумывал продать последних мулов и земли с постройками для их разведения, хотя раньше и мысли об этом не допускал.

На следующий день после визита сборщика налогов барон Арман старательно заточил гусиное перо и уселся за письменный стол, чтобы составить прошение королю. В этом письме он просил

¹ Мул — гибрид кобылицы и осла, но заводчики держат также жеребцов и ослиц. — *Примеч. ред.*

монарха освободить его от ежегодных налогов и подробно описывал свое бедственное положение дворянина.

Сначала барон просил у короля прощения за то, что может упомянуть в своем письме лишь девятых живых детей, но что, без сомнения, у него появится еще не один ребенок, так как «его жена и он сам еще молоды и весьма охотно их делают». Затем дворянин добавил, что у него на попечении находится немощный отец без пенсии, который получил чин полковника при Людовике XIII. Арман де Сансе написал, что и сам он дослужился до капитана, и его даже представили к более высокому чину, но ему пришлось оставить королевскую службу, потому что жалование офицера королевской артиллерии, 1700 ливров в год, «не позволяло служить и далее». Он также упомянул, что у него в доме проживают две престарелые тетушки, «на которых ввиду отсутствия денег не польстились ни мужья, ни монастыри и которые могут быть полезны лишь в нетяжелой работе». Что при нем состоят четверо слуг, один из них старый солдат без пенсии, но без его услуг в замке не обойтись. Что двое его старших сыновей учатся в коллеже, и ему приходится выделять 500 ливров в год на их образование. Есть у него и дочь, которую надо бы было отправить в монастырь, но это потребует еще 300 ливров.

В конце письма барон сообщал, что на протяжении долгих лет он платил налоги за своих фермеров-арендаторов, чтобы удержать их на земле, и, тем не менее, задолжал налоговому ведомству, которое потребовало с него 875 ливров 19 су и 11 денье только за текущий год. При годовом доходе немногим выше 4 000 ливров он должен прокормить девятнадцать человек и к тому же вести образ жизни, достойный дворянина. В довершение бед, на его земли напали разбойники, поубивали, ограбили и разорили подопечных ему крестьян, приумножив их нищету. Барон взывал к доброте и великодушию короля и просил Его Величество отсрочить выплату налогов и долгов, а также молил о вспоможении или займе не менее чем в тысячу ливров. Ходатайствовал Арман де Сансе и еще об одной королевской милости: если монарх станет снаряжать корабли для похода в Америку или Индии, то пусть возьмет лейтенантом флота его «шевалье» — старшего сына, изучающего логику у от-

цов-августинцев, которым, впрочем, он, барон, также задолжал за целый год обучения.

Барон заверял, что со своей стороны готов согласиться на любую должность, приличествующую его дворянскому происхождению, лишь бы только она позволила ему прокормить своих домочадцев, потому что его земли, даже если пустить их на продажу, не смогут окупить всех затрат...

Чтобы высушить чернила, Арман де Сансе присыпал песком свое длинное послание, которое потребовало от него нескольких часов невероятных усилий. Затем он написал еще пару строк своему покровителю и кузену, господину маркизу дю Плесси-Бельеру, моля его вручить прошение лично в руки короля или королевы-матери и сопроводить его всеми рекомендациями, которые могли бы способствовать получению положительного ответа.

Письмо маркизу барон закончил учтивой фразой:

«Мессир, я с радостью жду скорой встречи с вами, и, если вы найдете возможность посетить нашу провинцию, заверяю вас, что смогу быть полезен, как предоставив мулов для перевозки грузов — а мои мулы очень красивы, — так и поставляя к вашему столу фрукты, каштаны, сыры и простоквашу».

* * *

Несколько месяцев спустя несчастный барон смог добавить к своему обширному списку неприятностей новую беду.

Однажды вечером обитатели замка услышали, как по дороге, а затем и по старому подъемному мосту, на котором вновь обосновались индюки, простучали лошадиные подковы. Во дворе залаяли собаки. Анжелика, которую тетя Пюльшери сумела заточить в собственной комнате, дабы девочка занялась вышиванием, бросилась к окну.

Она увидела лошадь, с которой слезали двое высоких, худых, одетых в черное всадников. Вскоре на тропинке появился крестьянский мальчик, который вел под уздцы груженного поклажей мула.

— Тетя! Ортанс! — позвала Анжелика. — Посмотрите! По моему, это братья — Жослен и Раймон.

Обе девочки и старая дева поспешно спустились по лестнице. Когда они вошли в зал, школяры приветствовали деда и тетю

Жанну. Со всех сторон сбегались слуги. Кто-то поспешил в поле на поиски барона, кто-то — в сад за госпожой баронессой.

К переполоху, поднявшемуся из-за их приезда, юноши отнеслись весьма мрачно.

Одному из них исполнилось пятнадцать, а другому — шестнадцать лет, но одинаковых по росту братьев частенько принимали за близнецов, так они были похожи. У обоих был смуглый матовый цвет лица, серые глаза и жесткие, почти черные волосы, которые спускались на мятый и испачканный белый воротничок школярской формы. Они отличались только выражением лица. В Жослене было больше решительности, а в Раймоне — больше скрытности. Пока они односложно отвечали на расспросы дедушки, кормилица, разомлевшая от счастья, накрыла стол праздничной скатертью и расставила горшки с паштетом, положила хлеб, масло и первые каштаны. Глаза подростков засверкали. Не дожидаясь приглашения, они уселись за стол и принялись поглощать еду так жадно и неаккуратно, что привели Анжелику в восторг.

Девочка не могла не заметить, насколько худы и бледны ее братья, а их костюмы из черной саржи протерлись на локтях и коленях. Во время разговора мальчики опускали глаза. Казалось, ни один из них не узнал маленькую Маркизу Ангелов. На поясе Раймона висел полый рог. Анжелика спросила, что это такое.

— Это для чернил, — надменно сообщил Раймон.

— А я свой выбросил, — усмехнулся Жослен.

С канделябрами в руках вошли отец и мать семейства. Несмотря на радость, барон выглядел несколько обеспокоенным.

— Как случилось, что вы здесь, мальчики? Вы даже летом не приезжали. Сейчас не совсем подходящее время для каникул, не так ли?

— Мы не смогли приехать летом, — объяснил Раймон, — потому что у нас не нашлось ни су, чтобы нанять лошадь, или хотя бы заплатить за место в общественной карете от Пуатье до Ньюра.

— Но сейчас мы находимся здесь вовсе не потому, что неожиданно разбогатели, — продолжил Жослен.

— А потому, что святые отцы выгнали нас из школы, — закончил Раймон.

В комнате повисло тяжелое молчание.

— Святой Дени! — воскликнул наконец старый барон. — Какую же проказу вы совершили, месье, если с вами обошлись столь суровым образом?

— Мы не совершали никаких неблагоприятных поступков, но уже около двух лет августинцы не получают денег за наше обучение. Они объяснили нам, что есть ученики, чьи родители щедрее, и этим ученикам нужны наши места...

Барон Арман стал мерить шагами комнату, что было признаком крайнего волнения.

— Как же так, этого просто не может быть! Если вы не совершали никакого недостойного поступка, святые отцы не могли просто взять и выставить вас за дверь, вы же дворяне! И святые отцы это отлично знают...

Жослен, старший из братьев, зло ответил:

— Да, они это отлично знают, и я даже могу повторить вам слова отца-эконома, сказанные нам на прощание: дворяне вечно не платят за обучение, потому что у них нет денег, а если нет денег, то можно обойтись без латыни и прочих наук.

Старый барон выпрямил больную спину.

— Мне не верится, что вы говорите правду, вспомните, что церковь и дворянство неразделимы, что ученики монастырей — будущий цвет государства. Святые отцы знают это лучше, чем кто бы то ни было!

Деду ответил второй подросток, Раймон, которому прочили будущее священника. Он сказал, упрямо глядя в пол:

— Святые отцы учили нас, что Бог видит избранных, и, возможно, мы к ним не относимся...

— Помолчи, Раймон, — перебил юношу брат. — Уверяю тебя, что сейчас не время говорить глупости. Если хочешь стать нищенствующим монахом — воля твоя! Но я старший сын в семье и поддерживаю мнение дедушки: Церковь должна относиться с уважением к нам и к другим дворянам! И если она предпочла нам простолюдинов, сыновей мещан и лавочников, то она свободна в своем выборе. В итоге она обрекает себя на погильель!

Оба барона одновременно вскрикнули:

— Жослен, ты не должен богохульствовать!

— Я не богохульствую, а всего лишь констатирую факт. В моем классе, где изучают логику, я был младше всех, но занял второе место по успеваемости среди тридцати учеников. У нас было двадцать пять сыновей мещан и служащих, и они выплачивают в срок все до последнего су. Зато из пятерых дворян только двое регулярно платят за учебу...

Арман де Сансе уцепился за эту соломинку, позволявшую ему окончательно не потерять лицо.

— Значит, вместе с вами исключили еще двух дворянских отпрысков?

— Вовсе нет, родители тех дворян, кто не платят, занимают высокие посты при дворе, и святые отцы их боятся.

— Я запрещаю тебе говорить подобным образом о наставниках, — воскликнул барон Арман, в то время как его престарелый отец пробурчал себе под нос:

— Какое счастье, что король умер и не видит, что творится!

— Да уж, счастье, — усмехнулся Жослен. — Особенно если вспомнить, что Генриха IV убил ваш расчудесный монах.

— Замолчи, Жослен, — внезапно вмешалась в разговор Анжелика. — Напыщенные речи никогда не были твоей сильной стороной, и вообще, когда ты говоришь, то становишься похож на жабу. К тому же монах убил Генриха III, а не Генриха IV¹.

Юноша вздрогнул и удивленно посмотрел на кудрявую девочку, которая так спокойно и дерзко перебила его.

— Надо же, а вот и ты, лягушечка, принцесса болот! Маркиза Ангелов... Я даже забыл с тобой поздороваться, сестренка.

— Почему это ты назвал меня лягушкой?

— А потому что ты назвала меня жабой. И потом, разве ты уже не прячешься в болотной ряске и в камышах? Неужели ты стала такой же рассудительной и чопорной воображалой, как Органс?

¹ Генрих III (1551—1589), последний французский король из династии Валуа (с 1574 г.), был убит монахом-доминиканцем Жаном Клеманом, приверженцем Гизов. Его преемник, Генрих IV (1553—1610), первый король из династии Бурбонов, погиб от руки Франсуа Равальяка, фанатичного противника Нантского эдикта. Равальяк был школьным учителем из Ангулема. — *Примеч. ред.*

— Надеюсь, что нет, — скромно ответила Анжелика.

Вмешательство девочки разрядило обстановку.

Впрочем, оба брата уже закончили трапезу, и кормилица принялась убирать со стола.

И все же атмосфера в доме осталась напряженной. Каждый, сам того не осознавая, пытался придумать, как противостоять новому удару судьбы. В гнетущей тишине время от времени можно было слышать плач самого младшего отпрыска семьи Сансе. Мать, тетки и даже Гонтран постарались воспользоваться поводом, «чтобы пойти проведать малыша». Лишь Анжелика осталась в обществе двух баронов и двух старших братьев, вернувшихся из города в столь плачевном виде.

Девочку мучил вопрос: а на сей раз их семейство потеряло честь? Она очень хотела задать этот вопрос вслух, но не решалась. Братья внушали ей одновременно жалость и презрение.

Старый Лютцен, отсутствовавший во время прибытия юношей, внес в зал новые канделябры, дабы почтить прибывших. Неловко обнимая старшего, солдат капнул ему на одежду немного воску. Младший пренебрежительно уклонился от скупой ласки слуги. Старый солдат сделал вид, что не заметил этого, и, не чинясь, огласил свою точку зрения:

— Вам уже давно следовало вернуться! И вообще, к чему зубрить латынь, когда не умеешь писать на родном языке? Когда Фантина проболталась, что молодые хозяева вернулись насовсем, я тут же сказал себе, что теперь наконец-то господин Жослен сможет отправиться в море...

— Сержант Лютцен, неужели я должен напоминать тебе о старой доброй дисциплине? — внезапно очень сухо бросил старый барон.

Гийом не стал настаивать и замолчал. Анжелика была удивлена суровым и несколько обеспокоенным тоном дедушки. Старик повернулся к старшему внуку.

— Надеюсь, Жослен, что ты оставил детские мечты стать моряком?

— А почему я должен их оставить, дедушка? Похоже, что теперь у меня просто не осталось выбора.

— Пока я жив, ты не станешь моряком. Все, что угодно, только не это!

И старик грохнул тростью о выщербленный плиточный пол.

Казалось, Жослена удивило внезапное упорство деда, ведь парень всю жизнь мечтал о море, и именно эта мечта помогла ему без огорчения встретить новость об унижительном исключении.

«Наконец-то покончено с бессмысленными молитвами и зубрежкой латыни, — думал он. — Я стал мужчиной и скоро ступлю на палубу королевского судна».

Арман де Сансе вмешался в разгоравшийся спор.

— Отец, к чему подобная бескомпромиссность? Возможно, это не самый плохой выход из положения. Я вам уже говорил, что в прошении, которое я не так давно отослал королю, помимо прочего я молил Его Величество помочь моему старшему сыну с поступлением на морскую службу, просил определить его на каперское судно или военный корабль.

Но старый барон дрожал от гнева. Никогда еще Анжелика не видела деда таким рассерженным, даже во время перепалки со сборщиком налогов.

— Не нравятся мне люди, которым жжет пятки земля их предков. Там, за морями, они надеются найти горы волшебных сокровищ, а их ждут только голые дикари с татуировками на руках. Старший сын дворянина должен служить королю в армии. И никак иначе.

— О большем и не мечтаю, я всем сердцем хочу служить королю, но только на море, — возразил юноша.

— Жослену уже шестнадцать. Самое время выбирать свою судьбу, — не совсем уверенно вступился за сына отец.

Морщинистое лицо старого барона, обрамленное короткой седой бородой, исказила гримаса боли. Старик поднял руку.

— Это правда, в нашей семье были люди, которые сами выбирали свою судьбу. Неужели и вы, сын мой, хотите меня разочаровать? — с горечью спросил дедушка Анжелики.

— Отец, я вовсе не хотел бередить вам душу тягостными воспоминаниями, — принялся оправдываться барон Арман. — Сам я никогда не помышлял отправиться за моря, я как никто другой при-

вязан к нашим землям в Пуату. Но хорошо помню, каким тяжелым и шатким было мое положение в армии. Даже дворяне, не располагая деньгами, не могут достичь каких бы то ни было высот. Я постоянно сидел по уши в долгах, и, чтобы не умереть с голоду, мне доводилось продавать все снаряжение — коня, шатер, оружие. Однажды я даже сдал в аренду собственного слугу. Только вспомните прекрасные земли, которые вам пришлось обратить в золото, чтобы поддержать меня в годы военной службы!

Анжелика с нарастающим интересом следила за разговором. Она никогда не видела моряков, но выросла в том краю, куда сквозь долины Севра и Вандеи прорывался вечный зов океана. Она знала, что от берегов Ла-Рошели вплоть до самого Нанта, из города Сабль-д'Олонь корабли рыбаков отплывают к далеким землям, где можно встретить людей, красных, как огонь, или полосатых, словно кабанчики. Девочка даже слышала рассказ про одного бретонского матроса из Сен-Мало, который привез во Францию дикарей, у которых на головах вместо волос росли перья, как у птиц.

В тот вечер Анжелика долго ворочалась в огромной кровати, одиноко стоящей в одной из комнат башни.

В ее душе поселилось нетерпение. Вырасти! Скорее вырасти!

Когда она станет старше, ничто и никто не сможет ей помешать сесть на корабль и выйти в море, чтобы увидеть чудеса далеких стран.

Глава 4

Первый визит к управляющему Молину. — Заколдованный белый замок

Мадам де Сансе водрузила большую соломенную шляпу поверх косынки — она собиралась в огород, но шум заставил ее проследовать в столовую замка. Там Гонтран дрался с чумазым крестьянским мальчишкой, а Анжелика азартно исполняла роль арбитра. Исключение из коллежа двух старших сыновей еще бередило душу мадам де Сансе, и бедная женщина, не в силах сдерживаться, дала волю своему гневу.

— Сколько раз тебе надо повторять, Гонтран, что маленькие оборванцы — неподобающая компания для сына дворянина, и еще меньше для Анжелики. Немедленно выйди отсюда, озорник!

Мальчик бросил презрительный взгляд на владелицу замка, одетую в платье неопределенного цвета и обутую в стоптанные башмаки, а потом спокойно почесал себе голову.

— Сначала мне надо поговорить с господином бароном, — заявил маленький нахал. — Меня послал сам управляющий замком. Сказал, что дело срочное. Вот тут у меня послание.

И мальчишка протянул баронессе скомканный шар из бумаги, который, по всей видимости, когда-то был листом, сложенным вчетверо. Ни конверта, ни печати. Управляющий близлежащим замком, господин Молин, просил господина барона де Сансе о встрече, чтобы обсудить некое интересное и весьма срочное дело. Баронесса нервно смяла бумагу, затем попыталась ее разглядить.

Когда мальчишка ушел, мадам де Сансе заговорила, с трудом скрывая горечь и призывая своих детей в свидетели:

— Разве это слыхано! В какое время мы живем? Неужели мы должны терпеть, чтобы этот мещанин, Молин, управляющий-гугенот, позволял себе вот так запросто вызывать вашего отца, который является прямым потомком Годфрида Бульонского? Я уже слышу, как мой добрый Арман скажет мне: «Это исключительно деловой визит, и женщин он не касается». Хотела бы я знать, какие общие дела могут быть у дворянина с управляющим соседним замком. Полагаю, что речь снова пойдет о мулах!.. Я бы даже поняла, если бы мой достойный супруг занялся разведением лошадей. Моя семья всегда отличалась широтой взглядов, и мы никогда не краснели, говоря, что приходим от блаженного Клода Гуфрье, занимавшего еще в прошлом веке должность управляющего конюшнями короля Генриха II. Но мулы и ослы!.. Я все чаще спрашиваю себя, а не было бы лучше для всех нас, если бы ваш отец попросил короля вернуть его на службу. Когда находишься при дворе, то можно сделать целое состояние просто потому, что ты понравился королю. Все лучше, чем цепляться за эту землю, этих крестьян, за фермеров-арендаторов, которые считают, что им все дозволено. На сей раз я действительно настроена решительно и поговорю с вашим отцом.

Анжелика и Гонтран слушали мать с некоторым удивлением. Они не привыкли, чтобы она произносила такие длинные тирады, к тому же столь пылко. Большую часть времени баронесса была тихой, скромной женщиной, снисходительно вззирающей на «забавы» мужа. Но оскорбление, нанесенное ее старшим сыновьям, преобразило благородную даму, лишило ее хладнокровия и заронило в ее душу озлобленность, которая со временем должна была лишь усилиться, подпитываемая бесконечными бедами и жизненными трудностями.

Внезапно мадам де Сансе поняла, что она позволила себе вспылить в присутствии сына и дочери. Ее глаза наполнились слезами.

Смущенные Гонтран и Анжелика старались не смотреть на мать. Хотя все отпрыски семейства Сансе росли настоящими дикарями, они всегда избегали открытого проявления эмоций, и эти необычные обвинения матери привели детей в замешательство. Мадам де Сансе попыталась исправить ситуацию.

— Что вы здесь делаете, дети? Солнце еще высоко. Пошли бы лучше побегали по полям...

Гонтран раздраженно заметил:

— Но, матушка, всего пять минут тому назад вы обвиняли нас в том, что мы ведем себя словно крестьяне, а теперь отправляете нас бегать с пастухами.

— Да, это предпочтительнее праздного сидения в доме. И что хорошего в том, что вы прячетесь ото всех в своих тайных укрытиях? Я даже и не знаю, что вы там делаете. Подобное затворничество в вашем возрасте к добру не приведет.

— Я рисую и занимаюсь скульптурой, — с неприкрытой гордостью сообщил Гонтран.

Его глаза просияли.

— Хотите, я покажу вам свои работы?

Не дожидаясь ответа, он выскочил в коридор, а мать и сестра машинально пошли за ним.

Подбежав к своему сундуку, Гонтран достал оттуда деревянную фигурку и лист бумаги. Впервые юный художник решился продемонстрировать свое творчество кому-то из домашних. Слова матери тронули его сердце, и, сам того не осознавая, он захотел хоть чем-то развлечь ее.

— Посмотрите. Это старый Гийом.

Как заботливая мать семейства, а именно таковой и была баронесса, она стала внимательно разглядывать протянутую сыном фигурку, вырезанную ножом из корня грушевого дерева. Ее сердце разрывалось от смутения и ощущения беспомощности. Что делать со своими нетерпеливыми и непокорными отпрысками, каждый из которых вынашивает собственные планы на будущее?

Баронесса отметила, что лицо старого Гийома поразительно походит на оригинал, но почему Гонтран мечтает стать художником? Это занятие несколько не подходит для дворянина, даже для младшего сына в семье. Мадам де Сансе отлично знала, что все прославленные мастера живут при дворе или, например, в Риме. Однако она приравнивала их к актерам или к ярмарочным фиглярам. Баронесса не была знакома ни с одним дворянином, который бы стал художником.

— А это портрет Анжелики, — сказал мальчик, протягивая матери лист бумаги.

На цветном рисунке был изображен юный пират, с лицом, обрамленным огненной шевелюрой. Его голову украшала широкополая шляпа с плюмажем. В одной руке пират держал пистолет, в другой — обнаженную саблю.

— Как ты можешь говорить, что это портрет твоей сестры? — запротестовала мать начинающего живописца. — Анжелика такая красивая! Если на то будет воля Божья, то она найдет себе достойную партию и войдет в старинный, уважаемый род.

— А если Господь вдруг решит, что она станет главарем разбойников?

— Гонтран! Иногда я сомневаюсь, в своем ли ты уме. Анжелика, почему ты ничего не возразила на глупость, которую только что изрек твой брат?

Анжелика улыбнулась. На самом деле ей льстило, что Гонтран считает ее предводителем разбойников, но девочке не хотелось затевать новый спор, который бы расстроил мать.

Маркиза Ангелов прижалась носом к окну, ожидая возвращения отца. Как только она увидела барона, идущего по раскисшей от грязи дороге, опирающегося на тяжелую трость с массивным серебряным набалдашником — эта трость была единственной роскошью, которую мог себе позволить владелец замка, — она выскользнула из комнаты и побежала на кухню, где обулась и надела накидку. Она застала отца в конюшне, где барон, уже узнавший о приглашении Молина, седлал лошадь.

— Могу ли я сопровождать вас, отец? — спросила девочка, скорчив самую умильную рожицу.

Девочка всегда норовила ездить вместе с отцом, и не только потому, что ее завораживали просторы земель замка Плесси, которыми и управлял господин Молин, но и потому, что она действительно любила компанию доброго и спокойного отца, чей загорелый лоб избороздили глубокие морщины, порожденные многочисленными заботами.

Барон не смог противиться просьбе дочери и взял ее в седло.

Анжелика была его любимицей, обедневший дворянин находил ее необыкновенно красивой и втайне грезил, что она выйдет замуж за герцога.

Тот осенний день был тихим и ясным, а лес, еще не лишившийся нарядной листвы, протягивал к небу рыжие лапы.

Проезжая мимо решетчатой ограды замка Плесси, Анжелика нагнулась, стараясь рассмотреть в конце каштановой аллеи удивительное видение — великолепное белое здание, отражающееся в глади пруда, словно волшебное облако. Вокруг царил тишина: владельцы ренессансного замка давно забросили его и обитали при дворе. Казалось, дом дремал, окруженный зачарованным парком и садами. Лишь по пустынным аллеям прогуливались лани, забредшие сюда из Ньельского леса...

Дом управляющего Молина располагался в полулье от господского замка, рядом с одним из входов в парк. Величественный особняк из красного кирпича, крытый голубоватым шифером, олицетворял добротность и надежность. Словно верный страж, он охранял ажурную постройку, итальянская изысканность которой до сих пор поражала местный люд, привыкший к массивным неприступным замкам с донжонами и островерхими башнями.

Управляющего можно было назвать отражением собственного дома. Строгий, зажиточный, солидный, он твердо стоял на земле и, казалось, давно вжился в роль хозяина обширных угодий и замка Плесси, чей подлинный владелец постоянно отсутствовал. Лишь дважды в год: осенью, в сезон охоты, и весной, когда расцветали ландыши, многочисленные сеньоры и знатные дамы заполняли Плесси вместе со своими каретами, лошадьми, борзыми и музыкантами. Несколько дней знатные особы кружили в бешеном хороводе праздников и развлечений, приводя в изумление мелких помещиков, живущих по соседству, которых если и приглашали, то лишь для того, чтобы изысканное столичное общество могло вдоволь над ними потешиться. Затем господа снова уезжали в Париж и замок Плесси погружался в тишину, которую денно и ночью охранял строгий управляющий.

Услышав дробный перестук лошадиных копыт, Молин вышел во двор и рассыпался в поклонах, которые не стоили ему никакого труда — ведь встреча гостей входила в обязанности служащего маркиза. Анжелика, зная, насколько суровым и высокомерным мог быть этот человек, осталась равнодушной к чрезмерным проявлениям учтивости, зато барон Арман просиял, радуясь знакам почтения.

— Сегодня утром я совершенно свободен и потому решил, что не следует заставлять вас ждать, мастер Молин.

— Я бесконечно счастлив, что вы оказали мне великую милость, господин барон. Я опасался, что вы сочтете бесцеремонным мой способ приглашения. Я был вынужден послать слугу.

— Я не в обиде. Я отлично знаю, что вы стараетесь не появляться в моем замке из-за моего отца, который видит в вас опасного гугенота.

— У господина барона весьма прозорливый ум. Действительно, я не хотел бы досаждать ни господину де Ридуэ, ни госпоже баронессе, которая отличается крайней набожностью. Именно поэтому я решил пригласить вас к себе, и теперь надеюсь, что вы окажете мне честь разделить со мной трапезу. Конечно же, приглашение распространяется и на вашу маленькую дочь.

— Я уже не маленькая! — решительно возразила Анжелика. — После меня на свет появились Мадлон, Дени, Мари-Аньес, Альбер и еще один младенец, который только что родился.

— О, покорнейше прошу мадемуазель Анжелику меня извинить. Быть старшей нелегко, это требует особой зрелости ума и суждений. Я был бы счастлив, если бы моя дочь Бертиль могла посещать вас, потому что, увы, ее школьные наставницы твердят мне, что у девочки куриные мозги, которыми она к тому же не умеет пользоваться.

— Вы преувеличиваете, месье, — учтиво запротестовал барон Арман.

«На сей раз я разделяю мнение Молина», — подумала Анжелика, которая ненавидела дочь управляющего, считая ее маленькой чернявой притворщицей.

Но к самому управляющему девочка испытывала очень противоречивые чувства. С одной стороны она считала его неприятным, но с другой — у Молина были качества, которые не могли не вызывать восхищение. Прежде всего его внешний вид и его дом. Управляющий всегда носил темные костюмы, сшитые из добротной ткани, которые, после того как они изнашивались, он отдавал или, скорее всего, продавал. Он щеголял в башмаках на высоком каблуке по последней моде.

А еще в его доме чудесно готовили. Повсюду витали столь восхитительные ароматы, что изящные ноздри Анжелики затрепетали, стоило ей лишь зайти в первый зал, полы которого были выложены чистой сияющей плиткой. Этот зал соседствовал с кухней. Мадам Молин, хлопотавшая по хозяйству в большом зале, расправила юбки и присела в глубоком реверансе, а затем вернулась к своим пирогам.

Управляющий провел гостей в маленький кабинет, куда он приказал подать свежую воду и графин вина.

— Я неравнодушен к этому вину, — сказал Молин, поднимая бокал. — Оно приготовлено из винограда, произрастающего на склоне холма, который долго стоял под паром; виноград я собрал минувшей осенью. Конечно, вина Пуату не могут сравниться с винами Луары, но в них есть своя прелесть.

После короткого молчания он продолжил:

— Я не устану вам повторять, господин барон, сколь я счастлив, что вы ответили на мое приглашение. Для меня это знак, указывающий на то, что дело, которое я задумал, обернется удачей.

— Можно сказать, что вы подвергли меня испытанию?

— Пусть господин барон не изволит на меня гневаться. Я не могу похвастаться должным воспитанием, свое скромное образование я получил в деревне, но, признаюсь, высокомерие некоторых дворян всегда казалось мне проявлением недалекого ума. Потому что нужен тонкий ум, чтобы с пониманием рассуждать о делах, которые кажутся весьма обыденными.

Дворянин откинулся на обитую тканью спинку стула и с любопытством взглянул на управляющего. Его несколько тревожило то, что ему намеревался изложить сосед, чью репутацию трудно было

назвать безупречной. Поговаривали, что Молин очень богат. Сначала управляющий поместьем обходился с окрестными крестьянами и фермерами весьма сурово, но в последние годы он стал любезнее, переменил свое отношение даже к самым бедным сельским жителям. Никто не знал причин этой метаморфозы. Крестьяне опасались доброты Молина, но так как отныне управляющий лично взялся за урегулирование всех вопросов, связанных с налогами и оброками, которые замок был обязан выплачивать королю и маркизу дю Плесси-Бельеру, к нему относились с уважением.

Правда, злые языки утверждали, что таким образом Молин перевалил все налоги на вечно отсутствующего хозяина. Что касается маркизы и ее сына Филиппа, то владения в Пуату интересовали их еще меньше, чем самого маркиза.

— Если то, что рассказывают, — правда, то вскоре вы просто завладеете всеми землями поместья Плесси, — несколько грубовато заявил Арман де Сансе.

— Черная клевета, господин барон. Я не только остаюсь верным слугой господина маркиза, но и не вижу ни малейшего смысла в подобном приобретении. Дабы успокоить вас, скажу, и при этом не выдам никакой страшной тайны, что все эти земли давно заложены!

— Только не предлагайте мне их купить, на это у меня нет средств...

— Я далек от такой идеи, господин барон. Немного вина?

Анжелика, которой весь этот разговор порядком наскучил, выскользнула из кабинета и вернулась в большой зал, где в углу на массивном столе мадам Молин раскатывала тесто для огромного пирога. Хозяйка улыбнулась девочке и протянула ей коробку, от которой исходил восхитительный запах.

— Возьмите, милочка, попробуйте. Тут цукаты из лепестков дягиля, или ангелика. Именно его имя вы носите. Я сама готовлю это лакомство, беру лучший белый сахар. Мои цукаты намного вкуснее тех, чем у монахов из аббатства, потому что они используют только сахар-сырец. Разве после этого парижские кондитеры могут оценить это дивное растение, когда оно потеряло всякий вкус, пока

кипело в огромных плохо очищенных чанах, в которых братья готовят суп или кровяную колбасу?

Слушая ее болтовню, Анжелика с наслаждением откусывала кусочки тонких липких зеленых стеблей. Значит, вот во что превращались эти высокие и сильные болотные растения, чей природный аромат можно было назвать скорее горьковатым.

Маркиза Ангелов с восхищением осмотрелась вокруг себя. Начищенная мебель сияла. В самом углу зала примостились массивные напольные часы, которые дедушка Анжелики называл не иначе, как дьявольским изобретением. Чтобы получше рассмотреть диковинку и послушать негромкое тиканье, девочка подошла к кабинету, где беседовали мужчины. Из комнаты доносился голос отца:

— Клянусь святым Дени, Молин, вы меня озадачили. О вас много чего рассказывают, но все сходится в одном — вы личность сильная, неординарная и не лишенная врожденной интуиции. Но то, что я сейчас услышал, больше напоминает мне самые безрассудные утопии.

— Что именно из того, что я вам сейчас изложил, кажется вам столь безрассудным, господин барон?

— Давайте рассуждать. Вы знаете, что я интересуюсь разведением мулов, которые происходят от ослов и кобылиц, и что в результате этого скрещивания я вывел прекрасную породу. И уговариваете меня расширить дело, в то время как на себя вы берете сбыт конечного продукта. Звучит весьма заманчиво. Но я перестаю что-либо понимать, когда вы говорите о долгосрочных контрактах... с Испанией. Друг мой, мы находимся в состоянии войны с Испанией...

— Война не будет длиться вечно, господин барон.

— Мы тоже на это надеемся. Но мы не можем основывать серьезную торговлю только на надеждах.

На губах управляющего мелькнула снисходительная полуулыбка, ускользнувшая от внимания нищего дворянина. Последний пылко продолжил:

— Как вы намереваетесь торговать с нацией, которая воюет против нас? Во-первых, это запрещено, потому что Испания — наш

враг. Во-вторых, все границы закрыты, за дорогами и переправами внимательно наблюдают. Я даже могу допустить, чтобы поставлять врагу мулов, это не то же самое, что поставлять ему оружие, особенно учитывая то обстоятельство, что пока военные действия разворачиваются не на нашей родной земле, но на иностранной территории. И наконец, у меня еще слишком мало животных, чтобы заниматься налаживанием постоянных поставок. Все это потребует денежных вложений и долгих лет труда. А мое финансовое положение не позволяет ставить эксперименты.

Из самолюбия барон не стал добавлять, что он уже готов избавиться от любимых мулов.

— Но господин барон окажет мне любезность, если признает, что уже является обладателем четырех великолепных ослов-производителей и что, в отличие от меня, он без труда сможет купить других ослов у окрестных дворян. Что касается ослиц, то их приобрести несложно, причем по десять или двадцать ливров за голову. Но я не предлагаю вам увеличить поголовье лошаков и ослов-производителей. У нас совершенно иная цель. Нас интересуют лишь мулы.

— Арендовать кобыл для случки — это дорого...

— В таком случае их надо купить!

— Но это еще дороже!

— Не так дорого, если мы намереваемся наладить масштабное дело по разведению мулов... Я знаю, что рядом с Люсоном проживает один животновод, занимающийся разведением лошадей, которых в наши дни называют пуатевинскими, хотя на самом деле они скорее фламандские. Если быть точным, их привезли в наши края сотню лет тому назад для осушения болот. У него мы можем приобрести красивых крапчатых светло-серых кобыл, которые, несомненно, понравятся нашим замечательным ослам.

Барон покачал головой, замороженный рисуемой ему перспективой, а Молин продолжал:

— Господин барон, вы так много путешествовали по королевским провинциям, вы служили в армии Его Величества. Вы должны знать, что нигде не встретишь столь исключительных ослов, как пуатевинские, это крупные животные с огромными широкими ушами и нежной, почти льняной, шерстью, покрывающей их, словно

широкий плащ. Вот почему мулы, рожденные от скрещивания серебристо-серой кобылы и такого осла, уникальны. И не мне напоминать вам, господин барон, об удивительной силе этого замечательного гибрида.

Анжелика прекрасно видела своего отца и строгого Молина, без устали расхваливающего качества и достоинства мула — гибридного животного, которое может переносить любые тяготы жизни. Конечно, мул не способен, словно гордый боевой скакун, пуститься в роскошный галоп на поле битвы, но быстрая и уверенная рысь позволяет этому трудыге преодолевать холмы и долины, покрывать огромные расстояния, переправлять, хоть на вершину горы, поклажу и людей. Мулы могут служить и на войне, доставляя телеги с продовольствием и боеприпасами, что очень часто определяет судьбу армии. Они не боятся ни дождя, ни холода, ни голода и, если надо, довольствуются чертополохом, растущим вдоль дорог. Вот он какой — неумолимый мул!

Лошадь, как известно, животное хрупкое, требующее постоянной заботы. Другое дело — мул, он стойко противостоит болезням, эпидемиям, не знает усталости. Конечно, порой он бывает упрям, зато твердо стоит на ногах, всегда бодр и здоров, что гарантирует стабильность его разведения, хотя увеличение поголовья этого скота — дело долгое, потому что мулы, как уже говорилось, животные гибридные, а значит, бесплодные.

— По крайней мере они, в отличие от меня, не могут обзавестись многочисленным потомством и потому не знают никаких забот, — сказал барон, любивший пошутить над собственной плодovitостью.

Анжелика слушала с интересом.

Гонтран рассказал ей, что пуатевинский осел был прародителем всех ослов мира, что жил он в незапамятные времена и что на стенах и потолках огромных подземных пещер еще можно увидеть строгий черный силуэт этого резво скачущего животного. Именно такими изображали ослов первобытные люди, которые тогда на этих зверей охотились. В один прекрасный день Гонтран повел сестру в пещеру, чтобы продемонстрировать ей эти удивительные рисунки. Домой девочка вернулась, с ног до головы перепачканная пе-

ском и землей, и бедная Пюльшери долго причитала: «Куда ты зарылась на сей раз?» Но Анжелика ничего не сказала тетушке, потому что обещала Гонтрану хранить тайну.

А мужчины продолжали свой увлекательный разговор.

— Мы также сможем провести дополнительные работы по осушению болот и получим отменные пастбища, — вещал Молин, — ведь ваши мулы, и об этом не стоит забывать, животные тягловые и потому незаменимы в сельской местности. Я полагаю, что с двадцатью тысячами ливров нам удастся начать серьезное дело, которое через три-четыре года принесет существенную прибыль.

Казалось, что у бедного барона закружилась голова.

— Черт возьми, вы строите грандиозные планы! Двадцать тысяч ливров! Следовательно, вы думаете, что мои несчастные мулы, над которыми открыто потешается вся округа, столь ценны? Двадцать тысяч ливров! Ведь не собираетесь же вы вручить мне эти двадцать тысяч ливров?!

— А почему бы и нет? — спокойным тоном возразил управляющий.

Барон посмотрел на собеседника с некоторым испугом.

— Это было бы сумасшествием с вашей стороны, Молин! Я не могу скрыть от вас, что у меня нет ни одного поручителя.

— Мне будет довольно обычного контракта, по которому в дальнейшем я смогу получить половину прибыли и право на разведение ваших мулов. Этот контракт мы заключим в Париже самым приватным образом и будем держать его в тайне.

— Вы должны знать, что у меня нет средств, чтобы отправиться в столицу в ближайшее время. Ваше предложение ошеломило меня, оно кажется мне весьма рискованным, и я хотел бы предварительно проконсультироваться кое с кем из друзей...

— В таком случае, господин барон, давайте забудем о нем сию же секунду. Ключ к успеху нашего предприятия — в полной и строжайшей тайне. Если вы с этим не согласны, то и затевать ничего не стоит.

— Но я не могу броситься в эту авантюру, ни с кем не посоветовавшись, тем более что речь идет о деле, противоречащем интересам моей страны!

— Которая является также и моей родиной, господин барон...

— А вот в это верится с трудом, Молин!

— Тогда не будем больше об этом говорить, господин барон. Давайте считать, что я ошибался. Учитывая ваши исключительные успехи, я полагал, что только вы способны наладить масштабное разведение мулов в нашей провинции, наладить во благо нашей страны.

Барон почувствовал себя польщенным.

— Об этом я даже и не думал...

— Тогда господин барон позволит мне напомнить, что этот вопрос напрямую связан с темой, которая его волнует, то есть с заботой о семье, с надеждой обеспечить своему многочисленному потомству достойное будущее...

— Вы заслуживаете того, чтобы я отстегал вас хлыстом, Молин! Дела моей семьи вас не касаются!

— Как пожелаете, господин барон. Но должен сказать, что хотя мои средства много скромнее, чем уверяют многие, я готов незамедлительно — конечно, в счет будущих доходов от нашего предприятия — ссудить вас суммой в двадцать тысяч ливров. Только ради того, чтобы вы могли заняться разведением мулов, не изнуряя себя заботой о ваших детях. По собственному опыту знаю, что работа не будет спориться, когда на душе кошки скребут, а ум занят посторонними мыслями.

— Вас замучают фискальные службы, — сказал барон, слегка покраснев.

— И здесь вы правы! Поэтому, чтобы наши денежные отношения ни у кого не вызвали подозрения, мне кажется, в наших интересах сохранить соглашение в тайне. Я настаиваю, каким бы ни было ваше решение, чтобы вы никому не пересказывали этот разговор.

— Я отлично вас понимаю, но и вы, в свою очередь, должны понять меня: моя жена будет посвящена в подробности сделки, которую мы намерены заключить. Ведь речь идет о будущем наших многочисленных детей.

— Извините, господин барон, но мне придется задать вам весьма некорректный вопрос: а госпожа баронесса сможет хранить мол-

чание? Что-то я никогда не слышал, чтобы женщины умели хранить секреты.

— У моей жены репутация неболтливой женщины. Кроме того, мы почти ни с кем не видимся. Если я попрошу, она никому ничего не расскажет.

Именно в эту секунду управляющий заметил носик Анжелики, которая, прислонившись к дверному косяку, слушала взрослых. Впрочем, девочка даже не пыталась прятаться. Обернувшись, барон увидел дочь и нахмурился.

— Подойдите ко мне, Анжелика, — строгим тоном приказал он. — У меня складывается впечатление, что у вас появилась скверная привычка подслушивать под дверью. Вы всегда появляетесь в самый неподобающий момент, и никто не слышит, как вы подкрались. Ваши манеры меня огорчают.

Молин пристально смотрел на Анжелику, но он не казался таким же рассерженным, как ее отец.

— Крестьяне говорят, что ваша дочурка — фея, — заметил управляющий, и его лицо озарилось едва заметной улыбкой.

Ничуть не смущенная, девочка подошла поближе.

— Вы слышали наш разговор? — спросил барон.

— Да, отец! Молин сказал, что если у вас будет много мулов, тогда Жослен сможет поступить в армию, а Ортанс поедет в монастырь.

— Как странно работает твоя головка, какие любопытные выводы ты сделала из нашей беседы! Теперь послушай меня. Пообещай мне, что никому об этом не расскажешь.

Анжелика подняла на отца зеленые сияющие глаза.

— Ладно. А что вы дадите мне за мое молчание?

Управляющий подавился смешком.

— Анжелика! — воскликнул ее обескураженный отец.

За барона ответил Молин:

— Сначала докажите нам вашу скромность, мадемуазель Анжелика. Если, как я рассчитываю, договор, который мы заключим с господином вашим отцом, вступит в силу, то потребуются немало времени, пока дело начнет процветать. Для этого ничто не должно нам

мешать, тем более — лишние разговоры. И если наши надежды оправдаются, в награду вы получите мужа...

Девочка скорчила забавную рожицу, глубоко задумалась, а затем сказала:

— Хорошо, я обещаю.

После чего гордо удалилась.

В кухне мадам Молин, прогнав служанок, самолично ставила в печь пирог, украшенный сливками и вишнями.

— Мадам Молин, а скоро мы будем обедать? — спросила Анжелика.

— Еще не скоро, моя милочка. Если вы проголодались, я могу сделать вам бутерброд.

— Я не голодна, просто хотела узнать, есть ли у меня время сбегать к замку Плесси.

— Разумеется. Когда стол будет накрыт, мы пошлем за вами мальчика-слугу.

Анжелика тут же умчалась. Завернув за первый поворот аллеи, она скинула башмаки и спрятала их под камнем, чтобы надеть на обратном пути. Затем, легкая, как лань, она устремилась вперед. В подлеске, среди деревьев, пахло грибами и мхом, недавний дождь оставил после себя небольшие лужицы, через которые девочка перепрыгивала одним махом. Она была счастлива. Месье Молин пообещал ей мужа. Впрочем, она не была уверена, что это такой уж замечательный подарок. Что она будет делать с этим самым мужем?.. Разве что он окажется таким же милым, как Николай, тогда у нее появится постоянный товарищ для ловли раков.

Анжелика вступила под сень каштановой аллеи.

Когда эти деревья только были посажены — а доставили их, как говорили, из Индии или из императорских садов Вены, куда они, в свою очередь, попали из Константинополя, весь местный люд счел чудесные растения невиданной роскошью.

Семейство Плесси-Бельеров всегда отличалось экстравагантными идеями! Но весной, когда большие, похожие на звезды листья начинали соперничать красотой с белыми цветами, напоминающими высокие благоухающие свечи, все окрестные жители приходили

полюбоваться дивным зрелищем. Плоды этих деревьев почти ни на что не годились. Их называли конскими каштанами, потому что турки якобы давали такие плоды своим лошадям, чтобы те были резвее. У Анжелики появилась привычка собирать конские каштаны, ведь они были такими красивыми и блестящими, а их коричневый цвет, оттененный нежной зеленой кожурой, не мог не радовать глаз. Но девочка собирала каштаны прежде всего для колдуньи Мелюзины, которая готовила из них лекарство от лихорадки.

В тот день маленькая баронесса не стала набивать карманы каштанами. Она торопилась к замку.

Ведь ее ждало волшебное зрелище.

Девочка увидела, как в конце аллеи на фоне лазурной эмали неба возникает причудливый силуэт белого замка, отражающийся в синей глади пруда.

Без сомнения, замок Плесси-Бельер перенесся сюда из волшебных сказок, ведь он не походил ни на одно строение родного края Анжелики. Все небольшие окрестные усадьбы мало чем отличались от замка Монтелу и казались серыми, замшелыми, слепыми, меж тем как итальянский зодчий, спроектировавший в прошлом веке замок Плесси-Бельер, снабдил строение бесчисленными окнами, люкарнами и портиками. Миниатюрный подъемный мост возвышался надо рвом, заросшим кувшинками. Угловые башни и многочисленные крошечные башенки были призваны не оборонять, а украшать. При этом очертания дворца отличались изысканной простотой. Никаких архитектурных излишеств — казалось, что арки и галереи с высокими сводами могут поспорить своей красотой с живыми цветочными гирляндами. Лишь установленный над главным входом гербовый щит с химерой, высунувшей длинный тонкий язык, напоминал о вычурном декоре раннего Ренессанса.

Анжелика с поразительной ловкостью вскарабкалась на террасу, затем, цепляясь за украшения окон и балконов, добралась до второго этажа, где устроилась на широком водостоке. Потом девочка прижалась носом к оконному стеклу.

Она часто залезала сюда и никогда не уставала восхищаться таинственной запертой комнатой, в полумраке которой можно было

рассмотреть безделушки из слоновой кости и серебра, расставленные на деревянной мозаичной мебели, полюбоваться рыжеватыми и голубыми тонами новехоньких гобеленов, картинами, развешенными по стенам. В самой глубине помещения, в алькове возвышалась кровать, застланная узорчатым камчатным покрывалом. Тяжелый полог поблескивал тусклым золотом. Над камином висело большое полотно, один взгляд на которое наполнял душу Анжелики восхищением. Рама картины заключала в себе целый мир, о котором Маркиза Ангелов почти ничего не знала: перед ней разворачивалась удивительная и фривольная жизнь обитателей Олимпа, поражающая языческой разнузданностью, первородной радостью. Прямо на глазах у бородатого фавна слились в объятиях бог и богиня. Их обнаженные белые тела олицетворяли настоящую античную красоту, подобно тому, как сам замок Плесси, расположенный вблизи непроходимого леса, был воплощением елисейских полей.

Волнение, которое охватывало Анжелику, почти причиняло ей боль.

«Как бы я хотела, — думала девочка, — потрогать все эти вещи, провести по ним рукой. Как бы я хотела, чтобы однажды все это принадлежало только мне».

На обратном пути барон пустил лошадь шагом, погрузившись в собственные мысли. Анжелика молчала, и отец почти забыл о ее присутствии.

В ту минуту, когда они добрались до вершины небольшого холма, лошадь по собственному почину остановилась.

Барон поднял глаза и заметил, как вдалеке, на широкой лужайке, пасутся его замечательные мулы, а на фоне облачного неба выделяется силуэт одного осла-производителя, великолепного представителя пуатевинской породы, о которой так долго толковал Молин. Осел был почти таким же высоким, как молодой конь, но казался высеченным из дерева с помощью кривого садового ножа, а длинная шелковистая темно-коричневая шерсть придавала строгому облику животного почти первобытный вид, напоминавший о давно ушедших временах.

— А ведь и правда, он красив, — пробормотал барон.

— Он пасется у самой изгороди, — заметила Анжелика. — Там осел нашел то, что он любит, — душистый колючий терн.

Лошадь снова тронулась. Вскоре путники оказались в полутени дороги, змеящейся по низине.

— Остановимся ненадолго.

Они часто так поступали во время прогулок.

Отец садился на поросший мхом камень или выступающий из глинистого склона холма толстый корень. Лошадь щипала нежную травку на обочине дороги. Иногда Анжелика тоже присаживалась к отцу, а порой бродила по округе, собирая всякую всячину, которую полагала ценной: плоды, цветы, корни...

На этот раз в ее маленькой сумочке уже лежал засахаренный джигиль: мадам Молин настояла, чтобы маленькая гостя взяла с собой это незамысловатое лакомство. Но прежде чем поесть, Анжелика встала напротив отца и очень серьезно на него посмотрела.

— А не думаете ли вы, отец мой, что вести дела с протестантами опасно? Кормилица рассказывала, какие ужасные вещи творили эти люди в наших церквях. Она говорила, что ее прабабка — или прабабка ее прабабки — спасла раку с мощами святой Урсулы, когда протестанты вырвали святыню из алтарного камня и хотели бросить ее свиньям. Отважная женщина долгие годы хранила раку у себя дома, а потом отдала ее в неразоренную церковь. И дом ее был храним Богом. Кормилица рассказывала, что это были страшные времена, именно тогда гугеноты привязали кюре Партеная к большому распятию над алтарем и убили его, стреляя арбалетными болтами. Они опрокинули статую Богоматери-Заступницы и размозжили скульптурную голову Младенца Иисуса, повесили вверх ногами картину с изображением Пресвятой Девы, поклониться которой веками приходили паломники со всех сторон света. Они сказали, что все это — идолы и что мы, католики, — язычники, потому что падаем ниц перед этими идолами. А почему нам не разрешают играть с детьми из соседского замка Рамбур? Потому что они протестанты? Они совсем не кажутся опасными. Там есть юноша, не намного старше Жослена, он все свободное время трубит в большой рог. А дедушка сердится, говорит, что соседи нас провоцируют. Что вы думаете об этом, отец?

Разве правда, что мы — язычники, если молимся перед статуями, стоящими в церквях? Разве правда, что статуи — это идолы?

Отец удивился таким речам.

Он с трудом отвлекся от занимавших его проблем и попытался ответить дочери.

— Идолы?! Не знаю. Для протестантов, скорее всего, да... Что ты хочешь, у каждого свой взгляд на религию, — промолвил барон, пораженный жаром, с которым говорила Анжелика.

Ему такi удалось прервать ее излияния.

— Иконоборцы... это давнишняя история, это прошлое. Нельзя жить прошлым. Лучший способ избавиться от подобных воспоминаний — не говорить об этом. Есть вещи, которые лучше забыть. На моих землях живут фермеры-гугеноты, и только они регулярно выплачивают арендную плату. А Рамбуры, наши соседи, всегда угощают нас дичью, ведь я разрешаю им охотиться в наших лесах. У меня никогда не было времени натаскивать охотничьих соколов или собак, да и денег на это нет. Надо забыть, а то старые ссоры никогда не прекратятся. Няня Фантина рассказывает вам слишком много глупых историй. Наверное, она узнает их из синих книжек, которые продают бродячие торговцы. Такая литература далека от реальности. Я имею в виду от существующей реальности. Ты меня понимаешь? Все эти старые истории вдохновляют на воинские подвиги. Но вообще я плохо в этом разбираюсь. Так говорят твоя мать и Пюльшери. Конечно, Молин — гугенот, но он человек нашего времени, и он разбирается в мулах.

И барон замолчал, исчерпав аргументы.

Анжелика внимательно слушала отца.

С довольной улыбкой девочка несколько раз кивнула и принялась за сладости. Она воздержалась от дальнейших расспросов по двум причинам. Во-первых, Анжелика начала опасаться, что отец запретит ей входить в библиотеку, где хранятся синие книжки и чудесные альманахи с прекрасными изображениями луны, звезд и солнца. В этих альманахах можно найти столько поговорок и изречений, легенд и иных чудес, а каждый месяц года изображен как волшебная тележка, наполненная чудесами.

Во-вторых, немного наивные ответы барона о протестантах были именно такими, какие Анжелика хотела услышать. Она не могла не согласиться с отцом. Причитания по разбитым статуям и оскверненным реликвиям устарели. Есть много насущных дел, которыми нужно заниматься, например разведением мулов...

Барон и сам удивился, что занял столь четкую позицию, отвечая на каверзные вопросы дочери. Беседуя с ней, он пришел к выводу, что все его сомнения по поводу соглашения с приверженцем протестантской религии беспочвенны, потому что они основаны лишь на устаревших представлениях, на застарелой злопамятности, порожденной ужасами религиозных войн прошлого века. Войн братоубийственных, если уж быть честным, войн, богатых на преступления и зверства, творимых обеими сторонами.

Анжелика продолжала есть засахаренные липкие зеленые палочки. Она перепачкала всю мордашку, но при этом выглядела такой довольной и беззаботной, что барон де Сансе не смог сдержать улыбку. «Какой она еще ребенок», — подумал он. И это счастье! Анжелика напевала, любуясь листвой. Отец восхитился прозрачным изумрудным цветом ее глаз.

«У нее действительно совершенно зеленые глаза», — отметил он про себя.

Многие говорили, что Анжелика была его любимицей лишь потому, что она самый красивый ребенок в семье, и что именно поэтому барон берет ее на прогулки. Но дело обстояло иначе. Именно Анжелика, даже будучи совсем крошечной, всегда просила отца взять ее в седло. И, если уж на то пошло, она одна из всех детей обнищавшего дворянина действительно интересовалась всем, что занимало ее отца, будь то пресловутые мулы или вечные денежные хлопоты. В любом случае она всегда старалась его понять.

«По крайней мере, — думал отец, глядя на девочку, скачущую то на одной, то на другой ножке и беззаботно напевающую какую-то песенку, — она понимает то, что я ей говорю, хотя еще так мала».

Барону де Сансе будет очень не доставать дочери, если их дела с Молином пойдут в гору и он получит возможность отправить ее

в монастырь. Зато тогда он сможет не волноваться по поводу ее образования.

Что касается Анжелики, то их разговор с отцом о протестантах ее полностью удовлетворил. Она уже давно хотела расспросить родителя, что тот думает по этому поводу, и вот теперь ее желание сбылось.

Замечательно, если отец будет сотрудничать с Молином. Управляющий Плесси-Бельеров знает массу полезных вещей, порой даже кажется, что он знает, о чем думает любой человек, богатый и бедный, католик и протестант, благородный господин и крестьянин. Он был подлинным хозяином этого края.

Никто и не догадывался, что на самом деле именно он был хозяином этих ветреных сеньоров, которым служил, — парижских сумасбродов Плесси-Бельеров, которые столь редко приезжали поразвлечься в свой бесподобный замок, белый замок мечты, отражавшийся в пруду с кувшинками.

Глава 5

Крестьянские свадьбы. — Чудеса в пещере колдуньи

По местным обычаям в мае парни украшали свои шляпы зелеными колосьями, а девушки вплетали в волосы цветки льна, и все вместе шли плясать вокруг дольменов — огромных каменных «столов», которые возвышались на полях еще с доисторических времен. На обратном пути они разбивались на пары и разбредались по лугам и рощам, благоухающим ландышами.

В июне папаша Солье выдавал замуж свою дочь и устраивал грандиозный праздник. Среди фермеров, арендовавших земли у барона де Сансе, он был единственным, кто привлекал к работам исполщиков.

К тому же этот зажиточный фермер был хозяином деревенского трактира.

Маленькая романская церковь была убрана цветами и свечами толщиной в кулак. Господин барон лично вел невесту к алтарю. Пир, последовавший за обрядом венчания, длился несколько часов, столы ломились под тяжестью блюд с белой и черной кровяной колбасой, с многочисленными мясными блюдами и сырами. Не было недостатка и в вине.

Как принято, после пиршества местные дамы отправились с подарками к новобрачной.

Последняя уже обосновалась в новом доме; она сидела на скамье перед большим столом, на котором громоздились подарки: фаянсовая и оловянная посуда, отрезы ткани, медные и чугунные котлы.

Голову невесты украшал веночек из полевых ромашек, ее круглое, немного глуповатое личико сияло от удовольствия.

Мадам де Сансе чувствовала неловкость от того, что смогла подарить только скромный подарок: несколько тарелок великолепного фаянса, которые хранились в замке для подобных случаев. Анжелика вдруг осознала, что семейство Сансе есть из той же посуды, что и простые крестьяне. Это открытие одновременно разозлило и огорчило девочку своей нелепостью: какие все-таки странные люди ее окружают! Анжелика готова была поспорить, что и эта молодая крестьянка не станет пользоваться красивыми тарелками, а спрячет их в сундук и будет по-прежнему есть из грубых мисок! В замке Плесси тоже столько чудесных вещей, но они хранятся, словно в забытой гробнице!

Анжелика с хмурым видом лишь слегка притронулась губами к щеке новобрачной.

Тем временем парни окружили большую кровать, стоявшую в комнате, и принялись перекидываться шуточками.

— Ха! Послушай-ка, красотка, — крикнул один из них, — вот посмотрим мы на тебя и на твоего мужа и думаем, что шодо¹ вам и не понадобится!

— Мама, — спросила Анжелика, когда они выходили из комнаты, — а зачем нужен этот шодо и почему о нем всегда говорят на свадьбах?

— Есть такой обычай у селян, как обычай приносить подарки или танцевать, — весьма туманно ответила баронесса.

Подобное объяснение не удовлетворило девочку, и она твердо решила присутствовать на церемонии, во время которой молодоженам подадут загадочный горячительный напиток.

Танцы на деревенской площади еще не начались. Мужчины по-прежнему сидели вокруг столов на козлах, вынесенных на свежий воздух.

¹ Горячее вино с пряностями, подаваемое молодоженам в первую брачную ночь. — *Примеч. ред.*

Вдруг Анжелика услышала рыдания старшей сестры. Органс требовала вернуться в замок, потому что стыдилась своего слишком простого и заштопанного платья.

— Ну и что! — воскликнула Анжелика. — Сестрица, ты все усложняешь. Разве я жалуясь на платье, хотя оно мне мало и коротко? Вот с ботинками и правда беда, но я захватила с собой сабо, и как только начнутся танцы, я сразу переобуюсь в них. Я решила поселиться от души!

Но Органс настаивала, она жаловалась, что изнемогает от жары, которой вовсе не было, и твердила, что хочет вернуться домой. Мадам де Сансе подошла к мужу, сидевшему среди почетных гостей, сообщила ему, что уходит, но оставляет на его попечение Анжелику. Какое-то время девочка тихо сидела рядом с отцом. Она перела и с трудом боролась с сонливостью.

За столом рядом с ними сидели кюре, синдик, школьный учитель, который при случае исполнял обязанности певчего, цирюльник-хирург, звонарь и несколько земледельцев, владевших плугом, быками и нанимавших себе помощников, — в общем, «деревенская аристократия». Входил в это «общество» и Артэм Калло, землемер из соседнего поселка, приехавший для того, чтобы помочь в осушении близлежащего болота. Этот человек, родом из соседнего Лимузена, почему-то был похож на ученого-иностранца. Тут же сидел отец невесты, Поль Солье, занимавшийся разведением крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Этот дородный крестьянин из Пуату был одним из самых «важных» фермеров округа, и хотя барон Арман де Сансе и считался его хозяином, арендатор, несомненно, был богаче.

Анжелика, глядя на отца, который не переставал хмурить брови, могла легко догадаться, о чем он размышляет. «Еще один знак, предрекающий крушение дворянства», — с грустью должен был думать барон.

* * *

Наконец, на площади у большого вяза началась суэта. Двое мужчин, каждый из которых держал нечто напоминающее раздутые белые

мешки, взгромоздились на бочки. Это были волынщики. К ним присоединился музыкант с мюзетом¹.

— Сейчас начнутся танцы! — воскликнула Анжелика и побежала к дому синдика, где она спрятала свои сабо.

Отец смотрел, как она вернулась и прыгала то на одной, то на другой ножке, прихлопывая в ладоши, словно уже слышала ритмичную музыку баллад и веселых хороводных песен, сопровождавших танцы. Ее волосы цвета темного золота разметались по плечам. Наверное, из-за слишком узкого и короткого платья барон неожиданно осознал, как выросла и повзрослела его малышка за последние несколько месяцев. Всегда худенькая, хрупкая, Анжелика выглядела теперь лет на двенадцать; она чуть раздалась в плечах, а старое платье из саржи едва не лопалось на округлившейся груди. Прилившая к лицу жаркая кровь румянила ей щеки, а когда она смеялась, влажные губы приоткрывались, так что были видны безупречные зубки.

Как и другие местные барышни, Анжелика украсила вырез корсажа букетиком из желтых и сиреневых первоцветов.

Сидевшие рядом с бароном мужчины были поражены красотой Анжелики и сейчас любовались юным созданием, чьи свежесть и пыл никого не оставляли равнодушным.

— Ваша дочь превращается в очень красивую девушку, — с раболепной улыбкой заявил папаша Солье и переглянулся с соседями.

Теперь к гордости барона примешивалось беспокойство.

«Она стала слишком взрослой, чтобы якшаться с этими мужланами, — подумалось ему вдруг. — Это ее, а не Органс следует поскорее отправить в монастырь».

Анжелика, не подозревавшая, какие мысли она вызывает у сидевших за столом мужчин, беззаботно присоединилась к веселой толпе юношей и девушек, поодиночке или парами стекавших к большому вязу. Вдруг она столкнулась с подростком, которого не сразу узнала, так нарядно он был одет.

¹ Мюзет — род волынки со складчатым мехом, двумя мелодическими трубками и патрубками для перестройки инструмента. — *Примеч. пер.*

— Валантен, душка, — воскликнула Анжелика на местном диалекте, на котором она чаще всего изъяснялась, — до чего ты пригож, мой дорогой!

Сын мельника вырядился в костюм, сшитый из столь добротного серого сукна, что баски сюртука казались накрахмаленными. Без сомнения, костюм шили в городе. Сюртук и жилет украшали ряды маленьких позолоченных пуговиц, сиявших подобно звездам. К ботинкам и шляпе мальчика были приколоты металлические пряжки и атласные голубые розетки, одного цвета с чулками. Краснолицый подросток хоть и чувствовал себя неловко в этом нелепом, словно взятом напрокат наряде, но светился от удовольствия. Анжелика, не видевшая приятеля уже несколько месяцев — он уезжал в город вместе с отцом, — заметила, что едва достаёт Валантену до плеча, и почти оробела. Чтобы рассеять собственное смущение, она схватила друга за руку.

— Пойдем танцевать!

— Нет! Нет! — отказался парень. — Я не хочу испортить мой чудесный костюм. Лучше пойду и выпью стаканчик вина вместе с остальными мужчинами, — самодовольно добавил Валантен и направился к группе почетных гостей, к которым только что присоединился его отец.

— Пошли танцевать! — крикнул другой мальчуган, обнимая Анжелику за талию.

Это был Николя. Его темные, как зрелые каштаны, глаза светились радостью.

Они встали лицом к лицу и начали притопывать ногами в такт резким завывающим звукам волюнок и мюзета. Кто-то счел бы такой танец неуклюжим и однообразным, но глубинный ритм мелодии придавал ему небывалую гармонию. Как ни удивительно, ведущими музыкальными инструментами этой пляски были не волюнки или мюзет, а крестьянские сабо, с глухим стуком ударяющие о землю. А сложные фигуры, исполняемые одновременно и слаженно всеми танцующими, добавляли сельскому балету удивительное изящество.

Вечерело. Дуновение свежего ветерка остудило потные лбы. Охваченная танцем, Анжелика чувствовала себя совершенно счастливой, свободной от повседневных мыслей и забот. Один кавалер

сменял другого, и в их блестящих и смеющихся глазах девочка читала нечто такое, что подстегивало ее возбуждение.

Легкие облачка пыли клубились над землей, и заходящее солнце окрашивало их в пастельный розовый цвет. Щеки игрока на мюзете раздулись, словно шары, а глаза почти вылезли из орбит, так старательно он дул в свой инструмент. Наконец он остановился, переводя дух, и направился к уставленным кувшинами столам, чтобы передохнуть.

— О чем вы задумались, отец? — спросила Анжелика, усевшись рядом с бароном, который не переставал хмуриться.

От танцев она раскраснелась и запыхалась. Арман де Сансе почти злился на дочь, видя ее такой беспечной и счастливой, когда он сам извелся от забот и не мог, как в прежние времена, веселиться на деревенских праздниках.

— О налогах, — ответил барон, мрачно глядя на сидевшего напротив человека, оказавшегося не кем иным, как сборщиком налогов сержантом Корном, которого столько раз выставляли за порог замка.

Анжелика возмутилась:

— Не стоит думать об этом, когда все веселятся. Разве наши крестьяне сейчас думают о своих бедах? А ведь именно на их плечи ложатся основные тяготы налогового бремени. Не так ли, месье Корн? — весело крикнула она через стол. — В такой день никто не должен думать о налогах, даже вы, разве я не права?..

Слова девочки вызвали бурный смех. Мужчины начали петь, папаша Солье затянул припев про сборщика податей, который собирает монетки, словно по зернышку клюет. Сержант Корн слушал крестьян с добродушной улыбкой. Но Арман де Сансе знал, что скоро наступит черед менее невинных песенок, столь популярных на свадьбах. К тому же барона все больше и больше беспокоило поведение дочери, которая пила стакан за стаканом. Он решил, что пора уходить.

Барон сказал Анжелике, что им следует прощаться и возвращаться в замок. Раймон и младшие дети в сопровождении кормилицы давно ушли домой. Задержался лишь старший, Жослен, и сейчас он обнимал за талию миленькую деревенскую барышню. Барон воздержался

от того, чтобы призывать сына к порядку. Арман де Сансе даже радовался, что худой и бледный ученик коллежа обрел в объятиях деревенской девушки здоровый румянец и здоровые желания. В его возрасте сам барон уже не раз опрокидывал на сено какую-нибудь крепенькую пастушку с соседнего хутора. Кто знает, а вдруг такие развращения удержат старшего сына в родных краях?

Не сомневаясь, что Анжелика пойдет за ним вслед, владелец замка церемонно раскланивался и прощался со всем честным народом.

Но у его дочери были совсем иные планы.

На протяжении последних часов она только и думала о том, как бы ей попасть на церемонию шодо, которая должна была состояться после восхода солнца. Воспользовавшись суматохой, она выскользнула из толпы и, взяв в руки сабо, помчалась на окраину деревни, все обитатели которой, даже старушки, веселились на свадьбе. Завидев стоящую у сарая лестницу, девочка быстро вскарабкалась по ней и оказалась в царстве мягкого, душистого сена.

От обилия вина и танцев Анжелика зевнула.

«Посплю-ка я тут, — решила она. — А когда проснусь, как раз подойдет время церемонии».

Веки сомкнулись, и она провалилась в глубокий сон.

* * *

Проснувшись, Анжелика ощутила странное, неведомое ей прежде чувство приятной истомы. В сарае по-прежнему было жарко и темно. Ночь еще не окончилась, и вдалеке слышались громкие крики крестьян, загулявших на празднике.

Она не слишком хорошо понимала, что с ней происходит. Тело стало податливым, мягким, ей хотелось вытянуться и застонать от удовольствия. Внезапно Анжелика почувствовала, как чья-то рука медленно скользит по ее груди, спускается ниже, к талии, а затем еще ниже, к ногам. Отрывистое жаркое дыхание обожгло ей щеку. Она вытянула руку и уперлась в жесткую ткань.

— Это ты, Валантен? — прошептала Анжелика.

Парень не ответил, а лишь еще крепче прижался к ней.

Винные пары и легкое головокружение не давали Анжелике сосредоточиться. Она не боялась. Она сразу же узнала Валантена,

узнала его тяжелое дыхание, его запах и даже крепкие руки, которые он часто резал болотной осокой и камышом. Но теперь эти шершавые руки касались ее кожи, заставляя вздрагивать.

— Ты больше не боишься испортить свой чудесный наряд? — пробормотала она, и в ее голосе прозвучала наивность, мешавшая с бессознательным лукавством.

Валантен что-то проворчал и ткнулся лбом в ее хрупкую шею.

— Как ты хорошо пахнешь, — выдохнул парень, — ты пахнешь так же приятно, как цветок дягиля.

Он попытался поцеловать Анжелику, но ей был неприятен его влажный жадный рот, и она оттолкнула Валантена. Тогда он сжал девочку еще сильнее и навалился сверху всем телом. Эта внезапная грубость заставила Анжелику окончательно проснуться и осознать происходящее. Она стала яростно отбиваться, стараясь встать. Но подросток, задыхаясь, сжимал ее в объятиях. Тогда взбешенная Анжелика принялась колотить его кулаками прямо по лицу с гневными криками:

— Отпусти меня сию же секунду, мужлан, отпусти меня!

В конце концов Валантен отпустил ее и она, соскользнув со стога сена, быстро спустилась по приставной лестнице. Анжелика была в ярости, но при этом ее охватила непонятная грусть. Ночную темноту рассеял свет факелов, которые освещали шумную ватагу молодежи.

«Фарандола!»

Мимо Анжелики пронеслась вереница девушек и парней, державшихся за руки; бешеный поток увлек ее за собой. В свете зарождающегося дня фарандола мчалась по улицам, скакала через плетни, по полям. Опьяневшие от вина и шипучего сидра, танцующие беспрестанно спотыкались, падали, и это вызывало всеобщий смех. Наконец крестьяне вернулись на площадь, где валялись опрокинутые столы и скамьи; они тоже не стали помехой на пути фарандолы. И вот уже факелы погасли.

— Шодо! Шодо! — выкрикивали молодые люди.

Кто-то забарабанил в дверь дома синдика, который совсем недавно отправился почивать.

— Эй, хозяин, просыпайся! Мы собираемся подбодрить наших молодоженов!..

Анжелика, которой наконец удалось высвободить руки и вырваться из хоровода, увидела любопытную процессию.

Ее возглавляли двое забавных персонажей, наряженных, словно королевские шуты, в пестрые лохмотья с бубенчиками. Следом два парня несли на плечах толстую палку, на которой за ручку был подвешен огромный котел. Их окружали приятели со стаканами и кувшинами вина в руках. За ними шествовали те славные жители деревни, которые еще были в состоянии держаться на ногах. В общем, собралась внушительная толпа.

Без особого труда все это «воинство» проникло в хижину новобрачных.

Жених с невестой лежали бок о бок на большой кровати, и Анжелика нашла их чрезвычайно милыми. Щеки молодой женщины стали пунцовыми. Молодые, нисколько не чинясь, выпили приготовленное специально для них горячее вино, сдобренное пряностями. Один из парней, перебравший сильнее друзей, захотел стащить с мужа и жены одеяло, которым те целомудренно прикрывались. Новоявленный супруг треснул нахала кулаком по носу. Завязалась потасовка, во время которой слышались громкие крики бедной молодухи, что есть мочи цеплявшейся за одеяло. Запах вина и плохо вымытых тел кружил голову, не способная больше противиться яростному напору толпы, Анжелика едва не упала на пол, где бы ее просто затоптали. Но ей на помощь пришел Николя, который и помог выбраться из дома.

— Уф-ф! — выдохнула Маркиза Ангелов, когда наконец оказалась на свежем воздухе. — Не такая уж и забавная вся эта церемония шодо! Скажи, Николя, а зачем молодоженам приносят это горячее вино?

— Черт возьми! Ведь надо же им набраться сил после первой брачной ночи.

— Неужели это так утомительно?

— Во всяком случае, именно так говорят...

Вдруг паренек расхохотался. Его глаза сияли, темные кудри спадали на загорелый лоб. Лишь сейчас Анжелика поняла, что ее друг пьян, как и все остальные. Неожиданно Николя, шатаясь, подошел к ней и протянул руки.

— Анжелика, лапушка, знаешь, какая ты хорошенькая, когда вот так говоришь... Ты такая хорошенькая, Анжелика.

Он обвил руками ее шею. Анжелика молча высвободилась и ушла. Над опустевшей деревенской площадью всходило солнце. Праздник закончился. Анжелика, спотыкаясь, брела по дороге, ведающей к замку, и горечь переполняла ее душу.

Сначала Валантен, а затем и Николая, даже верный Николая, повели себя с ней таким странным образом. Она потеряла их обоих. Анжелике казалось, что ее детство умерло, а при мысли, что она больше никогда не вернется на болото или не залезет на дерево вместе со своими старинными приятелями, ей хотелось плакать.

Именно такой — опечаленной, в разорванном платье, с соломинками в растрепанных волосах, растерянно бредущей по дороге, и встретили Анжелику барон де Сансе и старый Гийом, отправившиеся на поиски девочки.

— Mein Gott! — воскликнул остолбеневший Гийом.

— Откуда вы идете? — спросил Анжелику владелец замка.

Но видя, что она не способна отвечать, старый солдат взял ее на руки и понес домой.

Удрученный сильнее обычного, Арман де Сансе подумал, что ему необходимо изыскать средства, чтобы поскорее послать в монастырь свою вторую дочь. А ведь он до сих пор не решил, принимать ли предложение Молина. Он все еще надеялся, что помощь, в которой он так нуждался и на которую имел право, придет к нему совершенно с иной стороны.

* * *

Анжелика очнулась лишь на следующий день, после того как проспала почти сутки.

Пробудившись, она не испытывала ни малейших угрызений совести, лишь чувствовала, что где-то в душе у нее засела заноза. Внезапно девочка вспомнила, что поссорилась с Валантеном, а вполне вероятно, что и с Николая — действительно, насколько глупы эти «мужчины»! Кроме того, Анжелика была вынуждена признать, что ничего подобного не произошло бы, если бы она послушалась отца и вовремя ушла с праздника. Своевольная девочка впервые призналась себе, что иногда слушать взрослых полезно, и дала себе клятву впредь вести себя разумнее.

Одеваясь, Анжелика внимательно осмотрела собственное тело. За последний год она заметно выросла. У нее наметилась грудь. «Когда-нибудь у меня будут груди, как у Нанетты», — решила девочка. Она не знала, гордиться ей или пугаться. Все эти метаморфозы удивляли маленькую дикарку, более того, она понимала, что что-то безвозвратно уходит. Ее свободе и привычной жизни угрожает неизведанное. Она стояла на пороге нового мира, о котором еще ничего не знала.

«Совсем недавно Пюльшери сказала мне, что скоро я стану девушкой. Боюсь, это будет страшно скучно», — с тревогой думала Анжелика.

Стук лошадиных подков заставил девочку подойти к окну. Она видела, как отец уезжает, но не осмелилась окликнуть его и попросить взять с собой. «Наверняка он направляется к Молину, — подумала Анжелика. — Вот было бы здорово, если бы вдруг все эти нескончаемые денежные трудности испарились, если бы нам не надо было больше ждать помощи от короля. Ортанс смогла бы хорошо одеваться и найти себе мужа из приличной семьи. Тогда она перестала бы сидеть дома и дуться. А Жослен вместо того, чтобы охотиться вместе с противными сыновьями барона Шайе, мог бы поступить на службу в армию. Как же я ненавижу этих грубых мальчишек Шайе, вечно они начинают меня щипать, приезжая к нам в замок, да так сильно, что у меня неделями не проходят синяки. И отец был бы счастлив. Он мог бы днями напролет любоваться своими драгоценными мулами».

Так размышляла девочка, нисколько не сомневаясь, что очередной визит родителя к управляющему Молину принесет изменения в жизнь семьи. Она была уверена, что отец соблаговолит принять ссуду, необходимую для разведения животных. Впоследствии, глядя на серьезное и замкнутое лицо матери, Анжелика поняла, что та торжественно поклялась не разглашать тайну сделки, чтобы их соседи-дворяне не смогли обвинить семью Сансе в том, что та уронила свое дворянское достоинство и попала в лапы ростовщика. Неплохо зная Молина, Анжелика догадывалась, что он приложил все усилия, чтобы уговорить господина де Сансе принять двадцать тысяч ливров аванса, но барон упорствовал, потому что он больше ничего не говорил об отъезде дочерей в монастырь.

Между тем в поместье все же произошли изменения, которые свидетельствовали о том, что барон намеревался сделать все возможное для спасения мулов.

* * *

К замку Монтелу потянулись крестьяне, которые вели за собой кто ослиц, кто жеребцов-производителей. Барон лично разглядывал зубы и копыта лошадей, справлялся об их родословной, но покупал немного животных.

Господин де Сансе ждал: через три недели открывалась ярмарка в Фонтене-ле-Конт, куда он собирался отправиться и приобрести по более низкой цене отборную скотину. Казалось, владелец замка располагает значительной суммой денег, потому что он собрал жителей деревни Монтелу и объявил им, что в ближайшее время сможет дать работу всем желающим, а еще ему понадобятся лесорубы, столяры, плотники, каменотесы и каменщики.

Вскоре облик замковых конюшен кардинально изменился. Под пастбища были отведены новые луга. Старый Гийом сложил с себя прежние обязанности, он перестал следить за садом и двором замка и изображал из себя старшину мастеров. Бывалый солдат помолодел и даже почти перестал хромать.

— Когда brave воины Карла Великого брались за работу, мостили дороги и возводили дома, в мире сразу же становилось меньше нищеты, — заявлял наемник всякому, кто его слушал.

— Я-то всегда думала, что солдаты умеют только разрушать, — возражала кормилица.

— Варвары или солдаты, не верующие в Бога, — те да, умеют только убивать или грабить. Но настоящие воины всегда стремятся к миру, — серьезно отвечал немец.

Анжелика любила старого вояку, хотя немного жалела, что ее отважный друг столь сильно изменился. Конечно, весь этот труд на благо мира великолепен, но он не так увлекателен, как рассказы о войнах и сражениях, о которых Гийом почти позабыл, отдавшись новой страсти. Будучи в душе немного проповедником, как и все остальные приверженцы религии, насаждавшейся Лютером, наемник с жаром обличал кардинала Мазарини, не желавшего пре-

кращать войну и, следовательно, провоцировавшего недовольство народа.

* * *

Разведение мулов шло полным ходом.

В преддверии наводнений крестьяне подвозили большие гранитные блоки для укрепления фундамента конюшен, а сами строения покрыли розовато-бежевой черепицей. Теперь в них могли жить более пятисот ослиц и пятьдесят жеребцов-производителей.

Тем временем землемер изучал новую систему осушения земель, прилегавших к замку. Речь шла о том, чтобы осушить большую часть болота, которое в былые времена защищало замок. Анжелика, которую все считали феей болот, в глубине души страдала оттого, что чужаки вторгаются в ее владения. Но после пресловутой свадьбы молчун Валантен больше не приглашал свою подругу кататься на лодке. Он отказался от нее. Так что болото могло спокойно исчезнуть! Лишь Николая, нимало не смущаясь, появился вновь и, как обычно, хохотал, демонстрируя роскошные белые зубы. С ним вернулось и беззаботное детство; капризная Госпожа природа отсрочила наступление взрослой жизни — ведь не может же закончиться все разом.

Барон сиял. Он хотел раз и навсегда доказать мещанам типа Молина, что и дворянин способен преуспеть в хозяйственных работах. Вскоре он уже сможет заняться замком, семьей, и при этом не будет никому должен ни су.

Работы по обновлению конюшен и осушению болот облегчили нелегкую крестьянскую долю, и в результате в замке появился избыток продовольствия. Но хотя тяжелые времена прошли, жизнь семьи Сансе почти не изменилась. Куры по-прежнему разгуливали по залам замка, собаки беззастенчиво гадили на плиточный пол, а во время дождя во многих комнатах протекал потолок. Руки мадам Сансе оставались красными, потому что она не могла позволить себе купить новые перчатки. Жослен охотился на оленей и окрестных девиц и больше, чем когда-либо, был похож на волка, а Раймон, погруженный в книги, напоминал истаявшую свечу — одну из тех свечей, что давали ему свет во время ночных занятий.

Не жаловались только младшие дети, окруженные теплом кухни и лаской кормилицы. Правда, Мадлон часто плакала и сделалась мрачной. Ей бы тоже стоило покинуть замок. Анжелика взяла сестренку под свое крыло и по ночам укачивала ее в своих объятиях. Мадлон знала, что Анжелика очень сильная и что с ней можно не бояться ни волков, ни призраков. Однако сама Анжелика немного растеряла былую жизнерадостность. Конечно, все происходящее живо интересовало девочку, но ее не покидало ощущение, что большинство окружающих людей стало еще бесцветнее, а некоторых она и вовсе считала слабоумными.

* * *

В тот день Анжелика отправилась на поиски Мелюзины.

Она давно не видела колдунью. Сначала жила в ожидании свадьбы — события, которому в ее родном краю придавали огромное значение, а потом увлеклась переменами, связанными с разведением мулов.

Анжелика начала с того, что поискала старую женщину у опушки. Опьяненная ароматом полей, она искренне удивлялась, как же могла забыть о Мелюзине. Наверное, она так хорошо повеселилась в деревне! Хотя последний праздник показался девочке не таким радостным, как торжества минувших лет или иные деревенские праздники, например праздник Майского Дерева или ярмарка угрей. «Они» раздражали ее вместе со своим горячительным напитком, Анжелику бесила «их» манера насмехаться над ней каждый раз, когда она задавала вопросы...

Анжелика шла среди трав и кустов и радовалась, что может вновь наслаждаться ароматами цветущего леса.

Сегодня, двигаясь вглубь лесной чащи, она пыталась примечать следы, оставленные Мелюзиней. По утрам, еще на рассвете, колдунья собирала лечебные растения и по дороге могла обломить тонкую веточку, примять травинку: так она обозначала свой путь. Именно так Анжелика обнаруживала пожилую женщину, которая, несмотря на годы, ходила быстро, работала споро, а присев на корточки, становилась и вовсе невидимой, так как была наделена даром сливаться с окружающей ее природой вне зависимости от вре-

мени года, словно дикий лесной зверь. Но Анжелика никогда не заставляла свою подругу уснувшей или только пробудившейся ото сна. Глаза Мелюзины всегда оставались открытыми, настороженными, блестящими, и часто Анжелика именно их замечала первыми в полумраке лесной чащи. Завидев девочку, Мелюзина улыбалась и всегда произносила веселым, спокойным тоном: «Я ждала тебя... пойдём!»

Но и в тот день, и на следующий Анжелика тщетно бродила по лесу, не осмеливаясь заходить чересчур далеко без приглашения колдуньи, и не пыталась ее звать, потому что Мелюзина приучила ее никогда не выдавать голосом своего присутствия.

Девочка добралась до самого обрыва, где находилась пещера колдуньи. Никаких признаков жизни, ни следа «дьявольского дыма», струящегося среди разнотравья и отпугивающего случайных прохожих. Лето было в самом разгаре. Стояла удушливая жара, и каждый норовил потушить очаг в своем жилище.

Анжелика забеспокоилась. А вдруг Мелюзина заболела? Ведь у нее нет близких, которые могли бы о ней позаботиться. Внезапно одиночество колдуньи показалось Маркизе Ангелов беспредельным, всепоглощающим, словно опасная болезнь, приводящая к смерти. Если рядом нет кого-то, кто вас опекает или хотя бы думает о вас, рассуждала Анжелика, то смерть может подкрасться незаметно. А вдруг Мелюзина упала и не может пошевелиться, и неважно, где это произошло — в глубине леса или в ее «логове»... Время не пощадит ведунью, и она умрет от голода. «Жизнь — такая хрупкая вещь», — часто повторяла своей ученице Мелюзина, но при этом объясняла, сколь малые усилия требуются, чтобы сохранить эту хрупкую вещь. И все-таки эти усилия требуются. Анжелика всегда удивлялась ее словам, потому что чувствовала себя сильной, переполненной жизнью.

Итак, у Мелюзины не было ни родных, ни близких.

Лишь иногда, в разгар суровой зимы, колдунья приходила в деревню со своей маленькой корзиной для растений, и какая-нибудь женщина набиралась мужества и выходила на порог, чтобы протянуть Мелюзине кружку молока или ломоть хлеба в обмен на снадобья, а затем поскорее убегала в дом.

Анжелика подошла к краю обрыва и, оценив крутизну, начала спускаться, цепляясь за корни и ветки можжевельника. Присмотревшись, на склоне обрыва можно было обнаружить нечто вроде неровных ступеней, по которым обитательница пещеры почти каждый день спускалась и поднималась. Ниже, перед входом в пещеру, располагалась площадка, покрытая дерном. Девочка закончила спуск и ступила на нее. Ее взгляду открылась пещера, частично скрытая пологом из листьев и ветвей.

В пещере что-то зашевелилось, и Анжелика, которая еще не вошла внутрь, заметила среди листвы лицо Мелюзины, привлеченной шумом шагов. Колдунья лукаво смотрела на неожиданную гостью.

— Мелюзина! Я подумала, что ты заболела.

Колдунья залилась задорным смехом, напоминающим смех ребенка.

— Я заболела?! Почему ты беспокоилась? Разве ты не знаешь, что у меня под рукой всегда есть снадобья, способные снять любую хворь?

— Но если ты ослабнешь, то никто не поможет тебе приготовить нужный отвар. Любому человеку нужна помощь, когда он болен.

Мелюзина по-прежнему смотрела на девочку с таким видом, как будто задумала хорошую шутку. Наконец она спросила:

— Ты боишься?

— Нет, не боюсь.

— А боишься ли ты встретиться с нечистым, со злом, с дьявольскими знаками?

— Нет, не боюсь, — еще раз повторила Анжелика, продолжая цепляться за корни. С обрыва катились и падали к ее ногам небольшие камни. — К чему эти вопросы?

С Мелюзиной она не боялась ничего.

— Тогда иди сюда, — сказала колдунья. — Ты мне поможешь... и не разрушай мою лестницу.

Анжелика последовала за Мелюзиной внутрь пещеры. Они оказались в довольно просторном зале с темными закутками, заполненными сундуками, ивовыми корзинами, камышовой мебелью; прямо на земле стояли многочисленные горшки, глиняные кувшины, склянки.

На фоне почти черного потолка девочка заметила силуэт совы, сидящей на кривой ветке, — об этой птице Анжелика много слышала, говорили, что днем она всегда спит. Но кошки в пещере не оказалось. Как Анжелика и предполагала, огонь в очаге не горел. В помещении витал сильный запах лекарств, готовящихся в котелках и горшках. В глубине комнаты, там, где мрак становился почти непроглядным, на подстилке из папоротника Анжелика увидела спящего мужчину. Он не был высоким, скорее кряжистым. Темная одежда спящего превратилась в лохмотья и была ему явно велика. Из заштопанных штанов выглядывали босые ноги — ноги бедняка, шишковатые, расцарапанные. Чуть дальше стояли его ботинки, подбитые большими гвоздями; ботинки вечного странника, неутомимого ходока, не слишком сильно стоптанные, но явно повидавшие виды. Казалось, что этот грузный мужчина рухнул прямо у стены. Но он не умер, а глубокий сон, скорее всего, был вызван искусно приготовленными снадобьями, которые колдунья дала ему. Узнать его было невозможно, потому что лицо прикрывал толстый компресс из белых тряпок.

— Кто-нибудь из нашей деревни? — спросила Анжелика.

На лице колдуньи промелькнула горькая усмешка.

— Неужели ты думаешь, что я могу привести сюда кого-нибудь из этих набожных бедняг даже для того, чтобы спасти ему жизнь? Кто-нибудь из крестьян уже бы поднимал деревню, истошно вопя, что я затащила несчастного в свою пещеру, чтобы сварить его в дьявольском котле...

Вспомнив о подобных проявлениях человеческой глупости, Мелюзина пожала плечами и встала на колени возле своего пациента. Анжелика последовала примеру старшей подруги. Склонившись, колдунья долго всматривалась в неподвижное человеческое тело, словно вслушивалась, что происходит внутри.

— Вот так уже несколько дней, — произнесла она наконец. — Но я чувствую, что должно произойти.

Колдунья посмотрела на Анжелику, взяв ее за руки.

— Конечно, ты еще мала... но у тебя такие сильные руки, и они могут подарить исцеление.

А затем доверительно прошептала:

— Я усыпила краба, который поселился у него под кожей, разъядал изнутри его лицо...

Мелюзина на мгновение прикрыла глаза, а затем продолжила торжественным тоном:

— Надо вытащить краба, но больной не должен шевелиться, а то краб проснется. Ты будешь держать больному голову.

— Прямо сейчас?

Колдунья рассмеялась и встряхнула белоснежной шевелюрой.

— Нет. Придется подождать еще одну ночь. Сейчас время растущей луны. Она привлечет силы земли и этим поможет моим рукам. Возвращайся завтра, ближе к закату. Самый подходящий момент.

Анжелика, решившая, что ей придется пробыть в пещере колдуньи всю ночь, уже начала прикидывать, как бы ей выбраться из замка, чтобы Ортанс, проснувшись, не переполошила весь дом. Мелюзина разгадала эти мысли и вновь засмеялась, а потом умиленно покачала головой.

— Хорошо, что ты такая смелая... и готова ко всему, только бы помочь ближнему!

* * *

Оранжевое солнце клонилось к горизонту, когда на следующий день Анжелика вернулась к пещере, от которой шел терпкий серный запах.

С губ коленопреклоненной Мелюзины слетало невнятное бормотание.

Колдунья знаком велела Анжелике встать на колени рядом с мужчиной. Анжелика знала, в чем будет заключаться ее роль. Не в первый раз девочка возлагала руки на голову больного, облегчая его страдания, но на сей раз ей нужно было удерживать голову мужчины в неподвижности. Чтобы не пошевелиться и даже не вздрогнуть, Анжелика твердо решила не отвлекаться от своей основной обязанности, несмотря на все горячее любопытство и желание понаблюдать за той операцией, которую собиралась провести знахарка. Девочка старательно усталилась в одну точку на противоположной стене. Она догадывалась, какие движения совершает Мелюзина, что она положила руки на компресс и бормочет непонятные слова, со-

проводя их низким вибрирующим звуком, похожим на звук, слетающий с губ женщин, вступающих в транс, и одновременно напоминающий песнопения, пришедшие из глубины веков.

Постепенно голос Мелюзины смягчился. Анжелике показалось, что голова мужчины, которую она держала, внезапно сделалась легче.

— Посмотри.

То, что девочка увидела на месте белой повязки, походило не столько на краба, сколько на огромного черного паука с устрашающим красным клювом, паука, окруженного ореолом черных отростков.

Мелюзина, наклонив голову, внимательно созерцала результат своих трудов.

— Все получилось, — наконец прошептала она. — Он поправится.

В тот вечер Анжелика еще не раз помогла колдунье прикладывать компрессы к распухшей щеке больного. Повязки источали сильный бальзамический запах. Удушающий пар от снадобий пропитал всю пещеру и, конечно же, вырывался наружу сквозь отверстие над очагом, а затем стелился по песчаной равнине, внушая страх случайному прохожему.

Мелюзина одну за другой сжигала в жарком огне все тряпицы, которые она использовала для компрессов. Анжелика забыла о времени, пока Мелюзина не напомнила маленькой помощнице, что скоро наступит ночь.

К счастью, вечной проказнице было не впервой возвращаться так поздно в замок. Няня Фантина всегда оставляла ей горячий суп. Еще два дня Анжелика приходила в пещеру колдуньи и помогала делать перевязки, составлять лечебные снадобья. Мужчина по-прежнему оставался неподвижным, будто он впал в зачарованный сон, унеся в какую-то далекую страну.

Но однажды больного в пещере не оказалось. Исцеленный, он ушел.

— Кто это был? — спросила Анжелика.

— Бродяга! Не слишком удачливый коробейник. Скоро люди начали бы шарахаться от него. Они приняли бы его за прокаженного и стали бы бросать в бедолагу камнями.

Колдунья заговорщически посмотрела на Анжелику.

— Мы прогнали смерть, — сказала она.

* * *

Согласно заведенному обычаю, Фантина Лозье, купив немного воска и несколько лент у торговца-овернца, была готова проинформировать господина барона о самых важных событиях во Французском королевстве.

Слушая кормилицу, трудно было поверить, что обычный странствующий торговец может рассказать столько новостей. Многие считали, что она просто все сочиняет, но на самом деле няня обладала даром предвидения. Слово, тень, появление слишком наглого нищего, обеспокоенного торговца — все это помогало ей «чуять» правду.

Барон де Сансе протестовал:

— Фантина, неужели мы не можем прожить хотя бы один год без страшных катастроф?..

Кормилица горячо отстаивала свою точку зрения.

На сей раз, и господин барон мог бы это заметить, она не говорила, что разбойники обязательно придут в их родной край. И они действительно не пришли.

Напротив, черпая информацию все у тех же коробейников, кормилица предрекала счастливые перемены.

Покинув Париж, оставив за спиной мятежный парламент, монсеньор кардинал Джулио де Мазарини собирается переправиться через Рейн и попасть в землю, называемую Вестфалией, чтобы подписать там договор об окончании Тридцатилетней войны.

* * *

У себя на чердаке старый Лютцен надраивал до блеска выдавшую виды каску, счищал ржавчину с алебарды.

У каждой из войн свой безобразный лик.

Война заканчивающаяся, идущая на убыль — самая страшная из всех войн, настоящая гарпия. Лютцен тому свидетель. Как и любая другая война, она озарена своими яркими вспышками.

Такая вспышка озарила в тумане светлую шевелюру заблудившегося северного короля.

В тот день на поле сражений при Лютцене, что в Саксонии, опустился густой туман. И вот на гигантском тяжелом скакуне появил-

ся король Швеции, Густав Адольф, тоже огромный, грузный! Гийом, как сейчас, видит его; видит, как его руками, крючьями и пиками стаскивают с коня и толстый король тяжело падает к ногам врагов. Среди которых находился и он, Гийом, немецкий наемник императорских армий. Армий, в тот день разгромленных, невзирая на пленение и смерть короля, пришедшего с севера.

Слишком толстый или нет, Густав Адольф оставил о себе память в истории, его запомнили блистательным стратегом и великим завоевателем. Никто не мог забыть и тех страшных вояк, из которых состояла его армия. Сражаясь с империей, они дошли до самой Лотарингии, до Франции, по пути сжигая деревни, убивая крестьян, вспарывая животы женщинам и детям. До сих пор в тех краях помнят их мощные фигуры с длинными пиками в руках. Такие пики, как у шведов, были и у швейцарцев.

С ними же сражался и ландскнехт Гийом под командованием великого генерала, барона Франсуа де Мерси, состоявшего на службе у курфюрста Баварии.

В этих сражениях участвовали и другие великие французские генералы: господин де Тюренн и герцог Энгиенский, который под Рокруа впервые обратил в бегство испанские терции¹.

— Нёрдлинген!

Еще одно поражение. Это стало частью профессии Гийома. Солдат, который хорошо сражался и вышел живым из всех заварух, может сказать о себе, что он выиграл.

Но на следующий день после битвы барон де Мерси скончался от ран.

Это был знак для уставших от сражений наемников, и многие из них дезертировали, направившись на запад. К самому краю Европы, охваченной войной, к краю света, туда, где начиналось волнуемое море, неизведанный океан.

Они шли на запад. Немецкая речь постепенно сменялась французской. Дезертирам открывались зеленющие поля, которые очаровывали суровых вояк.

¹ Терции — боевое построение испанской армии в XVI—XVII веках, представлявшее собой пикинёрскую фалангу. — *Примеч. пер.*

На западе и природа казалась ласковей, а времена года, в нескончаемом хороводе, сменяли друг друга не столь резко.

Маленькая Анжелика перечисляла времена года, загибая пальцы:

«Март, апрель, май. Весна — цветы. Июнь, июль, август. Лето. Собирают хлеба. Сентябрь, октябрь, ноябрь. Осень. Золото лесов, пора яблок и винограда, поспевших каштанов. Декабрь, январь, февраль. Зима, закутавшаяся в белую накидку, падающие градины, похожие на леденцы».

Пуату.

Старые теплые жилища. Рощи, леса, непроходимые болота, непроходимые лишь для тех, кто родился в иных краях. И дыхание моря.

Монтелу.

В нем-то и осел Лютцен.

Часть вторая
Ветер мира

Глава 6

*Благородные кузены дю Плесси-Бельер. —
Филипп. — Мелюзина утешает Анжелику*

После необыкновенного приключения, пережитого в логове колдуньи, Анжелика неожиданно стала более дисциплинированной. В ней проснулась тяга к учебе, к знаниям.

Теперь девочка чаще оставалась дома, чтобы послушать уроки, которые давала Пюльшери, учитывая возраст и пристрастия своих племянниц и племянников. Именно старая дева выучила Гонтрана читать.

Анжелика постоянно задавалась вопросом: может, в пещере Мелюзины она видела чудо? Небесную благодать, о которой так много твердили в церкви? Она решила, что в благодарность за чудо должна приложить максимум усилий и наконец-то порадовать свою любящую тетюшку.

Пюльшери не верила своим глазам, когда видела, что озорница чинно сидит за шитьем и вышиванием или корпит над письменным заданием. Пожилая дама начала надеяться и даже верить, что ее молитвы были услышаны. Пюльшери особенно радовалась тому, что ее прогнозы, касающиеся талантов ветреной племянницы, оказались столь точными. Анжелика прекрасно вышивала, и делала это, словно играючи. Правда, девочка оказалась не столь способной к шитью, но зато она шила ловко и быстро. Труднее всего Анжелике давалась неподвижность, необходимость оставаться на одном месте на протяжении долгих часов. Любой шум, доносившийся с улицы, заставлял ее вскакивать и подбегать к окну. Двор замка представлялся девочке

театральными подмостками, на которых каждый день, а порой и каждый час разыгрывались любопытнейшие спектакли.

Однажды, когда Анжелика любовалась накрапывающим за окном дождем, она с изумлением увидела кавалькаду всадников и вереницу трясущихся на ухабах карет, которые въезжали на раскисшую от грязи дорогу, ведущую к подъемному мосту. Процессию возглавляли лакеи в великолепных ливреях с желтой отделкой, за ними следовали роскошные экипажи и повозка, должно быть, заполненная багажом, горничными и слугами. Форейторы¹ уже спрыгивали с лошадей, чтобы провести упряжку через узкий проход. Лакеи, едущие на запятках первой кареты, ловко соскочили на землю и открыли дверцы, на лаковой поверхности которых красовался красный с золотом герб.

Анжелика, словно лань, взлетела по башенной лестнице и выскочила на площадку, чтобы полюбоваться, как некий сиятельный сеньор спотыкается о камни двора, перепачканные навозом. Неожиданно его широкополая шляпа с плюмажем упала на землю, и на спину лакея обрушились удары массивной трости, сопровождавшиеся потоком брани.

Прыгая с камня на камень, стараясь ступать лишь на носки сапог, сеньор добрался наконец до просторного вестибюля замка, где его уже ждали Анжелика и ее младшие братья и сестры.

За ним следовал столь же изысканно одетый подросток лет пятнадцати.

— Святой Дени, где мой кузен? — проворчал приезжий, недовольно оглядываясь.

Тут он заметил Анжелику и воскликнул:

— Клянусь святым Иларием, да вы точная копия моей кузины де Сансе, именно такой я запомнил ее, когда она выходила замуж в Пуатье. Вы позволите вашему старому дядюшке поцеловать вас, крошка?

Гость подхватил девочку на руки и расцеловал ее со всей возможной сердечностью. Оказавшись на земле, Анжелика дважды чихнула, настолько сильным был аромат духов, пропитавших одежду сеньора.

¹ Форейтор — верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом. — *Примеч. пер.*

Анжелика вытерла кончик носа рукавом и мельком подумала о Пюльшери, которая бы не преминула отчитать племянницу за дурные манеры, но сама Анжелика даже не покраснела, потому что ничего не знала о стыде или смущении. Она самым любезным образом присела в реверансе перед неожиданным гостем, в котором узнала маркиза дю Плесси-Бельера. Затем Анжелика направилась к юному кузену Филиппу, чтобы в свою очередь поцеловать его.

Подросток отступил на шаг и бросил испуганный взгляд на маркиза.

— Мой отец, я обязан целовать эту... хм... эту молодую особу?

— Конечно, молокосос, воспользуйся случаем, пока еще не поздно! — воскликнул благородный сеньор и расхохотался.

Подросток осторожно коснулся губами округлой щеки Анжелики и тут же извлек из недр своего камзола расшитый надушенный платок и помахал им у лица, словно отгоняя мух.

Прибежал, до колен перепачканный в грязи, барон Арман.

— Маркиз, какая неожиданность! Почему вы не послали гонца, чтобы предупредить меня о вашем прибытии?

— По правде говоря, кузен, я намеревался напрямик проследовать в мой дом в Плесси, но произошла неприятность: близ Нёшо у нашей кареты треснула ось. Мы потеряли много времени. На дворе почти ночь, а мы совсем продрогли. Проезжая мимо вашей усадьбы, я подумал, что без лишних церемоний могу просить вас о гостеприимстве. В комнаты, на которые вы укажете, слуги сразу доставят наши постели и наш гардероб. А мы тем временем сможем поболтать в свое удовольствие. Филипп, поприветствуйте нашего кузена де Сансе и прелестное воинство его наследников.

Услышав, что к нему обращаются, красивый юноша с обреченным видом сделал шаг вперед и склонил свою златокудрую голову в несколько преувеличенном поклоне, если учитывать простоватый, деревенский вид тех, кому этот поклон предназначался. Затем подросток послушно расцеловал пухлые, грязные щеки своих юных родственников. После чего Филипп снова вытащил кружевной платок и с высокомерной миной поднес его к лицу.

— Мой сын перенял все придворные манеры, он не привык к деревенской жизни, — заявил маркиз. — Только и умеет, что перебирать

гитарные струны. Я определил его в пажу к монсеньору де Мазарини, но опасаясь, как бы он не пристрастился к любви на итальянский манер. Вам не кажется, что он и без того похож на хорошенькую девицу?.. Вы знаете, что такое любовь на итальянский манер?

— Нет, — наивно ответил барон.

— Когда-нибудь я расскажу вам об этом, только этот рассказ не предназначен для невинных ушек. Но мы умираем от холода здесь в вестибюле, дорогой мой. Могу ли я поприветствовать мою престелную кузину?..

Барон сообщил, что, скорее всего, дамы, завидев экипажи, отправились в свои покои, чтобы соответствующим образом принарядиться, но его отец, старый барон, будет счастлив видеть родственника. От Анжелики не ускользнул презрительный взгляд, которым ее столичный кузен обвел обветшавший темный зал. У Филиппа дю Плесси были удивительные, очень светлые голубые глаза, отливавшие стальным холодом. Тот же презрительный взгляд скользнул по выцветшим гобеленам, по камину, в котором едва теплился огонь, и на секунду задержался на старом деде Анжелики и на его вышедшем из моды воротнике. Затем подросток повернулся к дверям, и его светлые брови удивленно изогнулись, а на губах появилась насмешливая полуулыбка.

В комнату в сопровождении Органс и обеих тетюшек вошла мадам де Сансе. Конечно же, они надели свои наилучшие наряды, но, должно быть, их платья показались подростку донельзя смешными, потому что он принялся фыркать в платок.

Анжелика, не спускавшая с Филиппа глаз, почувствовала непреодолимое желание вцепиться зазнайке ногтями в лицо. Разве сам он не выглядит смешным со своими кружевами, лентами, струящимися по плечам, широкими рукавами камзола, прорезанными вплоть до подмышек, так что можно разглядеть тонкую ткань нижней рубашки?

Его отец, много любезнее в обращении, склонился пред дамами в глубоком поклоне, подметая прекрасными перьями шляпы плиточный пол.

— Кузина, извините меня за мой скромный наряд. Я прибыл к вам, чтобы просить ночлега на одну ночь. Позвольте представить вам шеваляе Филиппа. Он сильно вырос с тех пор, как вы видели его в последний раз, но, увы, не слишком поумнел. Я намереваюсь

купить ему чин полковника в надежде, что армия и битвы пойдут мальчику на пользу. В наши дни придворные пажи не знают, что такое дисциплина.

Вдруг маркиз отступил на несколько шагов, восторженно всплеснул руками, и дети в первый — а может, и в последний — раз в жизни увидели, что кто-то смотрит на их мать с искренним восхищением.

Потому что именно так смотрел гость на баронессу де Сансе.

— Дорогая кузина, я с несказанной радостью люблюсь бесподобным цветом ваших глаз, напоминающим чистую прозрачную морскую воду, чем отличаются все члены вашей семьи. Истинная правда! Ведь Люзиньян расположен совсем неподалеку, и именно там прародительница прославленных принцев, бывших королями Кипра¹ и Иерусалима², фея Мелюзина, сочеталась браком с Раймоном де Форезом, первым пуатевинским сеньором Люзиньяна, и приказала возвести самый прекрасный из своих замков. Помнится, семья Майерэ, к которой вы принадлежите, всегда гордилась тем, что является одной из ветвей этой великой фамилии и что они могут называть себя потомками знаменитой феи...

Маркиз повернулся к Анжелике:

— Кажется, лишь одна из ваших дочерей унаследовала этот удивительный цвет глаз.

— Только более сияющий, ведь ее глаза озаряет блеск молодости, — ответила баронесса, которая была женщиной умной, получившей светское воспитание и сохранившей навыки куртуазной беседы, то есть умение отвечать на любое высказывание, каким бы нелепым оно ни казалось.

Обычно бледные, щеки мадам де Сансе окрасились нежным румянцем.

— Кузина, вы слишком скромны.

— Кузен, вы, как всегда, слишком любезны.

¹ Кипрское королевство — государство крестоносцев, созданное во время Третьего крестового похода на Кипре. Просуществовало до 1489 года. — *Примеч. ред.*

² Иерусалимское королевство — христианское королевство, возникшее в Леванте в 1099 году, после завершения Первого крестового похода. Уничтожено в 1291 году с падением Акры. — *Примеч. ред.*

— Отец, — вмешался в разговор юный Филипп, который от неожиданности начал заикаться, — отец, вы хотите сказать, что прабабка этих людей... ФЕЯ?

— Ну да! Так что гордитесь знакомством. Давным-давно, во тьме веков Мелюзина вышла замуж за Раймондена де Фореза, и они стали основателями не только дома Люзиньянов, но также дома Люксембургов, и королей Богемии...

Филипп вытаращил голубые глаза.

— Но это смешно...

— Не напускайте на себя такой серьезный вид, мальчик мой. Сразу видно, что вы родом не из этой провинции, тогда вы не были бы столь гаупы. Ваша мать совершила большую ошибку, вскормив вас молоком Парижа. Это молоко туманит мозги, как случилось с чернью, которая строит баррикады, чтобы защитить парламент...

Кто-то воскликнул:

— Баррикады?!

— Ну да! Сейчас я объясню вам, как это делается. Вы берете все пустые бочки, какие только найдете, наполняете их землей или навозом, катите по камням и располагаете поперек улиц. Вот что такое баррикады... теперь по столице просто невозможно передвигаться, в ней хозяйничают мятежные парижане.

В комнате повисло молчание. Никто не знал, как воспринимать подобную новость. Радушная тетя Пюльшери, всегда внимательная к гостям, предложила:

— Быть может, вы хотите выпить? Вам пикет¹ или простоквашу? Видно, что вы прибыли издалека.

— Спасибо. Мы бы охотно выпили вина, разбавленного свежей водой.

— Вина в доме нет, — сказал барон Арман, — но сейчас мы пошлем за ним к кюре.

Маркиз сел и, поигрывая тростью эбенового дерева, перехваченной атласным бантом, начал рассказывать, что они едут из Сен-Жермена, что дороги превратились в клоаки, и еще раз принес извинения за свой скромный туалет.

¹ Вино из виноградных выжимок. — *Примеч. пер.*

«А как бы они выглядели, если бы разделись еще пышнее?» — подумала Анжелика.

Дедушка, которому надоели разговоры об одежде, дотронулся кончиком трости до отворота на сапоге гостя.

— Вот смотрю я на кружева на отворотах ваших сапог, на воротнике и понимаю, что эдикт, изданный в 1633 году монсеньором кардиналом де Ришелье, запрещающий всякие побрякушки, давно позабыт.

— П-ф-ф! — вздохнул маркиз. — Пока еще не совсем. Регентша бедна и строга. Тех, кто тратит деньги на наряды, немного, нам приходится разоряться, чтобы привнести немного блеска в чопорность королевского двора. Конечно, у господина Мазарини безупречный вкус, но ему нужно носить сутану. Хотя его пальцы унизаны перстнями с бриллиантами, при виде бантов и лент на камзолах принцев кардинал приходит в бешенство, как и его предшественник. Кружева на отворотах сапог, да...

Маркиз скрестил ноги перед собой и принялся разглядывать их так же внимательно, как барон разглядывал своих мулов.

— Полагаю, что мода на кружева на сапогах скоро пройдет, — наконец заявил он. — Некоторые молодые сеньоры уже носят сапоги с такими огромными отворотами, что они больше похожи на поля шляп. Чтобы не замять их, мужчины ходят, широко расставив ноги, будто страдают неприличной болезнью. Когда какое-нибудь модное веяние доходит до абсурда, оно исчезает само собой. Вы согласны со мной, милейшая кузина? — поинтересовался маркиз дю Плесси-Бельер, на сей раз обращаясь к Ортанс.

Юная особа ответила с дерзостью и прямоотой, чего никто не ожидал от этой худой стрекозы.

— О, дядюшка, я полагаю, что мода, пока она не исчезла, всегда права. Что же касается деталей, то мне трудно рассуждать о них, потому что я никогда не видела сапог, подобных вашим. Разумеется, вы много современнее наших родителей.

— Мадемуазель, я поздравляю себя с тем, что удаленность вашей провинции не помешала вам отточить свой ум и шагать в ногу со временем, особенно в том, что касается этикета. Но коли вы сочли меня современным, то знайте, что в мое время девушка не могла

первой сказать комплимент мужчине. А вот новое поколение полагает подобное поведение нормой... и, наверное, это неплохо, даже хорошо. Как ваше имя?

— Ортанс.

— Ортанс, вам следует приехать в Париж и посетить те модные салоны, в которых собираются наши ученые дамы и «жеманницы». Филипп, сын мой, остерегайтесь: возможно, во время пребывания в наших землях в Пуату вам предстоит столкнуться с сильным противником.

— Клянусь шпагой Беарнца¹! — воскликнул старый барон. — Я недурно знаю латынь, немного говорю на английском, с грехом пополам изъясняюсь на немецком и, конечно же, досконально изучил родной язык — французский, но вынужден признаться, маркиз, что не понял ни слова из того, что вы сейчас сказали нашим дамам.

— Зато дамы поняли, и это — главное, когда рассуждаешь о кружевах, — весело заметил маркиз. — А моя обувь? Что вы думаете о ней?

— Почему она такая длинная и у нее квадратные носы? — спросила Мадлон.

— Почему? Этого никто не знает, моя маленькая племянница, но таков последний крик моды. И моды весьма полезной! Не так давно месье де Рошфор, воспользовавшись тем, что месье де Конде увлекся собственным красноречием, вколотил по гвоздю в каждый носок сапога последнего. И когда принц попробовал сдвинуться с места, оказалось, что он прибит к полу. Только представьте: если бы носы сапог не были столь длинными, гвозди пробили бы принцу ступни.

— Обувь придумана не для того, чтобы доставлять удовольствие людям, которые вбивают гвозди в ноги своих ближних, — проворчал дедушка Анжелики. — Все это глупости.

— А вы знаете, что король в Сен-Жермене²? — поинтересовался маркиз.

¹ Беарнец — прозвище Генриха IV. — *Примеч. пер.*

² Сен-Жермен-ан-Лэ — город на Сене в 19 км к западу от Парижа, где до строительства Версаля находилась королевская резиденция. — *Примеч. ред.*

— Нет, — ответил Арман де Сансе. — А что тут необычного?

— Но дорогой мой, он там из-за Фронды!

Эта пустая болтовня развлекала дам и детей, но оба помещика-барона, привыкших к неспешным деревенским беседам, прикидывали про себя, уж не насмеяется ли над ними их велеречивый столичный родственник.

— Фронда¹? Рогатка? Детские забавы.

— Детские забавы?! Вы сильно заблуждаетесь, кузен. То, что мы, придворные, называем Фрондой, это просто-напросто бунт Парижского парламента против короля. Вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное? Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как эти господа в четырехугольных шапочках сцепились с регентшей и ее итальянцем, с кардиналом... Речь о налогах, нисколько не затрагивающих интересы членов парламента. Но они возомнили себя народными защитниками. Одна ремонстрация² сменяет другую. Королева-мать начинает терять самообладание. Надеюсь, вы слышали хотя бы о волнениях в августе прошлого года?

— Немного.

— Все началось с ареста парламентария Брюсселя. Регентша приказала арестовать его именно в тот момент, когда он принимал утренние лекарства. На крики служанки сбежалась вся окрестная чернь. Тогда Комменж, полковник королевской гвардии, не стал ждать, пока арестованный оденется, вытащил его из дома прямо в халате и повез по Парижу, постоянно меняя кареты. Так, пусть и не без труда, ему удалось осуществить это «похищение» и выполнить приказ королевы-матери. Позже полковник конфиденциально рассказал мне, что эта сумасшедшая скачка сквозь толпы мятежников даже позабыла его, как будто шло похищение привлекательной девицы, а не заплаканного старика, который никак не мог понять, что происходит. Как бы то ни было, обманутая в своих ожиданиях чернь тут же

¹ Фронда (от фр. *fronde* — праща или рогатка) — название ряда противоправительственных выступлений, имевших место во Франции в 1648—1652 гг. — *Примеч. ред.*

² Ремонстрация — право парламентского отказа от регистрации королевских актов, не соответствующих, по их мнению, праву и обычаям или законам страны. — *Примеч. пер.*

принялась сооружать баррикады. Как я уже говорил, это любимая забава парижан, посредством которой они выражают свой гнев.

— А королева и маленький король? — с беспокойством в голосе спросила тетушка Пюльшери, всегда отличавшаяся сентиментальностью.

— Что сказать? Сначала регентша встретила господ из парламента весьма высокомерно, но затем уступила. Так они ссорились и мирились тысячу раз. Тем не менее, поверьте, в последние месяцы Париж стал напоминать раскаленный котел, в котором кипят нешуточные страсти. Конечно, столица — приятный город, но в ее недрах сокрыто бесчисленное множество нищих и бандитов, от которых можно избавиться лишь одним способом: сжечь, словно опасных паразитов. Это же относится к памфлетистам и голодранцам-поэтам, чьи перья жалят сильнее, чем пчелы. Париж наводнен пасквилями, написанными как в стихах, так и в прозе, и каждый из этих пасквилей призывает: «Долой Мазарини! Долой Мазарини!» Такие листы с воззваниями даже начали называть «мазаринадами». Королева обнаруживает их прямо в собственной постели! Эти с виду невинные бумаженции заставляют регентшу страдать бессонницей и портят ей цвет лица.

Коротко говоря, дело приняло трагический оборот. Прозорливые господа из парламента давно опасались, как бы королева-мать не увезла маленького короля за пределы Парижа, и потому всей толпой являлись к ней по три раза за вечер, якобы просто для того, чтобы полюбоваться прелестным ребенком, но на самом деле они желали убедиться, что Его Величество не исчез из дворца. Но испанка и итальянец оказались хитрее. На Богоявление мы, как обычно, пировали при дворе, радостно пили вино и без всяких задних мыслей уплетали традиционный праздничный пирог. А к середине ночи, когда я с несколькими друзьями намеревался отправиться в ближайший трактир, мне приказали собрать моих людей, подготовить экипажи и следовать к одним из ворот Парижа. Оттуда — в Сен-Жермен. Прибыв на место, я обнаружил королеву и двоих ее сыновей, а также придворных дам и пажей, — в общем, весь высший свет Франции, который спал на соломе в старом замке, продуваемом сквозняками. Затем неожиданно появился монсеньор Мазарини.

Королевские армии во главе с принцем Конде¹ осадили Париж. Парламент, заседавший в столице, продолжает размахивать стягом восстания, но он весьма обеспокоен. Парижский коадьютор, принц Гонди, мечтающий занять место Мазарини, присоединился к бунтовщикам. Я же последовал за месье де Конде.

— Этим вы меня утешили, — вздохнул старый барон. — Со времен Генриха IV я не слышал о подобных беспорядках. Парламентарии, мятежные принцы, поднявшиеся против самого короля Франции, — вот к чему приводит влияние пагубных идей, что доносятся к нам из-за Ла-Манша. Разве мы не знаем, что английский парламент тоже поднял знамя восстания и даже посмел заключить короля в тюрьму?

— Они посмели даже отправить его на плаху. Его Величество Карл I казнен в Лондоне в прошлом месяце².

— Какой ужас! — воскликнули хором ошеломленные присутствующие.

— Как вы понимаете, эта новость всколыхнула весь французский королевский двор, где ныне обретается убитая горем вдова короля Англии со своими двумя детьми. Потому-то и было решено не идти ни на какие уступки, а проявить максимум твердости и суровости по отношению к Парижу. Меня назначили помощником месье де Сен-Мора и послали в Пуату собрать армию. Я буду чертовски удивлен, если мне не удастся завербовать на моих и на ваших землях, дорогой кузен, достаточно людей, чтобы сформировать полк для моего сына. Отправьте всех ленивых и неугодных вам крестьян к моему сержанту, барон. Мы сделаем из них драгунов.

— Неужели опять война? — тихо вымолвил барон Арман. — А я так надеялся, что все успокоилось, что мы вздохнем спокойно. Разве этой осенью власти не подписали Вестфальский договор,

¹ Людовик де Бурбон, принц де Конде (1621—1686) — выдающийся французский полководец, начал свою военную карьеру во время Тридцатилетней войны, победитель в битве при Рокруа (1643), позднее — один из вождей «Фронды принцев». После поражения Фронды воевал на стороне Испании, служил королю Испании Филиппу IV. Впоследствии получил прощение и вернулся во Францию. Остался в истории под именем Великого Конде. — *Примеч. ред.*

² 30 января 1649 года. — *Примеч. ред.*

закрепивший поражение Австрии и Германской империи?.. Мы надеялись, что наконец передохнем от сражений. Притом нашей провинции почти не на что жаловаться, не то что крестьянам Пикардии и Фландрии, где все еще хозяйничают испанцы, и вот уже тридцать лет...

— Они привыкли, — легко отмахнулся маркиз. — Дорогой мой, война — неизбежное зло, и вы высказываете почти еретические мысли, когда требуете мира, в котором Господь Бог отказал нам, несчастным грешникам. Главное — оказаться на стороне тех, кто эту войну развязал, а не тех, на кого напали. Что до меня, то я всегда выбираю нужную сторону, положение мне это позволяет. Неприятное заключается лишь в том, что моя супруга осталась в Париже, то есть прикнула к иному лагерю, к парламенту. Впрочем, я не думаю, чтобы она завела себе любовника среди этих серьезных и заумных представителей власти, которым явно недостает лоска. Но только вообразите, до чего современные дамы обожают участвовать в заговорах, а Фронда их просто приводит в восторг. Они объединились вокруг дочери¹ Гастона Орлеанского², брата короля Людовика XIII. Эти женщины носят голубые шарфы вместо перевязи и даже маленькие шпаги с кружевными портупьями. Конечно, все это очень красиво, но меня не покидает тревога за маркизу...

— Она подвергается такому риску, у нее могут быть неприятности, — простионала Пюльшери.

— Нет. Я нахожу ее взбалмошной, но весьма осторожной. Меня тревожит иное: неприятности могут быть у меня, а вот это уже плохо. Вы меня понимаете? Подобные расставания весьма печальны для супруга, который не желает ни с кем делиться. Если говорить обо мне...

Маркиз дю Плесси закашлялся, так как конюх, по случаю приезда гостей произведенный в камердинеры, подобросил в камин огром-

¹ Анна Мария Луиза Орлеанская (1627—1693) — французская принцесса королевской крови, герцогиня де Монпансье. Внучка Генриха IV, дочь Гастона Орлеанского, племянница Людовика XIII. Также известна как Великая Мадемуазель. Активная участница Фронды, автор известных «Мемуаров». — *Примеч. ред.*

² Гастон Орлеанский (1607/8—1660) — брат Людовика XIII, дядя Людовика XIV. До рождения племянника считался прямым наследником французского трона. — *Примеч. ред.*

ную охапку сырой соломы. В клубах дыма, окутавшего зал, некоторое время раздавался лишь надрывный кашель.

— Черт подери, кузен, — воскликнул маркиз, когда к нему вернулась способность говорить, — теперь я понимаю, почему вы так хотите спокойно вздохнуть. Ваш дурень слуга заслуживает хорошей взбучки.

Маркиз так весело и легко воспринимал окружающее, что Анжелика сочла его весьма милым, невзирая на все высокомерие. Болтовня дяди увлекла девочку. Казалось, что старый замок, скованный сном, пробуждался и открывал свои тяжелые двери в другой мир — мир, полный жизни. К тому же маркиз верил, что фея Мелюзина была прародительницей их семьи, и когда он говорил о Раймоне де Форезе, беспечном супруге пресловутой феи, называл его фамильярно Раймонден, как говорили только пугачи.

Между тем сын маркиза все больше мрачнел. Сидя на жестком стуле, — светлые локоны аккуратно разложены на широком кружеве воротника — он бросал испуганные взгляды на небрежно одетых Жослена и Гонтрана, которые, радуясь произведенному эффекту, намеренно вели себя вызывающе: ковыряли в носу и чесали головы. Их выходки, как это ни странно, огорчали Анжелику, и ее едва не тошнило. Впрочем, в последнее время девочка постоянно ходила печальной, страдая от болей в животе, и Пюльшери даже запретила ей грызть любимое лакомство — сырую морковь. Вот и в тот вечер, несмотря на массу впечатлений, связанных с появлением необыкновенных визитеров, Анжелике казалось, что она заболела. При каждом взгляде на кузена Филиппа дю Плесси у нее перехватывало горло, и она не могла понять, происходит ли это от отвращения или от восхищения. Еще никогда Анжелика не видела такого красивого подростка.

Его волосы, словно шелковая бахрома ниспадавшие на лоб, сверкали золотом, и по сравнению с ними собственные кудри казались девочке коричневыми, тусклыми. Черты лица Филиппа были безукоризненны. Костюм из тонкого серого сукна, украшенный кружевами и голубыми лентами, эффектно оттенял нежное бело-розовое лицо. Красивого юношу легко можно было принять за девицу, если бы не жесткость во взгляде, в которой не было ничего женственного.

— Итак, на чем мы остановились... — продолжил маркиз, когда клубы дыма потихоньку рассеялись. — Ах да! Я рассказывал вам об этих безумных особах, увлекших мою жену во Фронду. Герцогиня де Монбазон, герцогиня де Шеврэз¹, мадам Буйонская, принцесса Конде, супруга принца Людовика II, герцогиня де Лонгвиль², ее сестра... но на самом деле все это случилось из-за принца Марсийака.

— Наместника Пуату?

— Это уже в прошлом... Так как принц Марсийак, герцог де Ларошфуко³, решил...

— Осторожнее, — прервал собеседника педантичный старый барон, — герцог де Ларошфуко! Пока он еще не получил этот титул. Его отец — кстати, мой сверстник, — насколько я знаю, еще ходит по бренной земле.

— Да! И в этом-то все несчастье. Марсийак постоянно обретается при королевском дворе и оказал не одну услугу регентше, и вот он решил просить «табурет» для своей супруги. Вы знаете, что это значит? Получив «табурет», придворная дама может сидеть в присутствии королевы. Обычно подобной чести удостоиваются лишь герцогини, и герцогу де Марсийаку, который на самом деле таковым не является, в этой милости было отказано. Какое унижение! Ведь кардинал Мазарини, которого, как вы знаете, любит королева, добился права на «табурет» для шестерых придворных дам, не

¹ Речь идет, скорее всего, о Марии Эме де Роган-Монбазон. Ее вторым мужем был Клод Лотарингский, герцог де Шеврэз. Герцогиня принимала участие в нескольких заговорах, в том числе в заговоре с целью посадить на престол Гастона Орлеанского. — *Примеч. ред.*

² Лонгвиль, Анна Женьевьева, герцогиня де Бурбон-Конде, герцогиня, жена герцога Генриха II де Лонгвиля, дочь принца Генриха II Конде, активная участница Фронды. — *Примеч. ред.*

³ Франсуа VI де Ларошфуко (1613—1680) — французский писатель и политический деятель, наместник Пуату. Принц Марсийак, герцог де Ларошфуко и пэр Франции, происходил из древнего и знатного рода, был известен как самый ученый человек в Париже. Убежденный противник политики Ришельё, из-за своих политических взглядов неоднократно находился в ссылке в своем поместье и даже попадал в Бастилию, позже под началом Конде участвовал в «парламентской Фронде» и «Фронде принцев». — *Примеч. ред.*

носящих титула герцогинь... А теперь скажите, разве можно пережить подобное оскорбление и не взбунтоваться?

— Конечно, нет, — хором воскликнули дамы.

— Вот и Марсийак не пережил. Он присоединился к парижской Фронде и отдал свою шпагу парламенту. Втянув в мятеж — или все-таки это она его втянула, тут их сам черт не разберет, — свою любовницу, герцогиню де Лонгвиль, сестру принца Конде...

Маркиз дю Плесси прервался, словно увлекся каким-то видением, возникшим между стеной и потолком, а в это время его слушатели переваривали информацию и думали о том, что месье де Марсийак избрал весьма любопытный способ отомстить за честь своей жены...

— Его любовница... — с восторгом повторил маркиз. — Что о ней сказать? Анна Женевьева де Конде, герцогиня Лонгвиль... Она само совершенство! Золотистые волосы, словно нимб, окружают лицо. Кожа нежная и розоватая, как перламутр, легкая походка, томность жестов — порой кажется, что она лишится чувств прямо на ваших руках или у вас на глазах...

Маркиз экзальтированно размахивал руками, и его бриллиантовые кольца сверкали во мраке гостиной.

— Глаза... словно бирюза, да, именно так. Бирюза. Она кажется ангелом, такая возвышенная, нежная, однако... Вы — изумруд, — неожиданно уточнил дю Плесси, повернувшись к баронессе, — а она — бирюза!

Затем придворный продолжил:

— Анна Женевьева де Конде, герцогиня Лонгвиль... А рядом мужчины: Бофор¹, маршал де Ламот²... Что я об этом знаю?

— Но, — осмелилась перебить Пюльшери, которая честно пыталась разобраться в этих сложных амурных связях, — эта прекрас-

¹ Франсуа де Бурбон-Вандом, 2-й герцог де Бофор (1616—1669) — внук короля Генриха IV Великого по боковой линии. Видный участник Фронды, позже погиб в одном из морских боев на Средиземноморье в чине адмирала. — *Примеч. ред.*

² Ламот-Уданкур, Филипп, граф де, герцог де Кардон (1605—1657) — маршал, военачальник, участник Фронды, впоследствии перешел на сторону Мазарини. — *Примеч. ред.*

ная особа, подруга... месье де Марсийака, она ведь принцесса крови, следовательно, состоит в родстве с королевской семьей?

— Да, причем не по одной линии, потому что Лонгвили — тоже принцы крови.

Казалось, дю Плесси старательно перелистывает страницы своей памяти.

— Они — потомки Жана Орлеанского, почившего в 1418 году. Все его наследники занимали очень высокие должности при дворе, выигрывали сражения и получили право зваться герцогами. А Карл IX признал Леонора де Лонгвиля¹ принцем крови... Все женщины этой семьи наделены небывалой отвагой!.. Из последних новостей, пришедших из столицы, я узнал следующее: сразу по приезде в Париж мадам де Лонгвиль и мадам Буйонская направились в ратушу, чтобы оттуда руководить восстанием. Гревскую площадь заполонила чернь, которая вопила от восторга и восхищения. Городские советники сначала отказались подчиняться женщинам. Но отважные красавицы уже устроились в ратуше. Старую комнату, предоставленную в их распоряжение, за несколько часов они превратили в изысканный салон. Теперь там собираются дамы в парадных платьях и кавалеры в военной форме... поют скрипки. Через несколько дней прямо в ратуше принцесса произвела на свет сына, который, разумеется, является отпрыском нашего пуатевинца Марсийака. Город настойчиво требовал чести стать крестным родителем младенца, которого нарекли Шарлем-Парижем. Хотя Поль де Гонди, сеньор де Рец², ненавидит Ларошфуко и обхаживает герцогиню де Лонгвиль, он лично крестил мальчика. А герцог де Лонгвиль³, как всякий об-

¹ Леонор де Лонгвиль был женат на Марии де Эстувиль из рода Бурбонов, тете будущего короля Генриха IV. — *Примеч. ред.*

² Жан-Франсуа Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613—1679), архиепископ Парижский, выдающийся деятель Фронды, автор знаменитых мемуаров. — *Примеч. ред.*

³ Генрих II, герцог де Лонгвиль (1595—1663), принимал участие в междоусобицах в начале царствования Людовика XIII; около 1620 г. примирился с двором. Во время Фронды действовал под сильным влиянием своей жены, Анны Женевиевы Бурбон-Конде (1619—1679), сестры Великого Конде. — *Примеч. ред.*

разцовый муж, конечно же, ничего не подозревает. Он пожаловал малышу титул графа Сен-Поля, принадлежащий его семье. Все это так романтично!

— Все это непристойно! — заявил дедушка Анжелики.

В наступившей тишине послышалось громкое рыдание.

— Почему ты плачешь, Мадлон?

Анжелика поняла причину испуга младшей сестры.

— Потому, что вы упомянули имя сеньора Реца, который прослыл в нашем краю злокозненным бандитом.

— А! Понял. Речь идет совершенно о другом человеке, о коадьюторе парижского архиепископа. Он принадлежит к семье Гонди, но имеет некоторые права на Рец, прежде всего на пресловутый замок Тиффож. Хотя из него тоже получился превосходный бандит.

— Кoadьютор архиепископа! Бандит! — воскликнула Пюльшерри, ломая руки.

— Конечно. Он нисколько не стесняется заявлять, что эта должность испоганила всю его жизнь, потому что он никогда не желал служить церкви. Его вынудили принять сан, дабы упрочить положение дядюшки, архиепископа парижского, известного также как кардинал Рец. Этот последний, Франсуа де Гонди, тоже примкнул к мятежникам и теперь произносит восхитительные проповеди, так что его красноречие привлекает народ на сторону Фронды. Бедняки и чернь архиепископа любят, потому что он щедро раздает милостыню.

— А принц, который после смерти отца больше не является герцогом Энгиенским¹, — поинтересовался барон Арман, не желавший, чтобы о нем забыли, — принимает ли он участие в смуте?

— Конечно! Как я вам уже говорил, он не любит Мазарини, но все равно поддержал короля и отправился в Сен-Жермен вслед за двором ...

— Ах! Что вы говорите!

¹ После смерти отца к Людовику Бурбону как к старшему сыну перешел титул принца Конде.

— Конечно, он без труда мог бы разгромить армию, собранную членами парламента, несмотря на доблестного Тюренна¹, предложившего бунтовщикам свою шпагу. Но не стоит забывать, что младший брат бывшего герцога Энгийенского, принц Конти², решил «прильнуть» к фрондерам, и прежде всего к обольстительной сирене Анне Женеьеве де Конде, герцогине де Лонгвиль. Сможет ли мессир принц противостоять зову, доносящемуся из Парижа? Всем известно, что оба брата до беспамятства влюблены в свою сестру.

— О! — выдохнули шокированные дамы.

— А вы, кузен, — спросил барон Арман, — как поступите вы, если мессир принц присоединится к своему брату и сестре, засевшим в Париже? Вы тоже присоединитесь к Фронде?

— Очевидно, я последую за ним.

— Но это измена! — воскликнул дедушка.

Маркиз дю Плесси-Бельер принялся оправдываться с той искренностью и простодушием, которые свойственны людям, принесшим священные клятвы.

— Я не могу поступить иначе!.. Я состою в его свите.

— Измена! — возмущенно повторил старый барон и поднялся со своего места.

Почтенное собрание затихло, мнения собравшихся разделились; наслушавшись необыкновенных историй, кто-то испытывал возмущение, кто-то восторг, а кто-то хотел смеяться... или плакать, глядя на разгневанного старца, яростно колотящего тростью по полу.

¹ Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611—1675) — выдающийся французский военачальник, маршал Франции с 1643 г., главный маршал Франции с 1660 г. Считается родоначальником маневренной стратегии. Начал военную службу в голландской армии, в 1630 г. перешел на французскую службу. Отличился в Тридцатилетней войне, в 1648—1651 гг. выступал на стороне Фронды, но в мае 1651 г. встал под знамена короля. — *Примеч. ред.*

² Арман де Бурбон, принц де Конти (1629—1666) — принц, брат Великого Конде. В свое время отказался от духовной карьеры и принимал активное участие в Фронде. Позднее примирился с двором и женился на одной из племянниц Мазарини. — *Примеч. ред.*

Будучи гостеприимной хозяйкой, баронесса решила любимыми способами избежать скандала и объявила, что пора перейти к столу и отужинать.

Арман тут же вскочил и предложил отцу руку. Маркиз, в свою очередь, предложил руку баронессе, и они возглавили шествие. Филипп, бросив насмешливый взгляд на Анжелику, пригласил Ортанс, которая тут же надулась от гордости. Жослен схватил за запястье Анжелику, словно говоря: «Спокойно!» Остальные дети встали попарно и, держась за руки, двинулись за взрослыми. Процессию замыкал Раймон, своей серьезностью напоминая семейного капеллана.

Таким образом все добрались до столовой, где каждый занял место за столом. Подобное соблюдение этикета несколько успокоило разгневанного дедушку Анжелики. Никто не сердился на маркиза, чье хорошее настроение ни на секунду не изменилось. Дю Плесси по-прежнему был расположен веселиться.

В отличие от отца, сын все больше и больше хмурился, продолжая настороженно оглядываться. Из-за него и сам вечер, и ужин превратились для Анжелики в пытку. Подросток встречал насмешливой улыбкой или косым взглядом каждую оплошность слуг, каждый неловкий жест хозяев.

Жан-Кираса, исполнявший обязанности мажордома, подавал блюда, перекинув салфетку через плечо. Маркиз расхохотался и заявил, что такая манера носить салфетку уместна лишь за столом самого короля и принцев крови и что, конечно, ему льстит оказанная честь, но он готов довольствоваться более простым способом подачи еды, когда салфетка лишь закрывает предплечье слуги. Преисполненный рвения конюх попробовал обмотать засаленную салфетку вокруг своей волосатой руки, но сделал это так неловко и так тяжело вздыхал, что лишь удвоил веселье маркиза, к которому вскоре присоединился и его сын.

— Вот человек, из которого получится скорее драгун, чем ливрейный лакей, — сказал маркиз, глядя на Жана-Кирасу. — Что ты об этом думаешь, парень?

Смутившийся конюх ответил на вопрос медвежьим ворчанием, что не делало чести языку его матери. Скатерть только что достали из сырого буфета, и когда на нее ставили тарелки с горячим супом,

от полотна шел пар. Один из слуг от избытка усердия все время снимал нагар со свечей, и от этого они то и дело гасли.

Анжелика начинала злиться. Филипп взял реванш за фею Мелюзину, прабабку Люзиньянов, ведь, рассказывая о ней, отец назвал мальчика невеждой, не знающим традиций Пуату.

В довершение всех бед мальчишка, посланный к кюре за вином, вернулся с пустыми руками и, почесывая затылок, сказал, что кюре уехал на соседний хутор изгонять крыс, а его служанка Мари-Жанна наотрез отказалась дать даже самый завалиющий бочонок вина.

— Не стоит придавать внимания подобным мелочам, дорогая кузина, — куртуазно вмешался в разговор маркиз дю Плесси, — мы выпьем яблочного пикета, а если месье мой сын к нему не приучен, то пусть не пьет ничего. Но окажите любезность, растолкуйте фразу, которую я только что услышал. Я достаточно хорошо знаю местный диалект, неплохо болтал на нем в детстве и понял, о чем говорил юный селянин. Кюре уехал изгонять крыс?.. Что еще за история?

— Ничего удивительного, кузен. Действительно, жители соседнего хутора последнее время жалуются на нашествие крыс, пожирающих запасы зерна. Вот кюре и отправился туда со святой водой. Он прочитает молитвы, чтобы злые духи, вселившиеся в прожорливых зверьков, покинули их тела и крысы прекратили вредить людям.

Вельможный сеньор с изумлением уставился на Армана де Сансе, а затем откинулся на спинку стула и тихо рассмеялся.

— Впервые слышу о такой нелепости, придется писать мадам де Бофор. Выходит, чтобы уничтожить крысу, ее следует окропить святой водой?

— Не понимаю, над чем вы смеетесь, — удивился барон Арман. — Любое зло — творение злых духов, которые вселяются в живых существ, чтобы вредить людям. В прошлом году одно из моих полей захватили гусеницы. Я попросил их изгнать.

— И они ушли?

— Разумеется. Через два или три дня.

— Да на том поле им просто больше нечего было есть!

Мадам де Сансе, строго придерживавшаяся принципа, что женщине надлежит смиренно молчать, все же не удержалась, чтобы не

взять слово и не защитить свою веру, которая, как она заподозрила, подвергалась еретическим нападкам.

— Не вижу причины, кузен, по которой святые молитвы не могли бы повлиять на зловредных тварей. Разве, согласно Евангелию, сам Господь не заставил вселиться демонов в стадо свиней? Наш кюре полагает такие молитвы весьма полезными.

— И сколько же он испрашивает за экзорцизм?

— Он просит немного и всегда готов явиться по первому зову страждущих.

На сей раз Анжелика была неприятно поражена заговорщическим взглядом, которым обменялись маркиз дю Плесси и его сын. Казалось, они говорят друг другу: «Эти несчастные люди в самом деле беспредельно наивны».

— Необходимо рассказать монсеньору Венсану об этих деревенских обычаях, — бросил маркиз. — С беднягой случится удар, ведь он основал орден, чтобы разъяснить Евангелие сельскому духовенству. Его миссионерам покровительствует сам святой Лазарь. Поэтому их называют «лазаристами». Они ходят по деревням по трое, проповедуют и учат сельских кюре не начинать мессу с молитвы Господней¹ и не делить ложе со своими служанками. Достаточно неожиданное нововведение, но монсеньор Венсан сторонник реформы церкви, причем руками самой церкви.

— Вот слово, которого я не переносу! — воскликнул старый барон. — Реформа! Опять реформа! Кузен, в ваших словах звучит эхо гугенотских призывов. Опасаюсь, что от подобных разговоров всего один шаг до предательства короны. Что касается вашего монсеньора Венсана, какой бы властью он ни был облачен, из того, что я услышал о нем сейчас и слышал ранее, я понял, что в его учениях есть нечто еретическое и что Риму следует отнести к нему с недоверием.

— Тем не менее король Людовик XII перед смертью пожелал поставить его во главе Совета совести.

— Это еще что такое?

Легким движением пальцев маркиз дю Плесси взбил манжеты из тончайшего батиста.

¹ «Отче наш». — *Примеч. пер.*

— Как вам объяснить? Это грандиозная вещь. Совесть королевства. Монсеньор Венсан де Поль — совесть королевства, и это говорит само за себя. Почти каждый день он удостоивается аудиенции королевы, встречается со всеми принцами. При этом он прост в общении и отличается веселым нравом. Он искренне верит, что от нищеты можно избавиться, а сильные мира сего обязаны способствовать ее уничтожению.

— Утопия! — раздраженно прервала столичного гостя тетя Жанна. — Нищета сродни войне, о которой вы только что говорили. Это зло, которое Бог наслал на людей в наказание за первородный грех. Борьба против нищеты — все равно, что восставать против строгого божественного порядка!

— Монсеньор Венсан ответил бы вам, дорогая мадемуазель, что именно вы несете ответственность за то зло, что нас окружает. И без лишних слов отправил бы вас раздавать лекарства и продукты самым бедным из ваших земледельцев, заметив, что если вы находите их, по его выражению, слишком «грубыми и земными», то взгляните на это с другой стороны и вспомните лик страдающего Христа. Таким образом этот необыкновенный человек сумел завербовать в свое «воинство милосердия» почти всех важных персон королевства. Взгляните хоть на меня, — добавил маркиз, соорудив благочестивую гримасу, — когда я жил в Париже, мне случалось по два раза в неделю навещать в Центральную больницу, чтобы наливать и подавать суп страждущим.

— Вы не прекращаете удивлять меня! — с жаром воскликнул почтенный старец. — Решительно, современные дворяне уже не знают, что придумать, чтобы опозорить собственный герб. Я вынужден признать, что земля начала вращаться в другую сторону. Кто-то плодит священников, призванных проповедовать священникам, и надо быть самым настоящим распутником, почти вольнодумцем, чтобы заявиться и читать нотации такой честной и здоровой семье, как наша. Я больше не могу этого выносить!

Вновь потеряв контроль над собой, старик поднялся, и так как ужин закончился, все последовали его примеру. Чтобы добиться прощения, маркиз взял за руку старшего барона и начал перечислять причины, по которым его следует извинить.

Как бы то ни было, говорил он, но Фронда — та же война. Монсеньор Венсан вместе с королевским двором находится в Сен-Жермене, а принцы разъехались по провинциям, чтобы собрать армии, и просто не осталось людей, которых можно было бы заставить раздавать еду беднякам, хотя бедняки сейчас, как никогда, нуждаются в еде.

Все общество вернулось в большой зал.

Анжелика, которая за ужином не смогла проглотить ни кусочка, выскользнула из комнаты и направилась к своему «убежищу», располагавшемуся под винтовой лестницей башни. Здесь она могла спрятаться в темном закутке, у лестничной площадки с бойницами.

По какой-то необъяснимой причине она страшно замерзла и вся дрожала. Чувство блаженства и восторга, во многом порожденное занимательными рассказами маркиза — и прежде всего рассказами о Фронде, — прошло, возбуждение спало, лишив Анжелику сил. Но перед ее глазами продолжали мелькать самые удивительные картины: король, спящий на соломе, бунтующий парламент, вельможи, раздающие суп беднякам, Париж — поразительный мир, полный жизни и небывалого очарования. Рядом с этим миром страстей и волнений Анжелика сама себе показалась мертвой, заключенной в склеп. Ее мысли беспрестанно возвращались к Филиппу.

Завтра он уедет, оба сеньора обоснуются в Плесси, в их родовом имении, подготовленном к приезду хозяев, проветренном и прогретом челядью, вышколенной их верным управляющим месье Молином. Там, в замке из волшебной сказки, к которому ведет роскошная каштановая аллея, Филипп будет чувствовать себя дома. А потом он отправится в Париж — свежее испеченный полковник, гарцующий во главе полка — новой роскошной игрушки, подаренной родителями. Им будут восхищаться все «фрондерки», эти прекрасные и безумные амазонки, украшающие шляпы или корсаж платья цветами или сухими колосьями. Да, они встретят его овациями. И ему, и этим дамам в чудесных нарядах достанется вся слава. Филипп позволит этим дамам, словно стайке гигантских бабочек, окружить себя, позволит им порхать вокруг себя, водить хороводы до тех пор, пока голова не закужится...

Он будет жить среди них! Он пройдет сквозь все это... сквозь войну, славу, лесть.

Вдруг девочка вжалась в стену лестничной площадки. Кузен Филипп проследовал мимо, не заметив Анжелики. Она слышала, как он поднялся на следующий этаж и обратился к своим слугам, которые при свете нескольких подсвечников обустраивали спальни хозяев.

Голос подростка срывался от гнева.

— Неслыханно! Никто из вас даже не подумал расставить свечи на пути к спальне. Вы могли бы сообразить, что в этом медвежьем углу проживают дворяне, мало чем отличающиеся от собственных крестьян. Вы хотя бы нагрели мне воду для ванны?

Слуга что-то ответил, но Анжелика не расслышала произнесенной им фразы. И вновь раздался раздраженный голос Филиппа:

— Тем хуже. Я буду мыться в чане! К счастью, отец сказал мне, что у нас в Плесси есть две флорентийские купальни. Как мне не терпится оказаться там! У меня такое чувство, что я никогда не смогу отмыть запах, исходящий от всего этого семейства Плесси.

«Ну теперь он мне заплатит», — подумала Анжелика.

В свете фонаря, поставленного на перила, она увидела, как Филипп спускается по лестнице. Когда он оказался совсем близко, Маркиза Ангелов вышла из тени винтовой лестницы.

— Как вы осмелились столь оскорбительно отзываться о нас в присутствии лакеев? — спросила она звонким голосом, усиленным сводами замка. — Вы вообще не имеете представления о чести дворянина? Без сомнения, это потому, что вы происходите от королевского бастарда, в то время как наша кровь — чиста.

— Так же чиста, как ваша грязная кожа, — ледяным тоном ответил молодой человек.

Неожиданно Анжелика бросилась на обидчика, чтобы расцарапать ему лицо. Но подросток, уже обладавший мужской силой, схватил ее за запястья и отшвырнул к стене. После чего удалился, даже не ускорив шага.

Оглушенная Анжелика слышала, как неистово бьется ее сердце. Раннее неизведанное чувство — смесь стыда и отчаяния, перехватило ей горло. «Я его ненавижу, — подумала она, — и однажды я отомщу. Я добьюсь того, что он склонит передо мной голову, что он извинится».

Но сегодня она была лишь несчастной маленькой девочкой, прячущейся в тени старого сырого замка.

Скрипнула дверь, и Анжелика узнала старого Гийома, который нес для ванны молодого сеньора два ведра с горячей водой, над которой клубился густой пар. Бывший наемник заметил смутный силуэт и остановился.

— Кто здесь?

— Это я, — ответила Анжелика на немецком.

Когда она оставалась наедине со старым солдатом, то всегда переходила на язык, которому тот ее обучил.

— Что вы здесь делаете? — спросил Гийом на том же языке. — Тут холодно. Идите-ка лучше в зал слушать истории вашего дяди маркиза. Вы будете вспоминать их целый год.

— Я ненавижу этих людей, — мрачно ответила Анжелика, позабыв, сколь обрадовало ее изначально прибытие родственников и восхитили первые рассказы маркиза. — Они наглые, бесцеремонные и так отличаются от нас. Они разрушают все, до чего дотрагиваются, они уедут и оставят нас в одиночестве, с пустыми руками, а сами отправятся в свои прекрасные замки, переполненные великолепными вещами.

— Что с тобой, доченька? — тихо спросил старый Лютцен. — Неужели дух не смог воспарить над какими-то глупыми насмешками?

Анжелика чувствовала себя все хуже и хуже. Ее лоб и виски покрылись холодным потом.

— Гийом, вот ты никогда не бывал при дворах принцев и королей, ты мне скажи: когда встречаешь злого и трусливого человека, как нужно поступить?

— Станный вопрос для ребенка! Но уж коли вы мне его задали, скажу, что злодея надо убить, а труса заставить бежать.

После секундного размышления, снова взявшись за ведра, Гийом добавил:

— Но ваш кузен Филипп — не злой и не трусливый. Он всего лишь молод.

— И ты тоже, ты тоже его защищаешь, — пронзительно закричала Анжелика, — ты как все! Потому что он красив, потому что богат...

Она почувствовала горечь во рту, покачнулась, соскользнула вдоль стены и потеряла сознание.

* * *

Болезнь Анжелики объяснялась самыми естественными причинами.

Мадам де Сансе успокоила взволнованную дочь и предупредила ее, что отныне подобное недомогание будет повторяться каждый месяц до преклонного возраста.

— И каждый месяц я буду падать в обморок? — осведомилась Анжелика, удивленная тем, что раньше никогда не замечала так называемых «обязательных» обмороков у женщин из ее окружения.

— Нет, это всего лишь несчастный случай. Вы скоро поправитесь и быстро привыкнете к новому положению вещей.

— И все же! До преклонного возраста еще так далеко, — вздохнула девочка. — А когда я стану старой, у меня больше не будет времени, чтобы лазать по деревьям.

— Вы можете спокойно продолжать лазать по деревьям, — сказала мадам де Сансе, которая всегда выказывала небывалую чуткость в воспитании детей и которая, кажется, поняла переживания Анжелики. — Но, как вы сами это вскоре поймете, это прекрасный повод прекратить игры, которые не соответствуют ни вашему возрасту, ни дворянскому званию вашей семьи.

Мадам де Сансе также произнесла короткую речь о радостях материнства и о суровом наказании, возложенном на женщин Господом за ошибку нашей праматери Евы.

«Добавим это к нищете и войне», — вздохнула Анжелика. Вытянувшись под простынями, девочка слушала шелестящий на улице дождь и испытывала легкую грусть, беспричинное беспокойство, а также смутное сожаление, как будто бы она шла к долгожданной победе, а потерпела горькое поражение. Время от времени она думала о Филиппе и скрипела зубами от ярости.

«Я отомщу. Он за все ответит».

После обморока, уложенная в постель и окруженная заботами Пюльшери, Анжелика больше не видела ни маркиза, ни его сына.

Позже ей рассказали, что они не стали задерживаться в Монте-лу. Утром Филипп жаловался на блох, которые не давали ему спать всю ночь.

— А мое прошение королю, — робко спросил барон де Сансе, когда его знаменитый родственник уже садился в карету, — вы передали прошение Его Величеству?

— Мой бедный друг, прошение я передал, но не думаю, что вы можете рассчитывать хоть на что-нибудь; царственный ребенок много беднее вас, образно говоря, у него даже нет крыши над головой.

После чего маркиз несколько небрежно добавил:

— Мне говорили, что вы развлекаетесь, разводя великолепных мулов. Продайте мне несколько голов.

— Я подумаю над вашим предложением, — ответил Арман де Сансе, и в его голосе прозвучала неожиданная ирония. — В наши времена дворянину скорее пристало трудиться, нежели полагаться на великодушие равных.

— Трудиться! Фу-у! Какое гадкое слово, — сказал маркиз, кокетливо махнув рукой. — Тогда до свидания, дорогой кузен. Отправьте ваших сыновей в армию, а в полк моего сына — самых крепких ваших мужиков. Прощайте. Тысячу поцелуев!

Подпрыгивая на ухабах, карета неспешно поехала прочь, и еще долго можно было видеть в ее окне изящную руку маркиза, который махал оставшимся родственникам.

* * *

— Не плачь, моя маленькая фея!.. Ты еще слишком юна, чтобы трогать слезы на любовную печаль..

— Да я не люблю его! — воскликнула Анжелика. — Наоборот, я его ненавижу!

Как только Анжелика почувствовала себя лучше, а главное, как только смогла ускользнуть от бдительного ока Пюльшери, она бросилась на поиски Мелюзины. Чтобы не попасться на глаза любопытных, она вышла из замка через тайный ход, все ответвления которого досконально изучили лишь она и Гонтран. Кое-где приходилось ползти на четвереньках под градом камешков и комьев земли, и вот, словно кролик, она выбралась из лаза, расположенного у лесной опушки. Проворно вскочив на ноги, Анжелика поспешила укрыться

под сенью деревьев. Дождь прекратился, но ветки еще были мокрыми, капли падали с деревьев.

Анжелика решила, что колдунья должна находиться у себя в пещере, вход которой располагался на крутом обрыве и был скрыт под пологом густой листвы. Девочка спешила повидаться со старшей подругой, не сомневаясь, что Мелюзина поймет ее переживания и сумеет вернуть душевный покой, которого ее лишил приезд Плесси-Бельеров. После того как Анжелика оправилась от недомогания и обрела былую жизненную силу, воспоминания о нанесенных Филиппом оскорблениях, на время вытесненные рассказом матери о нелегкой женской доле, вновь стали терзать юную дворянку.

Мелюзина действительно оказалась дома. Она стояла на коленях перед костерком, сложенным из нескольких веточек, на огне которого пытел крошечный закопченный чайник с водой.

Анжелика давно заметила, что даже в самые сильные холода в жилище целительницы царило тепло, как будто стены и пол пещеры, покрытый песком вперемешку с соломой, поглощали окружающую влагу. Мелюзина была в приятельских отношениях с самой природой.

Можно было подумать, что колдунья уже знала, с какими бедами явилась к ней маленькая гостья. Но она внимательно, с полуулыбкой на бледных губах, выслушала пылкие признания Анжелики, продолжая помешивать в чайничке лепестки цветов и какой-то порошок.

— Не плачь, моя маленькая фея. Подрастешь немного, и я открою тебе все свои тайны, и тогда любовь не будет казаться тебе враждебной.

Внезапно будто кто-то стер улыбку с лица Мелюзины.

— Но это не значит, что ты обрешь любовь.

Анжелика смотрела на старшую подругу сквозь душистый пар, и внезапно ей почудилось, что та надела строгую и печальную маску. Новое, непонятное чувство заполнило душу девочки, придя на смену недавним ярости и горечи.

— А что надо сделать, чтобы обрести любовь? — спросила Маркиза Ангелов.

К Мелюзине вернулась привычная веселость, и она тихо рассмеялась.

— Любовь — это наука, — прошептала она.

У Анжелики появилось чувство, что ее наивные вопросы и мысли вызывают жалость.

— Надо БЫТЬ! ЖИТЬ, вот и все. Жизнь — тоже наука.

— А я живу? — спросила встревоженная Анжелика.

— Еще бы! Ты живая больше, чем все, кого я встречала в этом лесу.

Анжелика послушно выпила напиток, приготовленный колдуньей. Придет ли забвение?

— Послушай, я должна еще многому тебя научить. Приходи чаще. У тебя прекрасная память. Только не ленись. И тогда ты сможешь научиться всему, чему только захочешь...

Эти слова, продиктованные любовью Мелюзины, показались Анжелике несколько напыщенными, но доставили ей несказанное удовольствие. Все лучше, чем постоянно слушать тяжкие вздохи отца и причитания Пюльшери.

* * *

Сеньоры дю Плесси больше не появлялись в замке Монтелу. Поговаривали, что они посетили других небогатых помещиков, живущих по соседству, уговаривая их следовать за принцем Конде и служить королю. Дю Плесси-Бельеры дали один-два пышных бала с грандиозным банкетом, а затем вернулись в Иль-де-Франс, встав во главе только что набранной армии. Сержанты-вербовщики направились и в Монтелу.

В старом замке лишь Жан-Кираса да еще один батрак соблазнились славным военным будущим, которое всенепременно ждет королевских драгунов. После отъезда старшего сына няня долго плакала.

— Он был неплохим парнем, а теперь станет наемником, жестоким солдафоном вроде вас, — сказала она Гийому Лютцену.

— Все дело в наследственности, милочка. Разве его отец не был солдафоном?

Теперь, отсчитывая дни, в замке Монтелу стали говорить «это было до» или «после визита маркиза дю Плесси».

* * *

В напитке колдуньи таилось забвение.

Что-то произошло, и старый замок, освещенный весенним светом, хранил об этом смутное воспоминание. Но в том году странствующие торговцы так и не появились, потому чувства Анжелики блекли, стирались, словно старый рисунок.

Не пренебрегая привычными вылазками на болото, девочка стала чаще навещать Мелюзину. Порой она думала, что колдунья, с которой она встречается в «недрах земли», не совсем обычный человек, а кто-то наподобие ангела, который в день большой печали принесет помощь и утешение.

Отныне Анжелика старалась выучить и запомнить все, что касалось бесчисленных природных сокровищ, сокрытых в деревьях, в их корнях и величественных кронах, среди травы и по берегам ручьев. Еще большие богатства таились в небольших рощицах, тесно окружавших заливные луга. Здесь можно было обнаружить неизвестные простым смертным растения, которые дарили власть над жизнью и счастьем человека.

«Я ведь говорила, что открою тебе все свои тайны, чтобы любовь не казалась тебе враждебной».

Колдунья показывала Анжелике растения, помогающие зачать ребенка, и те растения, которые не давали младенцу родиться. «Это на случай насилия... потому что по нашим землям часто, увы, слишком часто проходят солдаты!.. И никому из нас не нужны проклятые дети», — объясняла Мелюзина.

В душе Маркизы Ангелов зародилось смутное чувство, что все, чему ее учит Мелюзина, поможет ей в будущем избежать скрытых ловушек, таящих в себе многочисленные несчастья. По крайней мере колдунья подарила своей ученице умение защищаться, используя то, что загадочная и щедрая природа посеяла под ногами людей.

Глава 7

Черный гость. — Отъезд Жослена

Несколько месяцев спустя к ним приехал гость в черном.

И эту историю Анжелика запомнила надолго. В отличие от предыдущих визитеров, этот гость не разрушал и не ранил, а его странные речи дарили надежду, которая озарила всю дальнейшую жизнь Анжелики: надежду путешествия в дальние страны, так прочно угнездившуюся в душе девочки, что в минуты самых страшных невзгод и печалей, стоило ей лишь закрыть глаза, как она снова, как наяву, видела тот весенний вечер, слышала тихий шелест дождя, в пелене которого и появился неожиданный гость.

К Анжелике давно вернулись отличное настроение, уверенность в собственных силах, а главное, страсть к открытиям. Успокоенная словами и отварами Мелюзины, она радовалась тому, что ей выпал случай прикоснуться к сияющему миру королевского двора с его бесконечными праздниками и интригами. К миру, куда ее однажды непременно призовут, ведь во всех сказках за принцессой, томящейся в старом замке, являлся прекрасный король или хотя бы его сын.

Тот год выдался дождливым, что, несомненно, благостно сказывалось на урожае, но ограничивало передвижения по лесу и болотам.

Почти все время, кроме того, что она посвящала занятиям с Пюльшерри, Анжелика проводила на кухне, которую несказанно любила. Вокруг нее играли Дени, Мари-Аньес и маленький Альбер. Младенец посапывал в колыбели, стоящей у очага. Кухня была самым восхитительным помещением во всем замке. Там постоянно горел огонь,

почти не дававший дыма, потому что над огромным камином был высокий вытяжной колпак. Отблески этого негаснущего огня танцевали на красных днищах тяжелых медных кастрюль и тазов, развешанных по стенам. Дикарь и мечтатель Гонтран часами мог неподвижно сидеть и любоваться мерцанием красноватых бликов, в которых ему являлись странные видения, а Анжелика видела в них духов-покровителей Монтелу.

В тот вечер девочка готовила пирог с зайчатиной. Она уже раскатала тесто, придав ему форму круга, а сейчас мелко рубила мясо. Фантина, помогавшая любимице, недовольно ворчала.

— Что это ты еще удумала, моя птичка? Не пристало тебе заниматься стряпней. Неужели тебе перестали нравиться мои блюда?

— Они по-прежнему хороши, но я должна быть готовой ко всему.

— О чем это ты?

— Прошлой ночью, — сказала Анжелика, — мне снился сон, в котором я была служанкой и готовила еду для детей. Это занятие мне очень нравилось, потому что детишки собрались вокруг стола и смотрели на меня сияющими глазами. А вдруг я когда-нибудь стану служанкой и не смогу приготовить еду для детей своего хозяина?

— Как ты можешь даже думать о подобных вещах? — воскликнула искренне возмущенная кормилица. — Ты никогда не будешь служанкой, ведь ты принадлежишь к дворянскому сословию. Ты выйдешь замуж за барона или за графа... и кто его знает, может, за маркиза? — смеясь, добавила толстуха.

Сидевший в углу Раймон поднял голову.

— Как я вижу, твои жизненные планы изменились. Ты ведь хотела стать атаманом разбойников?

— Одно другому не мешает, — возразила девочка, продолжая энергично рубить мясо.

— Послушай, Анжелика, ты не должна говорить такие... такие ужасы! — заявила добрейшая Пюльшери, которая только что вошла в кухню, чтобы укрыться не столько от холода большого зала, сколько от резких замечаний сестры, тети Жанны.

— Анжелика не говорит ничего ужасного, — ровным голосом заметил Раймон. — Один из величайших грехов на земле — гордыня,

и нам следует неустанно бороться с ней. Склонять голову, унижаться и выполнять работу слуги полезно любому.

— Это чепуха, — непреклонным тоном заявила Анжелика. — Я не собираюсь унижаться, а просто хочу научиться готовить еду для детей, которых люблю. Ты будешь есть мой пирог, Мари-Аньес? А ты, Альбер?

— Да! Да! — закричали оба малыша и подбежали к столу.

С улицы раздался цокот лошадиных копыт.

— А вот и ваш отец вернулся, — сказала тетя Пюльшери. — Анжелика, я полагаю, что приличия требуют, чтобы мы прошли в зал.

Но через некоторое время — должно быть, пока всадник спешился — у входной двери зазвонил колокольчик.

— Я открою, — воскликнула Анжелика.

Она бросилась к выходу, не беспокоясь о засученных рукавах и руках, побелевших от муки. Сквозь дождь и вечерний туман девочка разглядела высокого сухопарого мужчину, с плаща которого струями стекала вода.

— Вы завели свою лошадь под навес? — спросила юная хозяйка. — В нашем краю из-за болотного тумана лошадь легко может простудиться.

— Благодарю вас, мадемуазель, — ответил незнакомец, снимая широкополую шляпу и кланяясь. — Я осмелился, как это принято у путешественников, отвести мою лошадь в вашу конюшню, там же оставил и свой багаж. Я понял, что сегодня уже не достигну цели моего путешествия, и, заметив башни замка Монтелу, решил просить господина барона предоставить мне приют на одну ночь.

Черный суконный костюм гостя украшал только белый воротник, и Анжелика подумала, что перед ней мелкий торговец или принарядившийся крестьянин. Но ее несколько озадачили чужеземный акцент незнакомца и его изысканная манера изъясняться.

— Мой отец еще не вернулся, но проходите в тепло. Мы пошлем слугу обтереть вашу лошадь соломой.

Когда Анжелика вернулась на кухню, гордо шествуя впереди гостя, в дверь для слуг ввалился ее брат Жослен, с ног до головы заляпанный грязью, с красным перепачканным лицом. Он велел слугам

положить на плиточный пол тушу кабана, убитого им с помощью рогатины.

— Удачная охота, месье? — вежливо осведомился незнакомец.

Жослен окинул гостя неприязненным взглядом и что-то проворчал в ответ. Затем он уселся на табурет и протянул ноги к огню. Гость скромно устроился у другого угла камина и с благодарностью принял тарелку супа из рук Фантины.

Он рассказал, что сам из этих мест, родился близ Секондиньи, но долгие годы провел в путешествиях, и вот теперь говорит на родном языке с сильным акцентом. Но акцент быстро исчезнет, уверил незнакомец. Ведь прошла всего неделя с тех пор, как он высадился в Ла-Рошели.

Тут Жослен поднял голову и взглянул на незнакомца заблестевшими глазами. Дети окружили странника и засыпали его вопросами.

— Из какой страны вы приплыли?

— Это далеко?

— А какая у вас профессия?

— У меня нет профессии, — ответил незнакомец. — Думаю, что с удовольствием буду бродить по Франции и рассказывать всем, кто захочет, о своих приключениях и путешествиях.

— Как поэты, средневековые трубадуры? — спросила Анжелика, которая все-таки кое-что усвоила из уроков тетушки Пюльшери.

— Нечто в этом роде, хотя я не умею ни петь, ни складывать стихи. Но зато я могу рассказать много прекрасного о странах, где виноград растет сам по себе. Сочные гроздья свисают прямо с деревьев, растущих посреди лесов, но местные жители не умеют делать вино. И это чудесно, потому что после того, как Ной напился, Господь Бог не захотел, чтобы все люди уподобились свиньям. Есть еще на земле племена, чьи души невинны.

Путешественнику было лет сорок, а его взгляд, устремленный вдаль, можно было назвать одновременно суровым и страстным.

— Чтобы добраться до этих стран, надо переплыть несколько морей? — недоверчиво спросил молчаливый Жослен.

— Надо переплыть океан. А там, в глубине этих земель, скрываются бесчисленные реки и озера. И живут люди с медно-красной кожей. Они украшают головы перьями и плавают на лодках из древесной ко-

ры или звериной кожи. Я бывал на островах, где люди совсем черные. Они едят стебли камыша, толщиной в руку взрослого мужчины, абригены называют этот камыш сахарным тростником, и из него действительно можно получить сахар. А еще они готовят из сахарного тростника напиток, который получается крепче водки, но пьянит не так сильно и наполняет душу радостью, а тело — силой. Ром.

— Вы привезли с собой этот чудесный напиток? — спросил Жослен.

— К седлу моего коня приторочена фляга с ромом. Несколько бочонков я оставил у своего кузена в Ла-Рошели, он надеется получить хорошую прибыль от его продажи. Таково его ремесло. Ну а я — не торговец. Я всего лишь путешественник, жаждущий знаний о новых неизведанных землях, о местах, где никто не испытывает ни голода, ни жажды и где каждый человек чувствует себя свободным. Только там я понял, что все зло этого мира происходит от человека белой расы, потому что он не внимал заповедям Господа Нашего, извратил речи Его. Ведь Господь никогда не повелевал ни убивать, ни разрушать, но повелевал людям возлюбить друг друга.

В комнате повисло молчание. Дети не привыкли к столь сложному, необычному языку.

— По-вашему, выходит, что в Америках жизнь совершеннее, чем в наших странах, где Бог уже давно правит миром? — внезапно раздался спокойный голос Раймона.

Он также подошел к беседе, и Анжелика прочла в его взгляде выражение, схожее с выражением глаз незнакомца. Гость внимательно посмотрел на Раймона.

— Трудно взвесить на весах совершенство мира старого и мира нового, сын мой. Что вам сказать? В Америках живут совершенно иначе. Белые люди там гостеприимны и радушны друг к другу. Любую помощь окажут бесплатно, впрочем, в некоторых местах там и вовсе нет денег, и все живут исключительно охотой, рыбной ловлей, обменом кож и стеклянных бус.

— А земледелие?

Теперь вопрос задала Фантина Лозье, чего она никогда не осмелилась бы сделать в присутствии старших хозяев. Но ее любопытство было так же неутолимо, как любопытство детей.

— Земледелие? Чернокожие жители Антильских островов возделывают землю. В Америке краснокожие не занимаются земледелием вовсе, они живут тем, что собирают фрукты и всяческие растения. Есть селения, где разводят картофель, который у нас в Европе называют трюфелем и который мы пока не умеем выращивать. Но главное — это плоды. Там произрастает удивительный сорт груш, мякоть которого наполнена маслом, и деревья с чудесным питательным соком.

— А как же хлеб, из чего они пекут хлеб? — воскликнула Фантина.

— Все зависит от места. Прежде всего там есть маис, который в Индии считают зерном. В других землях люди жуют кору или орехи, утоляющие и голод, и жажду. Можно питаться какао — это такие бобы, которые смешивают с сахаром-сырцом. В более жарких странах пьют сок пальм или агавы. Животные...

— А кто-нибудь уже совершает торговые рейсы в эти страны? — прервал рассказчика Жослен.

— Этим занимаются несколько жителей Дьеппа, есть и местные торговцы. Мой кузен работает на судовладельца, который иногда снаряжает корабли, отплывающие к Францисканскому берегу, как его называли во времена Франциска I.

— Знаю, знаю, — вновь перебил собеседника нетерпеливый Жослен. — Еще я знаю, что жители Сабль-д'Олоня иногда доходят до Ньюфаундленда, а северяне — до Новой Франции, но кажется, это холодные края, а мне такое не очень подходит.

— Действительно, в 1603 году к берегам Новой Франции был послан Шамплен¹, и сейчас там много французских колонистов. Но это на самом деле очень холодная страна, и вообще жить в ней не легко.

— Это почему?

— Мне трудно вам объяснить. Может быть, потому, что там обитало множество французских иезуитов.

¹ Самуэль де Шамплен (1567—1635) — французский гидрограф и путешественник, основатель и первый губернатор Квебека. Прибыл в Канаду в 1603 году с экспедицией, организованной губернатором Дьепа Аймаром де Шастом, который получил патент на торговлю пушниной. — *Примеч. ред.*

— Вы протестант, не так ли? — живо отреагировал Раймон.

— Верно. Более того, я — пастор, хотя у меня и нет прихода. Но прежде всего я — путешественник.

— Сдается мне, что вам не повезло, месье, — усмехнулся Жослен. — Мой брат сильно увлечен строгими порядками и молитвами ордена иезуитов, на который вы нападаете.

— Я далек от мысли порицать этот орден, — гугенот протестуяще взмахнул рукой. — За время странствий я встречал многих отцов-иезуитов, которые шли вглубь диких земель с истинно евангелическими мужеством и самоотверженностью, достойными восхищения. Для некоторых племен Новой Франции не существует более славного героя, чем знаменитый отец Жог¹, принявший мученическую смерть от рук ирокезов. Но я полагаю, что каждый имеет право на свободу совести и свободу вероисповедания.

— Признаться, — усмехнулся Жослен, — я не могу рассуждать на все эти темы, потому что уже почти позабыл латынь. Но мой брат изъясняется на этом языке лучше, чем на французском, и...

— В этом и кроется величайшая из бед, поразившая нашу Францию, — воскликнул пастор. — Мы больше не можем обращаться к Богу, которого я называю всеобщим Богом, на нашем родном языке, беседовать с ним на языке «сердца», нет, мы вынуждены обращаться к магическим заклинаниям на латыни...

Анжелика искренне жалела, что разговор ушел в сторону от морских бурь и скользящих по волнам судов, от удивительных животных, таких как змеи или гигантские ящерицы с зубами, как у щуки, от животных, способных убить быка, от огромных китов, напоминающих корабли, — от всего того, о чем обычно говорили, когда речь заходила об Америке. Она не заметила, как кормилица вышла из кухни. Но няня оставила дверь приоткрытой, и до девочки долетел тихий шепот, а потом голос мадам де Сансе, не подозревавшей, что ее слышат:

¹ Исаак Жог (1607—1646), иезуит, миссионер в Стране гуронов. Один из восьми иезуитов, которых замучили ирокезы, напавшие на гуронов и практически уничтожившие это племя. Был причислен к лику святых в 1930 году. — *Примеч. ред.*

— Протестант или нет, дочь моя, этот человек — наш гость, и он останется в нашем доме столько, сколько захочет.

Вскоре после этого баронесса вошла в кухню в сопровождении Ортанс.

Гость вежливо поклонился дамам, но не стал целовать им руки или расшаркиваться, как это было принято при дворе. Анжелика решила, что он все-таки простолюдин, хотя и приобщившийся к культуре, да к тому же гугенот, причем гугенот убежденный.

— Пастор Рошфор¹, — представился мужчина. — Я ехал в Секондиньи, на родину, но дорога оказалась длиннее, чем я думал, и потому мне пришлось обратиться к вашему гостеприимству, мадам.

Хозяйка дома заверила пастора, что он желанный гость в их доме, и хотя все обитатели замка — верные католики, это не мешает им выказывать терпимость, как завещал добрый король Генрих IV.

— Именно на это я надеялся, когда заходил в ваш замок, мадам, — пастор отвесил более глубокий поклон, — и должен признаться, что кое-кто из друзей заверил меня, что у вас уже много лет проживает старый слуга-немец, исповедующий протестантскую религию, без сомнения, лютеранство. Именно с ним я встретился прежде прочих обитателей замка, и Гийом Лютцен подтвердил, что на эту ночь я найду здесь кров.

— Не сомневайтесь в этом, месье, а если пожелаете, можете провести у нас и несколько последующих дней.

— Мое единственное желание заключается в том, чтобы служить Господу нашему в меру моих скромных сил. Именно Он вдохновил меня на одно дело. Признаюсь, что прежде всего я здесь, чтобы увидеть господина барона де Сансе, вашего супруга, мадам, потому что я должен передать ему...

— У вас есть послание для моего мужа? — удивилась мадам де Сансе.

¹ Шарль де Рошфор (1605—1683) — пастор французской протестантской церкви в Роттердаме. Несколько лет провел в Вест-Индии, по возвращении написал книгу «Естественная история и история нравов Антильских островов Америки». Впервые эта работа была опубликована в Роттердаме в 1658 году. — *Примеч. ред.*

— Скорее не послание, а поручение. Простите, но я дал обещание говорить на эту тему лишь с господином бароном.

— Разумеется, месье. Впрочем, я слышу стук подков его лошади.

Вскоре вошел и сам барон Арман. Должно быть, его предупредили о неожиданном визите. Господин де Сансе не выказал гостю обычной сердечности. Он выглядел напряженным и встревоженным.

— Правда ли, господин пастор, что вы приехали из Америк? — осведомился владелец замка после привычного обмена любезностями.

— Да, господин барон. И я был бы счастлив поговорить с вами наедине о том, кого вы знаете.

— Тише! — велел Арман де Сансе, бросив обеспокоенный взгляд в сторону двери.

Он добавил, что дом находится в полном распоряжении месье Рошфора и что тому стоит лишь обратиться к служанке, чтобы получить все, что ему необходимо с дороги. Ужин будет накрыт через час. Пастор поблагодарил и попросил позволения уйти, чтобы «немного ополоснуться».

«Неужели ему не хватило ливня? — подумала Анжелика. — Странный народ эти гугеноты! Правду говорят, что они не от мира сего. Надо спросить у Гийома, неужели он тоже моется по любому поводу? Наверное, это как-то связано с их обрядами. Недаром все они такие нервные или обидчивые, как Лютцен. Может, их слишком чистая кожа чересчур чувствительная, а из-за этого им все время больно... И Филипп без конца требовал мыться. Точно, такое пристрастие приведет его к ереси. Тогда его, скорее всего, сожгут, и поделом!»

Заморский гость уже направлялся к двери, чтобы подняться в комнату, которую ему любезно собиралась продемонстрировать мадам де Сансе, когда Жослен с обычной для него резкостью схватил гугенота за руку.

— Еще пару слов, пастор. Чтобы работать в Америках, без сомнения, надо быть очень богатым, или купить себе патент лейтенанта флота, или, по крайней мере, патент ремесленника?

— Сын мой, Америка — свободные земли. Все, что там требуется, — это умение трудиться, трудиться много, до седьмого пота, ну и, конечно, надо уметь обороняться.

— Кто ты такой, незнакомец, чтобы позволять себе назвать этого молодого человека своим сыном, да еще в присутствии его отца и деда?

Насмешливый голос старого барона прозвучал непривычно громко.

— К вашим услугам, господин барон, я — пастор Рошфор, правда, пастор без епархии и прихода.

— Гугенот! — возмутился старик. — Причем гугенот, прибывший из проклятых краев...

Дед Анжелики стоял на пороге, с силой опираясь на трость, но старался выпрямиться во весь рост. Прежде чем появиться на кухне, он снял просторный черный плащ, который обычно носил зимой. Лицо старика показалось Анжелике таким же белым, как его борода. Сама не понимая почему, она испугалась и поспешила вмешаться.

— Дедушка, этот господин совсем промок, мы пригласили его обсохнуть. Он рассказывал нам о своих путешествиях...

— Пусть так. Я не скрываю, что ценю мужество, и когда враг предстает предо мной с открытым забралом, я знаю, что он имеет право на заботу.

— Месье, я не являюсь вашим врагом.

— Избавьте нас от своих еретических проповедей. Я никогда не принимал участия в спорах, которые находятся вне компетенции старого солдата. Но должен сказать, что в этом доме вы не найдете ни единой души, которую сможете обратить в свою веру.

У пастора вырвался едва заметный вздох.

— На самом деле я вернулся из Америки вовсе не для того, чтобы проповедовать и обрести новую паству. Верующие и просто любознательные люди приходят в лоно нашей церкви добровольно. Я отлично знаю, что все члены вашей семьи — ревностные католики и что крайне сложно обратить людей, чья религия зиждется на древних суевериях и кто считает истинно верующими только себя.

— Следовательно, вы признаете, что вербуете ваших сторонников не среди порядочных людей, а среди особ нерешительных, среди честолюбцев, разочаровавшихся в вере, среди монахов-расстриг, которые почитают за счастье любым способом «освятить» свои потребности.

— Господин барон, вы слишком скоры в своих суждениях, — заметил пастор, и в его голосе зазвенела сталь. — Многие высокопоставленные особы и прелаты католической церкви уже приняли нашу доктрину.

— Вы не сообщили мне ничего нового. Гордыня может заставить пасть даже лучших. Но преимущество нас, католиков, заключается в том, что нас поддерживают молитвы всей церкви, всех наших святых и наших усопших, в то время как вы, погрязшие в гордыне, отрицаете святое заступничество и полагаете, что можете обращаться к Богу напрямую.

— Паписты обвиняют нас в гордыне, претендуют на безгрешность, а сами присвоили право на насилие. Когда в юности я уезжал из Франции, — тихо проговорил пастор, — а это было в 1629 году, то лишь по воле счастливого случая смог выбраться из Ла-Рошели, осажденной ордами монсеньора де Ришелье. Именно тогда был подписан мирный договор в Алесе, лишивший протестантов права владеть крепостями.

— Как раз вовремя. Вы превращались в государство в государстве. Признайтесь, вы ставили своей целью вырвать все западные и центральные области Франции из-под власти короля.

— Этого я не знаю. Я был еще слишком молод, чтобы прикнуть к людям, лелеющим столь грандиозные планы. Я понял лишь одно: новые законы противоречат Нантскому эдикту короля Генриха IV. И вот, вернувшись, я с горечью вижу, что каждый пункт этого эдикта по-прежнему злонамеренно искажается и оспаривается рьяными казуистами и судьями. Это называется «минимальным соблюдением» эдикта. Также я вижу, что протестанты вынуждены хоронить своих мертвецов по ночам. Почему? Потому что в эдикте не прописано, можно ли хоронить протестанта днем, — значит, пусть хоронят ночью.

— Это должно вас только порадовать, ведь вы призываете к смирению, — усмехнулся старый помещик.

— Или взять хотя бы 28 статью эдикта, позволяющую протестантам открывать школы в городах и поселках, где разрешено отправление их культа; как она толкуется? Эдикт ничего не говорит о предметах, которые можно преподавать, о числе учителей, о количестве

классов, необходимых общине, и вот законники решают, что в школе и во всем поселении может быть только один учитель-протестант. Скажем, в Марене я видел шестьсот детей протестантов, имеющих право всего лишь на одного учителя! Ах! Вот они, двойные стандарты, которые порождает лживая диалектика старой церкви! — с жаром воскликнул пастор.

Собравшиеся ошеломленно молчали, и Анжелика заметила, что ее дедушка, в общем-то, обладающий здравым умом и развитым чувством справедливости, несколько выбит из седла перечислением всех этих фактов, которые он, впрочем, отлично знал.

Тишину неожиданно нарушил спокойный голос Раймона:

— Господин пастор, я не в состоянии оценить достоверность расследования, которое вы провели в стране, выявляя некоторые злоупотребления непримиримых ревнителей веры. Благодарю вас, что вы не упомянули о случаях, когда церковь оплачивала обращение протестантов, как взрослых, так и детей, в католичество. Но вы должны знать, что если подобные факты и имеют место, то его Святейшество Папа не раз лично указывал на них высшему духовенству Франции и самому королю. Официальные и тайные комиссии разъезжают по всей стране, дабы выявить и исправить ошибки некоторых чересчур усердных сторонников церкви. Более того, я уверен, что если вы сами доберетесь до Рима и вручите Святому понтифику письменные данные, полученные во время ваших расследований, большая часть существующих нарушений будет устранена...

— Молодой человек, не мне пытаться реформировать вашу церковь, — едко возразил пастор.

— Что же, господин пастор, тогда мы это сделаем сами, нравится вам это или нет! — с неожиданным жаром воскликнул подросток. — И Господь поможет нам!

Анжелика удивленно взглянула на брата. Она никогда не подозревала, что под его бесцветной и несколько лицемерной внешностью скрыто столько страсти. Настала очередь пастора смутиться. Барон Арман попытался разрядить напряженную атмосферу и беззлобно рассмеялся:

— Ваши споры заставляют меня признаться, что в последнее время я частенько сожалею о том, что я — не гугенот. Говорят, каждо-

му дворянину-протестанту, обратившемуся в католицизм, выдают три тысячи ливров.

Старый барон взвился.

— Сын мой, увольте меня от дурных шуток. Перед лицом нашего врага они выглядят непристойными.

Пастор снял со стула свой мокрый плащ.

— Я пришел к вам не как враг. На меня возложена миссия, которую я должен был исполнить в замке Сансе. Я привез послание из далеких краев. Я хотел поговорить о нем с глазу на глаз с бароном Арманом, но я вижу, что вы имеете обыкновение обсуждать все дела сообща. Мне это нравится. Так поступали патриархи и апостолы.

Анжелика заметила, что дедушка стал таким же бледным, как косяк набалдашник на его трости, и оперся о дверной косяк. Ее охватила острый приступ жалости. Она хотела бы любым способом не дать роковым словам сорваться с губ путешественника, но тот уже продолжил:

— Ваш сын, господин Антуан де Ридуэ де Сансе, которого я имел удовольствие встретить в Вирджинии, просил меня заехать в замок, где он родился, и узнать новости о его семье, чтобы по возвращении я мог их ему сообщить. В чем и заключалась моя миссия...

Старый дворянин мелкими шажками приблизился к гостю.

— Вон отсюда, — голос барона срывался от ярости. — Никогда, никогда, пока я жив, имя моего сына, предавшего своего Бога, своего короля, свою родину, не будет звучать под сводами этого замка. Вон отсюда, говорю вам. Никаких гугенотов в моем доме!

— Я ухожу, — очень спокойно произнес пастор.

— Нет!

Голос Раймона снова звенел, словно струна.

— Оставайтесь, господин пастор. Вы не можете уйти в такую ненастную ночь. Ни один житель Монтелу не захочет предоставить вам кров, а до ближайшей протестантской деревни слишком далеко. Я прошу вас разделить со мной мою комнату.

— Оставайтесь, — сиплым голосом попросил Жослен, — вы должны рассказать мне об Америках и о морях.

Борода старого барона задрожала.

— Арман, — воскликнул он с отчаянием, разбивавшим сердце Анжелики, — вот в ком спит мятежный дух вашего брата Антуана. В этих двух мальчиках, которых я так любил. Бог отвернулся от меня. Право, зажился я на этом свете.

Старик зашатался. Гийом поддержал хозяина. Старший барон ушел, опираясь на руку солдата-лютеранина, но в ушах присутствующих еще долго звенел его дрожащий голос:

— Антуан... Антуан...

* * *

Через несколько дней дедушка умер. Никто не знал, от какой болезни он скончался. Он угас уже после того, как домочадцы сочли, что патриарх семейства оправился от волнений, вызванных визитом пастора.

Он умер и, на свое счастье, не испытал боли от отъезда Жослена.

Ранним утром, вскоре после похорон, спящую Анжелику разбудил тихий зов:

— Анжелика! Анжелика!

Открыв глаза, девочка была поражена, увидев Жослена у изголовья кровати. Брат знаком попросил не будить сестер, и она прошла за юношей в коридор.

— Я уезжаю, — прошептал молодой человек. — Ты должна попытаться убедить их, заставить понять.

— Куда ты направляешься?

— Сначала в Ла-Рошель, там сяду на судно, идущее к Америкам. Пастор Рошфор рассказал мне о разных землях, например об Антильских островах, и о колониях: Вирджиния, Мэриленд, Каролина, Новый Амстердам. В конце концов останусь там, где я нужен.

— Здесь ты тоже нужен, — жалобно пролепетала Анжелика.

В старенькой ночной рубашке она дрожала от холода.

— Нет, — ответил Жослен, — в этом мире для меня нет места. Мне надоело принадлежать к классу, у которого много привилегий, но от которого никакой реальной пользы. Богатые или бедные, дворяне совершенно не представляют, зачем они живут на этой земле. Только посмотри на нашего отца. Он так нерешителен. Он унижил до разведения мулов, но при этом толком не осмеливается восполь-

зоваться результатами своего труда, не хочет превратить это дело в по-настоящему прибыльное и заработать достаточно денег, чтобы с гордостью носить дворянское звание. Он пытается усидеть на двух стульях разом, но это у него не выходит. В него тычут пальцем, потому что он занимается торговлей, словно барышник, а в нас — потому что мы по-прежнему благородные, но нищие. К счастью, дядя Антуан де Сансе указал мне верный путь. Это старший брат отца. Он перешел в гугенотскую веру и покинул континент.

— Неужели ты хочешь отречься от нашей веры? — воскликнула перепуганная Анжелика.

— Нет. Я тебе уже говорил, что вопросы веры меня не интересуют. Я просто хочу жить.

Жослен торопливо поцеловал Анжелику, спустился на несколько ступенек, затем обернулся и окинул полуобнаженную сестру взглядом искушенного мужчины.

— Ты становишься красивой и сильной, Анжелика. А потому — будь осторожна. Тебе бы тоже лучше уехать, а то когда-нибудь ты окажешься на сеновале с конюхом или станешь собственностью одного из богатых окрестных помещиков.

С внезапной мягкостью юноша добавил:

— Поверь моему опыту «плохого парня», дорогая сестренка. В любом случае тебя ждет ужасная жизнь. Беги прочь от этих старых стен. А я отправляюсь за море.

В несколько прыжков молодой человек одолел оставшиеся ступени лестницы и исчез.

Глава 8

Ночная жизнь Ньельского аббатства. — Ярость протестантов

Смерть деда, отъезд Жослена и его прощальные слова: «Беги прочь от этих старых стен», — глубоко потрясли Анжелику, особенно если учитывать, что она находилась в том возрасте, когда натуры сверхчувствительные готовы к самым сумасбродным выходкам... Моральный шок от визита пастора Рошфора оказался ужасающим и разрушительным. Он оставил в душе девочки след, который не затягивался, а с каждым днем становился все глубже и глубже, словно трещина в прибрежном камне; такая трещина будет шириться до тех пор, пока камень не рассыплется и его осколки, смешанные с грязью и осокой, не измельчатся в крошку под ногами людей.

Анжелика не думала искать утешения в кругу домашних, среди людей любящих и близких. Ее семья и так не оправилась от потрясений. Мелюзина тоже не могла ей помочь. Колдунья, гонимая людской злобой, покинула родные края Маркизы Ангелов и, возможно, обосновалась в местах еще более далеких и неизведанных, чем те, куда отправился Жослен.

Неподвижно застыв на берегу сонного пруда или канала, чья черная блестящая вода пряталась под нежным покрывалом из ряски, — лишь время от времени кинутый девочкой камень оставлял зияющую дыру в этом покрывале — Анжелика созерцала волны, затухающие в паутине ветвей прибрежного кустарника. Эти волны, такие прекрасные и совершенные, были обречены разбиться о песок и исчезнуть.

Вырываясь из оков болезненной, созерцательной неподвижности, Анжелика отворачивалась от болот и смотрела на лес. Она была уверена, что именно туда ушел Жослен, потому что все говорили, что там, за лесными чащами, раскинулся огромный порт Ла-Рошель, омываемый волнами великого океана, по которому можно доплыть до самого Нового Света. Море. Анжелика мечтала увидеть настоящее море. За этим зеленым массивом, бесконечным, но неподвижным, пряталось иное бесконечное пространство — изменчивое, живое. Там плескалось море, которое бороздили суда, отплывающие в разные страны.

В ее голове гвоздем засела идея, и Анжелика считала долгом воплотить эту идею в жизнь. Ради бабушки, ради дяди Антуана. Ради собственного будущего, могла бы сказать себе Анжелика, если бы всерьез задумалась над положением, в котором она находилась, и над своими внутренними порывами. Но она была всего лишь ребенком, пока не научившимся рассуждать серьезно и мыслить логически.

И в один из первых летних дней Анжелика де Сансе де Монтелу отправилась в Америку, а за ней двигалось ее крошечное воинство, состоявшее из маленьких деревенских сорванцов, которых девочке удалось соблазнить прелестями бродячей жизни. Местный люд еще долго вспоминал этот поход, а многие нашли в нем лишнее подтверждение того, что Маркиза Ангелов произошла от феи.

На самом деле экспедиция не смогла одолеть даже Ньельский лес.

Уже к вечеру, когда солнце окрасило розовым цветом огромные стволы вековых деревьев, к Анжелике вернулся здравый смысл.

Эти несколько дней она жила словно в лихорадке. Она видела себя в Ла-Рошели, нанимающейся юнгой на стоящий под парусами корабль, видела, как ступает на неизведанную землю, а радушные туземцы встречают ее, протягивая спелый виноград.

Николя не заставил себя долго уговаривать. «Матрос? А что, это лучше, чем пасти коров. Я всегда хотел путешествовать по свету». Нашлось еще несколько хулиганов, более склонных носиться по лесам, чем вкалывать в поле. Они просили, чтобы Анжелика взяла их с собой. Набралось восемь человек, среди них единственная девочка — Анжелика, и именно она возглавила отряд. Полные доверия к своему атаману, мальчишки даже и не задумывались о наступающей ночи.

С охапками цветов в руках, с носами, перепачканными в ежевичном соке, они находили первую часть похода восхитительной. Из Монте-лу вышли рано утром, в середине дня сделали привал: расположились у ручья и уничтожили запасы сыра и пеклеванного хлеба.

Анжелику начала бить нервная дрожь, а по мере осознания масштабов собственной глупости она почувствовала, что во рту у нее пересохло.

«Мы не можем заночевать в лесу, — подумала девочка. — Кругом волки».

— Николая, — обратилась она, — тебе не кажется странным, что мы никак не дойдем до деревни Нейе?

Парень озабоченно насупился.

— Похоже, мы немного заплутали. Когда отец был жив, мы с ним туда ходили, и сейчас я припоминаю, что шли не так долго.

Анжелика почувствовала, как чья-то маленькая грязная ручка схватила ее ладонь. Это был самый младший из ребят, еще шестилетний.

— Скоро совсем стемнеет, — захныкал он. — Мы потерялись.

— Нет, мы уже рядом с деревней, — ободрила Анжелика. — Пошли дальше.

Молча они продолжили путь. Небо между ветвями бледнело.

— Если мы не найдем деревню до ночи, нам не нужно бояться, — сказала Анжелика. — Просто залезем на дуб и переночуем на ветках. Волки нас даже не заметят.

Несмотря на спокойный тон, она сильно тревожилась. Вдруг до слуха детей донесся мелодичный колокольный перезвон, и у всех вырвался вздох облегчения.

— Вот и деревня, звонят к вечерней мессе! — воскликнула Анжелика.

Дети бросились бежать. Тропинка пошла вниз, деревья расступились, и внезапно беглецы оказались на опушке, на краю обрыва, где и остановились, от удивления раскрыв глаза, восхищенные открывшейся им картиной.

Обрамленное зеленью, перед ними лежало чудо из чудес, тихая обитель — Ньельское аббатство. Заходящее солнце золотило розовые черепичные крыши, высокие колоколенки, светлые стены с бой-

ницами, тихие клуатры¹, садики, просторный монастырский двор. Колокол продолжал звонить. Монах с ведрами направлялся к колодцу.

Молчаливые, охваченные внезапным религиозным экстазом, дети спустились к большим воротам центрального входа. Деревянная дверь в воротах была приоткрыта; они проскользнули внутрь и очутились под сводами галереи. Старый монах в коричневой рясе спал, сидя на скамье рядом с воротами; седые волосы венцом обрамляли его лысый череп.

До предела возбужденные от пережитых волнений, маленькие бродяги расхохотались, глядя на спящего.

Их смех услышал какой-то толстый жизнерадостный монах, который тут же появился на пороге одной из построек.

— Эй, ребята, — крикнул монах на местном диалекте, — что за невоспитанное поведение!

— Похоже, это брат Ансельм, — прошептал Николая.

Брат Ансельм иногда разъезжал по округе на осле. В обмен на зерно и сало он раздавал крестьянам четки и пузырьки с лекарственными настоями из дягиля. Это было странно, потому что в аббатстве обосновался отнюдь не нищенствующий орден: напротив, монастырь, получавший доходы с окрестных земель, считался богатым.

Анжелика направилась к монаху, за ней потянулось и ее верное войско. Она не осмелилась озвучить клирику их первоначальный план — сбежать в Америку. Тем более что брат Ансельм, несомненно, никогда об Америках не слышал. Маркиза Ангелов сообщила ему, что они из Монтелу, пошли в лес собирать землянику и малину, но заблудились.

— Бедные цыплята, — сказал монах, который был добрым малым, — вот что значит предаваться чревоугодию. Небось, ваши матери в слезах разыскивают вас повсюду, и я вряд ли ошибусь, что по возвращении вам сильно влетит. Но сейчас мы ничего не можем поделать, вам придется переночевать в монастыре. Схожу принесу вам

¹ Клуатр — типичная для романской и готической архитектуры крытая обходная галерея, обрамляющая закрытый прямоугольный двор или внутренний сад монастыря или крупной церкви. — *Примеч. пер.*

молока и хлеба. Спать будете в сарае, а завтра я запрягу в повозку мула и провожу вас, чтобы уже не беспокоиться.

Весьма разумный план действий.

Анжелика и ее друзья шли целый день. Девочка знала, что даже на повозке они доберутся до Монтелу лишь глубокой ночью — в лесу не было дорог, они шли по тропинкам. Ехать придется кругом, дальней дорогой, ведущей через Нейе и Варру.

«Лес как море, — думала Анжелика, — чтобы ориентироваться в нем, нужен компас, про который мне рассказывал Жослен, или придется идти вслепую». Девчушкой овладело уныние. Она никак не могла представить себя вновь отправляющейся в путешествие со сложными инструментами, которые не знала, где раздобыть.

А «мужчины», разве они уже не готовы были бросить ее? Темнота потихоньку спускалась на двор. Девочка молчала, а мальчишки уселись у подножия теплой стены и с наслаждением принялись уплетать еду.

Колокол все звонил и звонил. В розовом небе носились ласточки, испускавшие резкие крики, в кучах навоза и соломы квохтали куры.

Мимо, поправляя капюшон, прошел брат Ансельм:

— Я иду к повечерию. Ведите себя хорошо, а то я сварю вас в своем котле.

Под сводами галерей клуатра скользили коричневые и белые силуэты. Старый монах у ворот все еще спал. Наверное, он был освобожден от вечерней службы...

Анжелике хотелось в одиночестве подумать над происходящим, и она пошла бродить по монастырю.

В одном из дворов она заметила великолепную карету с гербами, оглобли которой упирались в землю. Породистые лошади жевали сено в конюшне. Это обстоятельство почему-то вызвало любопытство девочки. Она медленно шла, зачарованная прелестью и тишиной лесной обители. В лесу ночь уже вступала в свои права, из логов выходили волки, а аббатство, укрывшись за толстыми стенами и массивными воротами, жило своей замкнутой тайной жизнью, о которой Анжелика не имела ни малейшего представления. Откуда-то издали доносились протяжные ласкающие слух церковные песнопения.

Ведомая музыкой, девочка начала взбираться по каменной лестнице. Никогда раньше она не слышала такой приятной и гармоничной мелодии, ведь в церкви Монтелу духовные песни выводили юре и школьный учитель, не слишком походившие на ангелов небесных.

Вдруг Анжелика услышала шуршание юбки и, повернувшись, заметила этажом выше, в сумраке крытой галереи, роскошно одетую даму.

По крайней мере так ей показалось, потому что Анжелика никогда не видела ни маму, ни тетюшек в платьях из черного бархата, расшитого серебряными цветами. Ей было невдомек, что подобный туалет может считаться верхом простоты, предназначенной для небожного уединения в тишине аббатства. Темно-русые волосы незнакомки прикрывала черная кружевная мантилья, в руках дама держала массивный молитвенник. Поравнявшись с Анжеликой, дама с удивлением взглянула на девочку.

— Что ты тут делаешь? В этот час милостыню не подают.

Анжелика отступила назад, чтобы сойти за маленькую, глупенькую, забитую крестьянку.

В полутьме галереи грудь дамы казалась необыкновенно белой и пышной. Легкое кружево накидки почти не скрывало роскошные округлости, которые «выпрыгивали» из расшитого корсажа, словно плоды из рога изобилия.

«Хотела бы я, когда вырасту, иметь такую грудь», — подумала Анжелика, спускаясь по винтовой лестнице. Она провела рукой по своей еще совсем худенькой груди и почувствовала смутную тревогу. Стук сандалий, хлопающих по ступеням, заставил ее спрятаться за колонной.

Какой-то монах задел девочку полой своей белой рясы. Она успела разглядеть только необыкновенно красивое, тщательно выбритое лицо и голубые глаза, сверкавшие под наброшенным клобуком. Священник исчез. Затем до слуха донесся приятный мужской голос.

— Меня только что уведомили о вашем визите, мадам. Я находился в монастырской библиотеке, читал старинные греческие философские трактаты. Этот зал расположен далеко, а мои братья медлительны, особенно во время жары. И хотя я отец настоятель аббатства, мне сообщили о вашем присутствии лишь к повечерию.

— Не надо извинений, отец мой. Я хорошо знаю монастырь и уже устроилась. Ах! Какой чудесный здесь воздух! Вчера я прибыла в свои владения в Ришвиле и тут же отправилась в Ньельское аббатство. После того как король перебрался в Сен-Жермен, придворная атмосфера стала совершенно невыносима. Все так бестолково, печально и убого. По правде говоря, я люблю только Париж или Ньель. К тому же монсеньор де Мазарини невзлюбил меня. Я даже скажу вам, что кардинал...

Остаток разговора Маркиза Ангелов не расслышала. Собеседники удалились.

Своих маленьких спутников Анжелика нашла на просторной монастырской кухне, где, подпоясавшись белым фартуком, у плиты сутился брат Ансельм. Ему помогали двое послушников в чересчур длинных для них рясах. Они недавно поселились в аббатстве.

— Сегодня вечером я должен приготовить изысканную трапезу, — сказал повар. — Графиня де Ришвиль соизволила посетить нашу обитель. Мне приказано спуститься в погреб и выбрать самые лучшие вина, а еще зажарить шесть каплунов и, хоть разбейся, приготовить одно рыбное блюдо. Приправленное нужными пряностями, — добавил брат и многозначительно подмигнув какому-то монаху, сидевшему за другим концом деревянного стола и отхлебывавшему ликер.

— Служанки у этой дамы очень приветливые, — ответил другой монах, толстый краснолицый мужчина, на животе которого с трудом сходилась веревка со свисавшими четками. — Я помог этим трем прелестницам занести в келью их хозяйки кровать, сундуки и гардероб графини.

— Ха-ха-ха! — залился смехом брат Ансельм. — Хотелось бы мне видеть, как вы несли сундуки и гардероб! Да вы с трудом носите собственное брюхо.

— Я помог им советом, — достойно ответил брат Тома.

Его глаза, налившиеся кровью, скользнули по залу, в котором под огромными котелками и вертелами искрился и потрескивал огонь.

— А что это за куча деревенской мелюзги, которую вы приютили в своих владениях, брат Ансельм?

— Ребятишки из Монтелу, они заблудились в лесу.

— Их нужно сварить в вашем пряном бульоне, — пробасил брат Тома, делая страшные глаза.

Двое малышей испуганно заревели.

— Идите сюда, — сказал брат Ансельм, открывая дверь. — По этому коридору пройдете к сараю; заходите туда и ложитесь спать. Сегодня вечером у меня нет на вас времени. Повезло еще, что рыболов принес прекрасную щуку, а то отец настоятель разгневался бы и наказал бы меня, и пришлось бы три часа простоять, покаянно раскинув руки крестом. А я слишком стар для таких упражнений...

Когда младшие мальчики уснули, Анжелика, лежавшая на душистом сене, почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы.

— Николая, — прошептала она, — мне кажется, что мы никогда не сможем добраться до Америк. Я долго думала. Нам нужен компас.

— Не переживай, — зевая, ответил подросток. — Сегодня у нас ничего не вышло, но зато мы отлично повеселились.

— Конечно, — воскликнула взбешенная Анжелика, — ты как белка! Не способен довести до конца ни одно серьезное дело. И тебе наплевать, что мы вернемся в Монтелу, словно жалкие неудачники. Отец тебя не поколотит, потому что он умер, а других-то выдерут!

— Не переживай за них, — пробормотал Николай сквозь сон, — у них кожа крепкая.

Через три секунды он уже громко храпел.

Анжелика думала, что волнение помешает ей уснуть, но понемногу далекий голос брата Ансельма, журившего юных послушников, стих, и девочка заснула.

Проснувшись она от того, что на сене было слишком жарко. Мальчики по-прежнему спали, и их ровное дыхание наполняло сарай.

«Выйду-ка я подышать свежим воздухом», — подумала она.

На ощупь Анжелика нашла дверь в узкий коридор, ведущий к кухне. Как только она ее открыла, на нее обрушились громкий шум голосов и взрывы хохота. На стенах коридора плясали отблески пламени. Похоже, что теперь во владениях брата Ансельма собралась многочисленная компания.

Девочка дошла до порога кухни.

Оттуда она увидела десяток монахов, сидевших вокруг большого стола, уставленного тарелками и оловянными кувшинами. На

блюдах громоздились обглоданные остовы кур и индюшек. К запаху вина и жаркого примешивался тонкий аромат ликера, а перед каждым уже стояло по стаканчику этого напитка. Три молоденькие крестьянки, одетые как горничные, принимали участие в пирушке. Две из них беспрестанно смеялись и казались совсем пьяными. Третья, поскромнее, отбивалась от загребущих лап брата Тома, который пытался ее обнять.

— Ну-ну, милочка, — приговаривал толстый монах, — не будь такой же ломакой, как твоя высокородная хозяйка. Можешь мне поверить, что в этот час она с отцом настоятелем предается отнюдь не беседам о греческой философии. Ты единственная в нашем аббатстве, кто этой ночью не развлекается.

Служанка окинула пирующих застенчивым и слегка разочарованным взглядом. Без сомнения, она не была бы такой непреклонной, какой хотела казаться, если бы ее не смущала багровая физиономия брата Тома.

Один из монахов, видимо, это понял, потому что внезапно вскочил и решительно обнял девушку за талию.

— Клянусь святым Бернаром, покровителем нашего монастыря, — воскликнул он, — эта малышка слишком хрупкая для вас, толстый боров. Что ты об этом думаешь? — спросил он упрямыцу, приподнимая пальцем ее подбородок. — Разве мои прекрасные глаза не восполняют с лихвой отсутствие волос? И потом, знаешь ли, раньше я был солдатом и умею развлечь девушку.

Действительно, у этого монаха с хитрющим выражением лица были веселые черные глаза. Горничная призывно улыбнулась. Брат Тома обиделся, что получил отставку, и затеял драку, во время которой стоявший на столе оловянный кувшин опрокинулся, и женщины стали кричать. Вдруг кто-то воскликнул:

— Посмотрите! Там... ангел!

Все повернулись к двери, у которой стояла Анжелика. Девочка была не робкого десятка и потому не отпрянула. Ей часто доводилось бывать на крестьянских праздниках, чтобы пугаться криков и неумемного веселья, которые неизбежно сопутствовали чрезмерным возлияниям. Но она ощутила, как где-то глубоко в душе зарождается протест. Ей казалось, что эта сцена противоречит чудесному

видению, которое открылось детям, когда они вышли из леса и застыли на краю обрыва, пораженные тихим покоем монастыря, позолоченного вечерним светом.

— Это девочка, которая заблудилась в лесу, — объяснил брат Ансельм.

— Единственная девочка среди банды парней, — уточнил брат Тома. — Это кое-что да значит. Может, она любит повеселиться? Иди-ка сюда. Выпей-ка, — монах протянул Анжелике стаканчик ликера. — Напиток вкусный, сладкий. Мы готовим его сами в больших ретортах из болотного дягиля.

Анжелика послушно взяла стакан не столько потому, что хотела полакомиться, сколько из любопытства, и пригубила целебный напиток, о котором слышала много хорошего и который носил ее имя. Жидкость золотисто-зеленого цвета показалась ей восхитительной, одновременно крепкой и бархатистой, и пока Анжелика пила, по ее телу разливалось приятное тепло.

— Bravo! — вскричал брат Тома. — По крайней мере ты не прочь опрокинуть рюмочку!

Монах усадил девочку на колени. Анжелике показались отвратительными и его жаркое дыхание, насыщенное винными парами, и резкий запах пота, пропитавший грязную грубую рясу, но она была одурманена только что выпитым алкоголем. Брат Тома хлопывал Анжелику по коленям, пытаясь изобразить отеческую заботу.

— А малышка весьма аппетитна.

У двери раздался чей-то громкий голос:

— Брат мой, оставьте ребенка в покое.

На пороге, словно привидение, появился монах, облаченный в белую рясу с капюшоном. Его руки тонули в широких рукавах одеяния.

— А! Наш вечный брызга, — проворчал брат Тома. — Мы же не предлагаем вам присоединиться к нашему застолью, брат Жан, коли вас не прельщает добрая плоть. Но дайте хотя бы другим спокойно повеселиться. Вы еще не стали нашим отцом настоятелем.

— Речь идет не о веселье, — ответил вновь пришедший изменившимся голосом. — Я просто посоветовал вам оставить в покое

этого ребенка. Она — дочь барона де Сансе, и вряд ли вам понравится, если девочка расскажет отцу не о нашем гостеприимстве, а пожалуется ему на странные нравы нашей обители.

В зале воцарилось удивленное и смущенное молчание. Руки брата Тома безвольно упали.

— Пойдемте со мной, дитя, — твердым тоном велел монах.

Анжелика машинально последовала за ним через двор.

Подняв глаза, девочка увидела раскинувшееся над монастырем звездное небо несказанной чистоты. Следуя за своим провожатым, Маркиза Ангелов оказалась в просторном клуатре, стену которого прорезали многочисленные двери.

— Входите, — пригласил брат Жан, открывая одну из деревянных дверей с крошечным окошком. — Это моя келья. Здесь вы сможете спокойно отдохнуть в ожидании рассвета.

Анжелика оказалась в маленькой комнате с голыми стенами, украшенными лишь одиноким распятием и изображением Девы Марии. В углу примостилась низкая кровать, или скорее несколько досок, покрытых грубой простыней и покрывалом. Под распятием стояла деревянная скамеечка для молитв, на полке лежали молитвенники. Сейчас в келье царил приятная прохлада, но, скорее всего, зимой здесь было очень холодно. Арочное окно закрывалось единственной ставней, в тот вечер открытой. В комнату проникали ароматы ночного леса, напоенные запахом мха и грибов. Слева от двери одна ступень вела в клетушку с сиявшей внутри нее лампадой. Там едва поместился стол, заваленный пергаментами и заставленный какими-то стаканами.

Монах указал Анжелике на кровать.

— Ложитесь и спите, ничего не опасаясь, дитя мое. Я намерен продолжить работу.

Брат Жан зашел в клетушку, сел на табурет и склонился над пергаментами.

Опустившись на край жесткого матраса, Анжелика почувствовала, что совсем не хочет спать. Она даже представить себе не могла, что в мире существуют такие необычные места. Анжелика встала и подошла к окну. Под ним виднелась чередой узких садилов, отделенных друг от друга высокими стенами. У каждого монаха имелся

такой садик, где он ежедневно возделывал крошечный огород или мог рыть себе могилу.

Стараясь не шуметь, она подошла к клетушке, в которой работал брат Жан. Лампада освещала профиль молодого человека, наполовину скрытый просторным капюшоном. Умелой рукой монах копировал старинную миниатюру.

Он окунал кисть в стаканчик с красной, золотой или синей краской и искусно воспроизводил изящные завитки цветов, фигурки чудовищ, которыми мастера былых времен любили украшать молитвенники.

— Не спится?

— Нет.

— Как ваше имя?

— Анжелика.

Внезапное волнение исказило его аскетичное лицо, до этого лишенное какого-либо выражения.

— Анжелика! Дочь Ангелов. Да, именно так, — пробормотал он.

— Я очень рада, что вы пришли, отец мой. Тот толстый монах мне не понравился.

— Я услышал голос, повелевший: «Встань, оставь свой благостный труд. Позаботься о моих заблудших овцах», — сказал брат Жан, и его глаза странно сверкнули. — Я вышел из кельи, ведомый смутным порывом. Дитя мое, почему вы поступили столь неблагодарно, а не остались под домашним кровом, как подобает девочке вашего возраста и вашего положения?

— Не знаю, — прошептала Анжелика, смущенно опуская голову.

Монах отложил кисти. Он поднялся, по-прежнему пряча руки в широких рукавах, подошел к окну и долго созерцал звездное небо.

— Взгляните, — тихо сказал мужчина, — на земле еще царит ночь. Крестьяне мирно спят в своих лачугах, а сеньоры — в своих замках. Во сне они забывают о невзгодах. Но аббатство никогда не спит, здесь все время идет сражение между духом Божиим и духом зла. Я оставил мирскую жизнь совсем юным, заперся в этих стенах во имя служения Богу, чтобы поститься и возносить молитвы. Но и здесь помимо высочайшей культуры и величайших

таинств я обнаружил самые низменные нравы. Солдаты-дезертиры или инвалиды ищут убежища в монастыре, чтобы, прикрывшись монашеской рясой, вести сытую, спокойную и беспутную жизнь; они приносят с собой порочные обычаи. Аббатство — это огромное судно, которое раскачивают ураганы, и оно трещит под напором волн. Но оно не утонет, пока в этих стенах остается хоть одна душа, возносящая искренние молитвы. Нас здесь немного — тех, кто во что бы то ни стало хотят вести покаянный, святой образ жизни, такой жизни, для которой мы и были предназначены. Ах! Это нелегко. Чего только ни придумает дьявол, чтобы сбить нас с пути истинного. Тот, кто не жил в монастырях, никогда не видел прямо перед собой лика сатаны. Как он мечтает править в жилище Бога!.. Словно мало ему смущать наши души отчаянием или искушать, посылая сюда женщин, которые имеют право находиться только за нашей оградой. Теперь дьявол приходит по ночам, стучит в наши двери, будит нас, истязает...

Монах приподнял рукав рясы, демонстрируя руку, испещренную синяками.

— Посмотрите, — жалобно простонал он, — посмотрите, что сделал со мной сатана.

Анжелика слушала эту речь с нараставшим ужасом. «Он безумен», — подумала девочка.

Но еще больше она испугалась того, что монах вовсе не сумасшедший, а говорит правду. Она почувствовала, как от ужаса у нее шевелятся волосы. Когда же наконец закончится эта трудная, такая грустная ночь?..

Монах упал на колени, с силой ударившись о холодный каменный пол.

— Господи! — твердил он. — Помоги мне. Снизойди до моей слабости. Пусть проклятый не приближается ко мне!

Анжелика снова села на край кровати. Она чувствовала, что у нее пересохло во рту от непонятного страха. Ей на ум пришли слова кормилицы: «Пагубная ночь». Именно о таких ночах няня рассказывала в своих сказках. Вокруг Анжелики творилось что-то странное, невыносимое, то, чему девочка не могла дать определение и что заставляло ее задыхаться от ужаса.

* * *

Ночь взорвалась колокольным звоном, нарушившим монастырскую тишину.

Брат Жан взял себя в руки. Анжелика увидела, что на его висках поблескивают крупные капли пота, как будто он только что выдержал изнуряющий бой.

— Вот и утро, — сказал святой отец. — Конечно, до рассвета еще далеко, но я должен присоединиться к моим братьям, которые направляются в часовню. Если желаете, оставайтесь здесь. Я приду за вами, как только рассветет.

— Нет, я боюсь, — взмолилась Анжелика, которой больше всего хотелось вцепиться в полу рясы своего защитника, — можно пойти в церковь вместе с вами? Я тоже буду молиться.

— Если хотите, пойдете со мной, дитя мое.

И брат Жан добавил с печальной улыбкой:

— В былые времена никто бы и не подумал вести к заутрене маленькую девочку, но в наши дни в этих стенах столько людей, которые здесь абсолютно неуместны, что меня уже ничто не удивляет. Я и привел вас сюда потому, что здесь вы в большей безопасности, чем в сарае.

И монах очень серьезно добавил:

— Могу ли я просить вас, Анжелика, после того, как вы покинете стены монастыря, никому не рассказывать о том, что вы здесь увидели?

— Я обещаю, — сказала девочка, обратив к брату Жану взгляд своих больших чистых глаз.

Они вышли в коридор, где, предвещая рассвет, на старых камнях выступила холодная роса.

— А для чего предназначено это маленькое окошко в вашей двери? — спросила Анжелика.

— Некогда мы были орденом отшельников. Святые отцы выходили из своих келий лишь для участия в мессах, но во время Великого поста им запрещалось и это. И тогда послушники передавали отшельникам еду через окошко. А теперь, дитя мое, помолчите, и вы обяжете меня, если будете вести себя скромно.

Мимо двигались фигуры в поднятых капюшонах, раздавался лишь стук четок и шепот молитв.

Анжелика съежилась в углу часовни и попробовала молиться, но монотонное пение и запах горящих свечей усыпили ее.

Когда она проснулась, часовня была пуста, но к темным сводам еще поднимался легкий дымок потушенных свечей.

Она вышла на улицу. Вставало солнце. Осененные его пурпурными лучами, черепичные крыши пламенели, словно цветы левкоя. В саду, у старой каменной статуи святого ворковали голуби. Анжелика с наслаждением потянулась и зевнула. Она спрашивала себя, уж не приснилось ли ей все...

Добрый, но медлительный брат Ансельм запрят мула в повозку лишь после обеда.

— Не беспокойтесь, ребята, — весело воскликнул он. — Я только отсрочу вашу порку. Мы приедем в деревню ближе к ночи. Ваши родители, утомленные трудами праведными, уже захотят спать.

«Если только они не будут бегать по полям в поисках своих отпрысков», — подумала Анжелика, и гордости от этой мысли не испытала. Ей показалось, что за несколько часов она сразу повзрослела. «Я больше никогда не стану совершать подобные глупости», — решительно пообещала Анжелика самой себе, и ее охватила грусть.

Из уважения к дворянскому званию маленькой беглянки брат Ансельм посадил ее рядом с собой на козлы, а мальчики набились в повозку.

— Но-о-о!! Мой славный мул, вперед, хороший мой, — распевал монах, потряхивая вожжами.

Но мул и не думал поторопиться. Наступил вечер, а они все еще ехали по римской дороге.

— Давайте немного срежем путь, — предложил монах. — Тут есть, правда, одна неприятность — нам придется ехать мимо Вону и Шайе, это деревни протестантские. Будем молить Бога, чтобы в темноте еретики нас не заметили. А то они ой как не любят мою рясу.

Брат Ансельм спешился и повел мула под уздцы по тропинке, ведущей в гору. Анжелика, желая размять ноги, пошла рядом с ним. Она с удивлением оглядывалась по сторонам и понимала, что никогда раньше не бывала в этом уголке, расположенном всего в трех лье от Монте-лу. Тропинка шла вдоль откоса, похожего на заброшенный карьер.

Внимательнее приглядевшись к окружающему пейзажу, Анжелика увидела развалины каких-то строений. Ее босые ноги поскальзывались на гладких черных камнях.

— Странный камень, — сказала девочка и нагнулась, чтобы подобрать тяжелый пористый булыжник, о который она ударила ногу.

— Это очень старый, еще римский, свинцовый рудник, — объяснил монах. — В наших древних рукописях его называют Argentum, потому что здесь, кажется, добывали и серебро. В тринадцатом веке на руднике пробовали снова начать добычу, и несколько брошенных печей относятся к той эпохе.

Анжелика слушала с интересом.

— А руда, из которой добывали свинец, — вот эта черная тяжелая застывшая лава?

Брат Ансельм напустил на себя ученый вид.

— Как бы не так! Руда — это желтая земля, спрессованная в огромные блоки. Говорят, из нее также можно извлекать яд — мышьяк. Не надо собирать эти камни! Лучше я сейчас найду вам блестящие серебристые кубики. Они, правда, непрочные, но вы сможете их потрогать.

Некоторое время ушло на поиски, а затем монах позвал Анжелику, чтобы показать ей скальную породу с выступающими, словно барельефы, черными вкраплениями геометрической формы. Брат Ансельм поскоблил камень, и поверхность его заблестела серебром.

— Но если это слой серебра, — тут же сообразила практичная Анжелика, — почему его никто не добывает? Ведь оно дорого стоит, или, по крайней мере, им можно заплатить налоги!

— Все не так просто, благородная девица. Начать с того, что блестит не серебро: это свинцовая руда. Конечно, она содержит серебро, но чтобы извлечь его, требуется большое мастерство, которым владеют только испанцы да саксонцы. Говорят, эту руду смешивают с углем и смолой, потом плавят в кузнице на сильном огне. Так получается свинцовый слиток. В старинные времена эти слитки расплавляли и лили на врагов через машикули вашего замка. Но как добыть из него серебро, знают только искусные алхимики, каковым я являюсь лишь частично.

— Брат Ансельм, вы упомянули наш замок. Почему?

— Конечно ваш! По той простой причине, что этот забытый всеми уголок — часть ваших земель, хотя он и отделен от остальных владений землями Плесси.

— Отец никогда мне об этом не говорил.

— Этот клочок земли очень мал, и здесь ничего не растет. Что вашему отцу здесь делать?

— Добывать свинец или серебро!

— Ба! Конечно, рудник давно истощился. Впрочем, все, о чем я вам сейчас рассказываю, я услышал от одного старого саксонского монаха. Он был помешан на камнях и старинных колдовских книгах. Думаю, он был немного не в себе...

Мул, тащивший двуколку, продолжил свой путь самостоятельно и, взобравшись по откосу, вышел на равнину. Анжелика и брат Ансельм догнали повозку. Вскоре стало совсем темно.

— Я не зажигаю фонарь, — прошептал брат Ансельм, — чтобы нас не заметили. Поверьте, когда я проезжаю по этим деревням, то всегда думаю о том, что лучше бы я пересекал их голышом, чем в монашеской рясе и с четками на поясе. Тсс... там, вдали, случайно, не факелы? — испуганно спросил монах, натягивая вожжи.

В самом деле, приблизительно в четверти лье от повозки можно было заметить многочисленные светящиеся точки, которых становилось все больше и больше. Ветер донес до путешественников странное заунывное пение.

— Да защитит нас Пресвятая Дева Мария! — воскликнул брат Ансельм, спрыгивая на землю. — Гугеноты из Волю вышли хоронить своих мертвецов. Процессия движется прямо к нам. Нужно поворачивать назад.

Святой отец схватил мула под уздцы и попытался заставить его развернуться на узкой тропинке. Но упрямое животное отказывалось совершать необходимый маневр. Потерявший голову монах ругался на чем свет стоит. «Славный мул» превратился в «проклятую скотину». Анжелика и Николя присоединились к монаху и тоже пытались убедить несговорчивого мула. Процессия приближалась.

Пение становилось все громче: «Господь — опора наша во всех бедах наших».

— Горе нам! Горе! — стонал брат Ансельм.

Из-за поворота показались первые факельщики. Резкий свет озарил двуколку, вставшую поперек тропинки.

— Что там?

— Приспешник дьявола, монах!

— Он преградил нам дорогу.

— Мало ему того, что нам приходится хоронить наших усопших по ночам, словно бездомных псов! Он хочет еще и осквернить нашу церемонию своим присутствием.

— Бандит! Распутник! Папистская собака, грязная свинья!

Первые подобранные с земли камни ударились о деревянные борта двуколки. Ребятишки заплакали. Анжелика бросилась вперед, вытянув руки.

— Остановитесь! Остановитесь, это всего лишь дети!

Появление девочки с развевающимися волосами лишь разожгло страсти.

— Ну конечно, девка! Одна из их сожительниц!

— А там, в двуколке, их ублюдки, окропленные святой водой.

— Те, которых они зачали без греха!

— При помощи Святого Духа!

— Это наши дети, которых они украли, чтобы принести в жертву идолам!

— Смерть дьявольским ублюдкам!

— Спасем наших детей!

Вокруг повозки замелькали разгневанные лица одетых в черное мужчин. Шедшие позади участники процессии, которые еще не знали, что происходит, продолжали петь: «Господь — твердыня моя»¹. Но постепенно толпа у повозки становилась все плотнее.

Оплеванный, избитый брат Ансельм, с ловкостью, которой трудно было ожидать от такого толстяка, сумел вырваться из рук гугенотов и помчался куда-то в поля. Николая, не обращая внимания на сыпавшиеся на него палочные удары, все еще пытался развернуть обезумевшего мула. Безжалостные руки обрушились на Анжелику. Извиваясь, словно уж, она сумела высвободиться, соскользнула на обочину дороги и тоже бросилась бежать. Один из подростков

¹ Псалом 17. — *Примеч. ред.*

гугенотов кинулся вдогонку за девочкой и вскоре догнал ее. Он был совсем мальчишка, примерно одного возраста с Анжеликой, но юность удесятерила его религиозный фанатизм.

Сцепившись, дети покатались по траве. Вдруг Анжеликой овладело яростное иступление. Она царапалась, кусалась, вырывала зубами куски ненавистной плоти, и соленая кровь текла по ее языку. Наконец она почувствовала, что противник слабеет, и снова кинулась прочь.

Перед двуколкой появился высокий мужчина.

— Остановитесь! Остановитесь, несчастные! — кричал он, повторяя слова, незадолго до того произнесенные Анжеликой. — Это всего лишь дети!

— Дети дьявола! Да! А наши дети, что они делали с нашими детьми? Во время Варфоломеевской ночи они выкидывали их прямо из окон на острия пик.

— Все это давно в прошлом, дети мои. Опустите руки, забудьте о мести. Нам нужен мир. Остановитесь, дети мои, послушайте своего пастора.

Анжелика услышала скрип двуколки, тронувшейся с места. Николая наконец заставил мула развернуться. Прячась за кустами, девочка присоединилась к своим товарищам на следующем повороте дороги.

— Если бы не пастор, они бы нас убили, — прошептал Николая, стуча зубами от только что пережитого страха.

Все тело Анжелики было в ссадинах. Она попыталась привести в порядок свое грязное и разорванное платье. Ее так сильно дернули за волосы, что теперь голова болела, словно с нее сняли скальп.

Чуть дальше по дороге из кустов донесся срывающийся шепот брата Ансельма, и толстяк выбрался к повозке.

Пришлось опять поворачивать к римской дороге. К счастью, взошла луна. В Монтелу дети прибыли лишь на заре. Им рассказали, что с прошлого вечера крестьяне прочесывали Ньельский лес. Они наткнулись на колдунью Мелюзину, собиравшую лекарственные травы в овражке; обезумевшие родители обвинили старуху в том, что она свела их детей, и без лишних разговоров повесили ее на дубовом суку.

Глава 9

Проклятье, лежащее на колдуньях

Мелюзина! Крик Анжелики звенел под сводами старого замка, рассыпаясь гулким эхом.

— МЕЛЮЗИНА!

Анжелика рванулась бежать к тайному логову своей подруги, но Пюльшери бросилась к девочке, обняла ее и прижала к груди изо всех своих невеликих сил. Девочка не могла поверить услышанному: крестьяне в поисках своих потерявшихся чад повесили колдунью Мелюзину.

Все обитатели замка, начиная с членов семьи Сансе и заканчивая слугами, встречали растрепанную грязную беглянку у главных ворот и сразу рассказали ей о разыгравшейся драме, обвинив в случившемся Анжелику.

Колдунью повесили.

Все стояли и смотрели на Анжелику, а она вырывалась из объятий тетушки, испуская нечленораздельные крики, прерывающиеся отчаянными призывами: «Мелюзина! Мелюзина!»

Когда Анжелика затихала, она слышала кривляку Ортанс, которая монотонно, словно перебирая четки, повторяла обвинения:

— Это ты во всем виновата, Анжелика!.. Это твоя вина!.. Зачем ты увела мальчишек в такую даль?.. Почему ты не вернулась, когда наступила ночь? Почему ты не подумала, как беспокоятся твои несчастные родители? Как беспокоимся мы все, — торжественно вещала Ортанс. — У тебя пустая голова, у тебя нет сердца!

Анжелика постепенно успокаивалась и перестала вырываться из рук Пюльшери, но та еще не решалась отпустить племянницу. Девочка подняла заплаканные глаза к отцу.

— Почему? ПОЧЕМУ они это сделали?

Бедный барон с тоской смотрел на свою младшую дочь. Окруженная ореолом растрепанных золотисто-медных волос, она показалась ему неземным существом, осененным божественным светом, в то время как все остальные — впрочем, как и он сам — виделись Арману де Сансе существами темными и грубыми. Он не мог найти в себе силы, чтобы ответить. Поступок обитателей его владений ужасал благородного дворянина, но не удивлял, ведь он отлично знал, сколь скоры на расправу крестьяне, сколь они суеверны, как боятся дурного глаза, злого умысла, происков сатаны.

За него нравоучительным тоном ответила кормилица:

— Потому что она была колдуньей!

Тут заговорила тетушка Жанна, кои-то веки оставившая свое рукоделие. Ее голос, похожий на звук ржавой трещотки, дрожал от волнения:

— Колдуньи опасны. Они имеют власть над жизнью и смертью, над рождением...

— И над любовью! — отчеканила кормилица.

— Но она была ДОБРОЙ колдуньей! — закричала Анжелика.

— А вот это самое страшное, — заявила тетушка Жанна своим противным голосом. — Именно так написано в книге инквизиторов *Malleus Maleficarum*¹, или «Молот ведьм», которую написали

¹ «Молот ведьм» (нем. *Hexenhammer*, лат. *Malleus Maleficarum*) — самый известный трактат по демонологии, написанный двумя инквизиторами, доминиканцами Генрихом Крамером (латинизированный вариант имени Генрикус Инститорис) и Якобом Шпренгером, и опубликованный в городе Шпрейере в 1486 году. Эта книга — инструкция по распознаванию ведьм, выдержавшая в короткий срок множество изданий, стала наиболее популярным обоснованием и руководством в последовавшей вскоре «охоте на ведьм» конца XV — середины XVII века. Хотя книга оказала значительное влияние на умонастроения католиков, она никогда официально не признавалась католической церковью, а в 1490 году даже была осуждена инквизицией. — *Примеч. ред.*

любимые сыны Папы Иннокентия VIII, преподобные отцы-доминиканцы Шпренгер и Крамер.

И она торжественно процитировала:

«Под колдуньями мы подразумеваем не только тех, кто мучает и кто убивает, но также, и прежде всего, тех, кого называют добрыми колдуньями, не совершающими НИКАКОГО зла, которые не наводят порчу, не разрушают, а спасают и освобождают от зла... Всем нам будет лучше, если земля освободится от всех колдуний, и особенно от колдуний БЛАГОДЕТЕЛЬНЫХ».

— Достаточно! ДОСТАТОЧНО! — резко перебила тетушку мадам де Сансе.

Черты лица баронессы заострились, под глазами залегли темные тени — ведь исчезновение Анжелики заставило ее пережить часы мучительного беспокойства, но она, как и муж, ощущала всю бесполезность упреков, лишь усиливавших страдания девочки.

— Замолчите, Жанна. Будет лучше, если вы вернетесь в гостиную и возьметесь за иголку. Нянюшка, отведите Анжелику на кухню и дайте ей тарелку горячего супа.

Анжелика продолжала смотреть на отца, и в ее глазах застыл немой вопрос: «Почему? Почему?» Но в ответном взоре она прочла лишь неумолимую решимость.

— На сей раз, дочь моя, ты перешла все границы. Тебе надлежит уехать в монастырь... А я буду вынужден принять предложение Молина.

* * *

Несколько часов Анжелика просидела около очага на кухне, молча, не шевелясь, словно следуя примеру старого Лютцена, который провёл так не один вечер, и сегодня тоже не сказал ни слова, встретив маленькую хозяйку.

Она слышала, как ее мать объяснялась с тетей Жанной не столько по поводу вмешательства в педагогический процесс, сколько по поводу цитирования книги, которой, как была уверена баронесса, в замковой библиотеке не было. Впрочем, из-за высокой влажности библиотека находилась в весьма плачевном состоянии. *Malleus Maleficarum*. Где Жанна взяла эту книгу?

Тетушка Жанна съежилась, словно растревоженная паучиха в паутине шерстяных ниток; после смерти своего отца она чаще всего одиноко сидела за вышиванием в дальнем закутке зала. На вопросы невестки она не ответила и лишь скорчила высокомерную мину, давая тем самым понять, что столь мелкая сошка, как баронесса, не способна проникнуть в возвышенный мир сложных теологических знаний.

Мадам де Сансе расспросила о книге кормилицу Фантину.

Может быть, ее принес кто-то из бродячих торговцев? Но каким образом средневековый труд по демонологии, написанный двумя монахами-фанатиками и предназначенный для инквизиторов, мог затеряться среди синих книжиц и разноцветных лент?!

К тому же в тот год бродячие торговцы не появлялись в Монтеу. Наверное, им помешали прийти войны, которые вспыхивали то тут, то там, словно очаги заразной болезни. Разговор переключился на разнообразные слухи о пока еще спокойной жизни провинции. Чтобы наказать слишком бойкого принца де Марсийака, который вместе со своей любовницей Анной Женеьевой де Лонгвиль разжигал пожар Фронды, королева-регентша Анна Австрийская приказала сровнять с землей его замок Вертёй. Ничего не было известно о судьбе супруги фрондера, которая после недавней смерти свекра все же стала герцогиней Ларошфуко, но которая теперь вместе с шестью детьми осталась без крыши над головой.

Воспользовавшись тем, что взрослые увлеклись новостями, Анжелика выскользнула из замка. Шел дождь. Сумерки еще не наступили, но на дворе было мрачно и пасмурно. Она хотела добраться до пещеры Мелюзины и узнать, что стало с ее сокровищами, с кошкой и совой... Но когда Анжелика подошла поближе, ей показалось, что сквозь пелену тумана она видит у обрыва смутные силуэты, стерегущие подступы к пещере.

Девочка спряталась в подлеске, ее сердце учащенно билось, ноги путались во влажной траве, но она не замечала потоков воды, низвергавшихся на нее с деревьев, и чувствовала вокруг присутствие чего-то зловещего. Лишь вернувшись домой, она испытала облегчение.

* * *

На следующий день погода прояснилась и Анжелика снова отправилась в лес. Теперь все вокруг казалось пустынным, и она не могла решить — так ли это на самом деле или ей просто кажется.

— Может быть, ее избегали?

Бродя по округе, девочка заметила, что в тени, на пне около поворота дороги сидит какой-то человек, погруженный в свои мысли. Подойдя поближе, она узнала отца. Рядом паслась его лошадь.

Барон Арман поднял голову.

Анжелика присела рядом с отцом. У нее было тяжело на сердце.

— Ты отдаешь себе отчет, — сказал барон, — сколько беспокойства и хлопот причиняете вы все, и в частности ты?..

— Что-то не ладится с мулами, отец?

— С мулами все хорошо. Но я возвращаюсь от управляющего Молина. Видишь ли, Анжелика, после твоей бессмысленной прогулки по лесу тетя Пюльшери убедила нас, твою мать и меня, что тебя больше нельзя оставлять в замке, а необходимо отправить в монастырь. Так что я решился на весьма унижительный шаг, которого стремился избежать любой ценой. Отправился к управляющему Молину, чтобы просить его предоставить мне ту ссуду, о которой он говорил и которая должна помочь моей семье.

Барон говорил тихим печальным голосом, как будто в нем что-то сломалось, как будто произошло нечто более страшное, чем смерть отца или бегство старшего сына.

— Бедный папа! — прошептала Анжелика.

— Все сложно, — продолжил барон. — Просить денежной помощи у престолоюдина, конечно, нелегко. Но больше всего меня беспокоит, что я не могу понять замыслов Молина. Он ссудил меня деньгами на очень странных условиях.

— На каких?

Арман де Сансе задумчиво посмотрел на дочь, протянул мозолистую руку и погладил ее роскошные волосы цвета темного золота.

— Странно... Мне легче объяснять все тебе, чем твоей матери. Ты — сумасшедшая дикарка, но мне кажется, что ты способна меня понять. Конечно, я изначально подозревал, что с мулами Молин рассчитывает получить существенную прибыль, но я совершенно

не понимал, почему он обратился с этим делом ко мне, а не к любому местному торговцу скотом. На самом деле его интересует мой дворянский титул. Сегодня он признался мне, что рассчитывал на мои дружеские или родственные связи для получения освобождения от таможенных сборов, а также от городской ввозной пошлины и «пыльного налога» на четверть выращиваемых нами мулов, плюс к этому гарантированное право экспортировать эту четверть в Англию и в Испанию, после окончания войны...

Барон задумался.

— Ну, скажем, все эти льготы я смогу получить у суперинтенданта нашей провинции месье де Тремана. Ему несложно это устроить, а я пообещаю поддерживать его во всех начинаниях, тем более что мы связаны родственными узами, о чем я не премину ему напомнить.

— Но это же здорово, — одобрила план отца Анжелика. — Вот что значит разумный подход к делу. С одной стороны — хитрый простолоудин Молин, с другой — вы, благородный и...

— Бесхитростный, — улыбнулся отец девочки.

— Нет, не так. Не... слишком искушенный в коммерции. Но ведь у вас действительно есть и связи, и титул. Вы обречены на успех! Не так давно вы сами сетовали, что таможенные сборы, дорожные пошлины и городские налоги делают почти невозможным транспортировку мулов в иные края. А так как речь пойдет лишь о четверти всего поголовья мулов, суперинтендант сочтет вашу просьбу скромной! Что вы сделаете с оставшимися животными?

— Военное интендантство получит права на их закупку по годовым ценам, установленным на ярмарке в Пуатье.

Анжелика довольно кивнула.

— Кажется, вы все предусмотрели. Молин — человек дальновидный! Быть может, стоит также встретиться с маркизом дю Плесси и написать герцогу де ла Тремуию? Говорят, что эти важные особы скоро появятся в наших краях, чтобы заняться делами их любимой Фронды.

— Да, ходят такие слухи, — ворчливо согласился барон. — И все-таки пока меня рано поздравлять. Приедут принцы или нет, в любом случае нет никаких гарантий, что мне удастся заручиться их поддержкой. И потом, я не сказал тебе самого удивительного.

— Чего же?

— Молин хочет возобновить добычу свинца на старом руднике, на том руднике, что находится в наших владениях близ Волу.

Барон мечтательно вздохнул.

— Иногда я задаюсь вопросом, а не сошел ли с ума этот человек, и тут же признаюсь самому себе, что совсем не разбираюсь в таких сложных делах... если, конечно, все эти дела не пустая выдумка. Короче, он просил меня обратиться с ходатайством к самому королю, чтобы тот вернул мне привилегии предков добывать и пускать в оборот свинцовые и серебряные слитки из старого рудника. Ты ведь знаешь, где находится заброшенный рудник Волу? — спросил Арман де Сансе, заметив, что его дочь сидит с отсутствующим видом.

Анжелика кивнула. К ней снова вернулись воспоминания о неудачной экспедиции, после провала которой брат Ансельм показал девочке рудник, и это воспоминание огорчило ее.

Обеспокоенный отец продолжил:

— Знать бы еще, что этот проклятый управляющий надеется извлечь из старых камней. Разумеется, всем будет объявлено, что я лично занялся возрождением рудника, хотя на самом деле платить будет Молин. Мы заключим тайное соглашение, по которому он получит шахты в аренду на десять лет и будет сам оплачивать все налоги и все расходы, связанные с добычей руды. А я, со своей стороны, должен получить от суперинтенданта такое же освобождение от налогов на четверть будущей продукции и в придачу гарантии экспорта. Все это кажется мне слишком сложным.

Барон тяжело вздохнул.

— Ну да что там!.. К чему жаловаться... ведь это справедливо, что финансисты и банкиры, умеющие ловко управляться с деньгами, поддерживают дворянство, которое посвящает свою жизнь военной службе во благо короны. И я сам, и твой дедушка, мы оба служили в армии и не должны страдать от нищеты. Получив вторую ссуду, я смогу дать достойное образование и тебе, и Ортанс. А оно, в свою очередь, позволит вам найти достойных супругов. Мы с тобой матерью намерены связаться с монахинями-урсулинками и узнать, если у них в школе места для вас. В случае положительного ответа нам еще предстоит подготовить вещи, необходимые пансионерам,

и это тоже займет некоторое время. И вот пока все не устроилось, могу ли просить тебя... могу я просить тебя, Анжелика...

В голосе барона зазвучали умоляющие нотки.

— ...выкинуть из головы всякие сумасбродные идеи?.. Пришла пора прекратить носиться по полям, собирать цветы... Анжелика, ты можешь обещать мне?

Анжелика молчала.

Только что она снова почувствовала себя обычным ребенком, сидящим рядом с отцом на обочине дороги, и стальные тиски, сжимавшие сердце девочки после страшной драмы, ослабли.

Жизнь продолжалась, привычная жизнь, накладывающая определенные обязательства, но дарящая надежды на лучшее.

Она понимала, что время мчит неумолимым потоком, подхватывая людей, вынуждая их делать то, что нужно, и что и она сама, и ее родители, для того чтобы выжить, тоже обязаны подчиниться этому потоку, подчиниться людям, от которых зависит их будущее.

— Обещай мне, — настаивал барон.

Анжелика кивнула.

Она обещала.

Часть третья
Боги Олимпа

Глава 10

*Анжелика и ее отец отправляются в замок Плесси. —
Анжелика наблюдает за ожившими «богами Олимпа»*

Прошло немало времени, прежде чем после долгих переговоров сестры-урсулинки из Пуатье подтвердили, что у них есть места для новых учениц. Барон и баронесса де Сансе, а также все домочадцы, и в том числе Анжелика, испытали облегчение и искренне обрадовались тому, что еще недавно казалось им тяжкой, а возможно, и ненужной жертвой.

Анжелика начала собирать вещи. Органс и Мадлон ехали вместе с ней. Раймон и Гонтран должны были сопровождать сестер, а затем, передав девочек на попечение монахинь-урсулинок, отправиться к отцам-иезуитам в Пуатье, которые имели репутацию непревзойденных педагогов. На помощь снова пришел вездесущий Молин, который хоть и был гугенотом, но, в отличие от многих католиков, знал, что иезуиты дают бесплатное обучение, и посоветовал барону определить сыновей к этим святым отцам.

Сначала решили отправить в монастырь и юного Дени, которому как раз исполнилось девять. Но тут взбунтовалась кормилица: сначала ее хлопотам поручили выводок из десятирех детей, а теперь вознамерились «всех отобрать»?! Такого она не переживет, утверждала Фантина. И Дени остался. Вместе с Мари-Аньес, Альбером и самым младшим двухлетним отпрыском семьи Сансе, которого все звали просто Малыш, Дени будет развлекать Фантину Лозье. Когда все было решено, в доме воцарились мир и покой. Отъезд назначили на осень. За это время могло произойти все, что угодно, что

отсрочило бы суровую монастырскую жизнь, и действительно, случилось одно примечательное событие, которое едва не изменило дальнейшую судьбу Анжелики.

Однажды утром барон де Сансе вернулся домой из замка Плесси в небывалом возбуждении.

— Анжелика, — крикнул он, входя в столовую, где уже собралась вся семья, ожидавшая лишь главу семейства, чтоб сесть за стол. — Анжелика, ты здесь?

— Да, отец.

Барон критически оглядел дочь, которая за последние месяцы еще подросла. Его порадовали чистые руки девочки и аккуратно причесанные волосы. Все сошлись на том, что Анжелика наконец-то образумилась.

— Вполне приемлемо, — прошептал барон.

И обратился к жене:

— Только вообразите себе, что вся семейка Плесси — маркиз, маркиза, сын, а с ними пажи, слуги и собаки прибыли в поместье. Их почтил своим присутствием важный гость, сам принц Конде со всем его двором. Я случайно затесался среди этой пестрой толпы и был весьма раздосадован происходящим. Но кузен повел себя крайне любезно. Он вежливо осведомился, что нового у меня в семье, и знаете, с какой просьбой он обратился ко мне? Дю Плесси попросил привести к ним в замок Анжелику, чтобы она заменила одну из фрейлин маркизы. Маркизе пришлось оставить в Париже почти всех юных девиц, которые ее причесывают, развлекают и играют для нее на лютне. Приезд принца Конде выбил маркизу из колеи, и она твердит, что ей просто необходима помощь привлекательных девушек.

— А почему не я? — воскликнула возмущенная Ортанс.

— Потому что я сказал: «привлекательных», — без обиняков отрезал отец.

— Маркиз отметил мой не по годам острый ум.

— Но маркиза хочет видеть вокруг себя только хорошенькие мордашки.

— О! Это уже слишком! — взорвалась Ортанс и бросилась на сестру, чтобы расцарапать ей лицо.

Но та разгадала намерение Органс и ловко отскочила в сторону. Когда Анжелика поднялась в большую комнату, которую она теперь делила только с Мадлон, ее сердце бешено стучало. Выглянув из окна, она окликнула маленького слугу и приказала ему принести ведро воды и лохань.

Анжелика тщательно вымылась и долго расчесывала щеткой свои прекрасные волосы, которые словно шелковый капюшон ниспадали ей на плечи. Пюльшери принесла племяннице ее самое красивое платье, сшитое специально для поездки в монастырь. Платье вызывало у Анжелики восторг, хотя оно было тусклого серого цвета. Зато ткань совсем новая, куплена специально у лучшего суконщика Ньюра, а белый воротничок оживлял скромный наряд. Это было первое длинное платье Анжелики. Надев его, она испытала сладостное волнение. Тетя в умилении сложила ладони.

— Крошка моя, Анжелика, тебя можно назвать девушкой. Быть может, надо поднять волосы?

Но Анжелика отказалась. Женское чутье подсказывало ей, что не стоит лишать себя единственного сияющего украшения.

Усевшись на прекрасного мула, которого барон велел оседлать специально для дочери, она направилась вслед за отцом к замку Плесси!

* * *

Зачарованный замок пробудился от колдовского сна. Барон и его дочь оставили своих мулов у управляющего Молина и пошли по главной аллее, а навстречу им летела музыка. Изящные борзые и очаровательные собачки грифоны¹ резвились на газонах. Сеньоры в завитых париках и дамы в переливающихся платьях прогуливались по парку. Некоторые из них удивленно посматривали на мелкопоместного дворянина, облаченного в темный костюм, и на девочку-подростка в скромном платье пансионерки.

— Нелепая и смешная, но красивая, — заметила одна из дам, поигрывая веером.

¹ Вероятно, имеется в виду охотничья собака ванзейский грифон. — *Примеч. ред.*

Анжелика подумала, уж не о ней ли идет речь. Почему они назвали ее смешной? Девочка внимательно пригляделась к ярким роскошным туалетам городских щеголих, отделанных тонким кружевом, и сочла свое серое платье неуместным в этой разноцветной толпе.

Барон Арман не разделял смущения дочери. Он нервничал из-за грядущего разговора с маркизом дю Плесси. Он хотел просить кузена о получении налоговых льгот на продажу четверти поголовья скота и на четверть всего добываемого свинца — это могло быть совсем не обременительно для столь родовитого благородного сеньора, каковым являлся ныне здравствующий барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу. Но несчастный барон понимал, что, проживая вдали от королевского двора, он стал таким же неотесанным, как простолюдин, и все эти надушенные господа в напудренных париках, трещавшие, словно попугаи, сильно смущали его. Он искренне сожалел об ушедших временах короля Людовика XIII, когда и нравы, и костюмы отличались большей скромностью. Прокладывая путь себе и следовавшей за ним Анжелике сквозь пеструю толпу, Арман де Сансе с грустью вспоминал о давно утерянных дружеских связях.

На невысоком помосте сидели музыканты, и их инструменты — виолы¹, лютни, гобои и флейты — издавали чарующие звуки. В большом зале, украшенном зеркалами, Анжелика заметила танцующих молодых людей. Ей очень захотелось узнать, есть ли среди них кузен Филипп.

Барон де Сансе, миновав анфиладу роскошных залов, снял старую шляпу с потрепанным пером и склонился в глубоком поклоне. Анжелика страдала. «При нашей бедности, — думала она, — положение может спасти лишь высокомерие». И вместо того, чтобы присесть в почтительном реверансе — перед отъездом тетушка Пюльшери заставила племянницу повторить его три раза, — она осталась гордо стоять, глядя перед собой, прямая, словно деревянная кукла. Лица окружавших ее людей расплывались, но девочка знала, что каждый из присутствующих, глядя на нее, умирает от желания расхохотаться.

Вдруг затянувшееся молчание, нарушавшееся лишь сдавленными смешками, прервал слуга, провозгласив:

¹ Старинное название виолы. — *Примеч. пер.*

— Господин барон де Ридуэ де Сансе де Монтелу.

Маркиза дю Плесси прикрыла веером красное от сдерживаемого смеха лицо, ее глаза сверкали. На помощь родственникам поспешил маркиз дю Плесси.

— Дорогой кузен, — воскликнул маркиз, — вы осчастливили нас тем, что так быстро откликнулись на наше приглашение, а также привели с собой вашу прелестную дочь. Анжелика, вы стали еще прекраснее с тех пор, как я видел вас в последний раз. Разве я не прав? Разве она не похожа на ангела? — спросил маркиз, оборачиваясь к жене.

— Вы совершенно правы, — ответила маркиза, обретая привычное хладнокровие. — В ином наряде она будет божественна. Садитесь вот на этот табурет, милочка, чтобы мы имели возможность любоваться вами.

— Кузен, — сказал Арман де Сансе, чей грубоватый голос звучал неуместно в этой изысканной зале, — я без отлагательства хотел бы побеседовать с вами о весьма важных делах.

Маркиз удивленно поднял брови.

— Что вы говорите? Я вас слушаю.

— Сожалею, но подобные дела могут обсуждаться лишь в приватной беседе.

Дю Плесси бросил на своего родственника одновременно покорный и насмешливый взгляд.

— Хорошо! Хорошо, кузен барон. Мы пройдем в кабинет. Дамы, соблаговолите нас извинить. До скорой встречи...

В ту секунду, когда маркиз повлек своего родственника из зала, один молодой сеньор в завитом парике, напудренный и даже с подведенными глазами повернулся и окликнул барона:

— Месье де Сансе!

И после того, как барон остановился:

— Вы по-прежнему охотитесь с местными чеглоками?

— Ни с чеглоками, ни с ястребами¹, — после секундного замешательства ответил барон. — Я вообще не охочусь, у меня нет времени.

¹ Шутка заключается в том, что слово *hobereau* означает и «мелкопоместный дворянин», и «чеглок» — *Примеч. пер.*

Должно быть, ответ Армана де Сансе сочли остроумным, потому что присутствующие рассмеялись и переключились на другую тему. Анжелика смысла шутки не поняла, но почувствовала, что гость намеревался оскорбить отца.

Усевшись на табурет, девочка почувствовала, что стала предметом пристального внимания окружающих дам. Но она уже взяла себя в руки, и страшное волнение, мешавшее дышать, постепенно прошло.

Теперь она ясно различала лица вокруг себя. Большая часть дам была ей незнакома. Но около маркизы она увидела очень красивую женщину, которую узнала по роскошной бело-розовой груди.

«Графиня де Ришвиль», — вспомнила Анжелика.

Платье графини, расшитое золотом и дополненное усыпанным бриллиантами пластроном, неопровержимо доказывало, сколь убогим и уродливым выглядело серое платье Анжелики. Дамы сверкали с головы до ног. К поясам их нарядов крепились разные безделушки: крошечные зеркала, черепаховые гребни, бонбоньерки и часы. Никогда Анжелика не сможет так нарядиться! Она никогда не сможет так высокомерно смотреть на окружающих, у нее никогда не получится говорить таким высоким и жеманным голосом, словно его обладательница постоянно сосет леденец.

— Дорогая, — сказала одна дама, — у нее дивные волосы, хотя совершенно неухоженные.

— А грудь для пятнадцати лет слишком худа.

— Но, дражайшая моя, мне кажется, ей всего лишь тринадцать.

— Хотите знать мое мнение, Анриетта? Ее уже не обтесать.

«Я что — мул, выставленный на продажу?» — удивилась Анжелика. Она была так изумлена, что даже не чувствовала себя униженной.

— Что вы хотите, — воскликнула графиня де Ришвиль, — у нее зеленые глаза, зеленые, словно изумруд, а такие глаза приносят несчастье.

— Весьма редкий оттенок, — возразила одна из жеманниц.

— В нем нет прелести. Только взгляните, какой тяжелый взгляд у этой девочки. Нет, как хотите, а я не люблю зеленые глаза.

«Они хотят отнять у меня мое единственное богатство — мои глаза и мои волосы?» — опешила Анжелика.

— Действительно, мадам, — неожиданно громко заявила девочка, — я нисколько не сомневаюсь, что голубые глаза отца настоятеля Ньельского аббатства намного нежнее моих... и приносят вам счастье, — чуть тише добавила она.

В комнате повисло гробовое молчание. Несколько задушенных смешков — и полнейшая тишина.

Дамы испуганно переглядывались, словно сомневались в том, что дерзкие слова произнесла эта бесстрастная девчонка. Пурпурная краска залила лицо графини де Ришвиль и уже подбиралась к ее роскошной груди.

— Я ее узнала! — воскликнула графиня.

И тут же прикусила губу.

Все ошеломленно смотрели на Анжелику. Маркиза дю Плесси, которая славилась злым язычком, опять прикрылась всером, чтобы скрыть душивший ее смех. Но теперь она пыталась спрятать неуместное веселье от своей соседки.

— Филипп! Филипп! — позвала маркиза, дабы скрасить неловкость. — Где мой сын? Месье де Бар, не считите за труд, позовите полковника...

Когда шестнадцатилетний полковник явился, она обратилась к сыну:

— Филипп, вот ваша кузина де Сансе. Пригласите ее танцевать. Компания молодых людей развлечет ее больше, чем наше скучное общество.

Не дожидаясь приглашения, Анжелика встала. Она злилась на себя за то, что так взволнована и не может заставить сердце биться чуть медленнее. Молодой сеньор смотрел на мать с неприкрытым негодованием. Казалось, он хотел сказать: «Как... как вы осмелились швырнуть меня в объятия этой безвкусно одетой девчонки?»

Но по выражениям лиц присутствующих Филипп догадался, что произошло что-то скандальное, и, протянув руку Анжелике, юноша одними губами произнес: «Пойдемте со мной, кузина».

Девочка вложила в открытую ладонь кузена свои крошечные пальчики, о красоте которых она даже не подозревала. В тишине Филипп довел кузину до входа в галерею, где пажи и молодые люди получили право резвиться, как им вздумается.

— Расступитесь! Расступитесь! — неожиданно выкрикнул юный полковник. — Друзья мои, я представляю вам баронессу Унылого Платья!

Раздался дружный хохот, и все устремились к вошедшей паре. Пажи были наряжены в забавные короткие штанишки с буфами, чулки и туфли на высоких каблуках, и с их тоненькими, еще детскими ножками напоминали неуклюжих цапель.

«Во всяком случае я в своем унылом платье не выгляжу такой смешной, как они со своими тыквами вокруг ляжек», — подумала Анжелика.

Она решила пожертвовать капелькой самолюбия, чтобы остаться рядом с Филиппом. Но один из пажей обратился к девочке:

— Вы умеете танцевать, мадемуазель?

— Немного.

— Правда? И какие же танцы вы знаете?

— Бурре, ригодон, могу водить хоровод...

— Ха! Ха! Ха! — так и прыснули молодые люди. — Филипп, что за птицу ты нам привел! Месье, месье, давайте тянуть жребий! Кто будет танцевать с этой крестьяночкой? Среди нас есть любители бурре? Пуф-пуф-пуф!

Анжелика вырвала ладошку из руки Филиппа и бросилась прочь.

Она пересекла огромную гостиную, переполненную прислужкой и знатными сеньорами, зал с мозаичным полом, в котором на бархатных подушках дремали породистые псы. Она искала отца, а еще не хотела дать волю слезам. Не стоит обращать внимания на происходящее. Оно тоже превратится в воспоминание, которое надо будет стереть из памяти, словно безумный причудливый ночной кошмар. Каждый сверчок должен знать свой шесток! За последнее время Анжелика внимательно слушала наставления тетушки Пюльшери и теперь решила, что она понесла справедливое наказание за гордыню, которую всколыхнула в ее душе лестное предложение маркизы дю Плесси.

Наконец, она оказалась около небольшой удаленной комнаты, из-за двери которой доносился резкий голос маркиза.

— Вовсе нет, вовсе нет! Вы совершенно ничего не понимаете, мой бедный друг, — сокрушенно повторял дю Плесси. — Вы почему-то

решили, что нам, придворным, легче легкого добиваться милостей, получать льготы. Но на самом деле ни я, ни даже принц Конде не способны вам помочь.

— Я всего лишь прошу вас замолвить за меня слово суперинтенданту финансов, месье де Треману, которого вы знаете лично. В этом деле у него есть свой интерес. Он освободит меня от всех налогов и от дорожных пошлин на пути от Пуату до океана. Эти льготы будут распространяться только на четверть поголовья моих мулов и четверть добытого свинца. Зато королевское военное интендантство сможет покупать оставшихся мулов по строго фиксированным ценам, а королевское казначейство на тех же условиях сможет пополнить запасы свинца и серебра. Государству выгодно обзавестись надежными поставщиками французского происхождения, вместо того чтобы покупать металлы за границей. Мои мулы красивы и выносливы, они смогут тянуть тяжелые пушки...

— От ваших слов несет дымом и потом, — возразил маркиз и, морщась, прикрыл рукой нос. — Я спрашиваю себя, как долго вы еще намерены нарушать традиции, забывать о своем высоком звании дворянина и пускаться в авантюры, которые сильно смахивают — не побоюсь употребить это слово — на торговлю.

— Торговля или нет, но мне надо как-то жить, — возразил Арман де Сансе с упорством, вызвавшим горячее одобрение Анжелики.

— А я, — вскричал маркиз, вздевая руки к небесам, — вы полагаете, что у меня нет никаких трудностей в жизни? Эх! Но знайте, что до конца дней моих я никогда не соглашусь опозорить дворянский титул, предаваясь занятиям, достойным лишь простолюдинов.

— Кузен, ваши доходы нельзя сопоставить с моими. Если быть откровенным, то я влачу нищенское существование, хоть с точки зрения короля, который отказывает мне в помощи, хоть с точки зрения ростовщиков из Ньюра, которые беспрестанно мучают меня.

— Знаю, знаю, мой славный Арман. Но вы никогда не задумывались о том, каким образом свожу концы с концами я, знатный сеньор, обладающий двумя значительными должностями при королевском дворе? Не задумывались, я уверен! Так вот, я открою вам секрет: мои расходы во много раз превышают доходы. Известно, что с теми деньгами, что мне приносит поместье Плесси, а также

поместье моей супруги в Турене, и мои должности, во-первых, офицера королевской спальни, — а это приблизительно сорок тысяч ливров — и, во-вторых, командующего объединенным лагерем бригады Пуату, мой средний доход составляет сто шестьдесят тысяч ливров...

— Я бы довольствовался десятой частью этой суммы, — прервал его барон.

— Секундочку, мой деревенский кузен. Итак, я имею сто шестьдесят тысяч ливров дохода. Но траты жены, полк сына, содержание моего особняка в Париже и аренда дома в Фонтенбло, мои поездки вслед за двором, который постоянно куда-то переезжает, проценты по займам, торжественные приемы, гардероб, экипажи, прислуга и так далее, и так далее — на это уходят триста тысяч ливров расходов.

— Стало быть, каждый год ваш чистый убыток составляет сто сорок тысяч ливров?

— Вы сами назвали цифру, кузен. И если я позволил себе перечислить все эти скучнейшие цифры, кузен, то лишь затем, чтобы вы поняли положение вещей и не сердились, когда я скажу вам, что в настоящее время не имею возможности обратиться к месье де Треману, суперинтенданту финансов нашей провинции.

— Однако вы знаете его лично.

— Знаю, но я с ним больше не встречаюсь. Я уже устал повторять вам, что месье де Треман верно служит королю и регентше, более того, он предан Мазарини.

— Отлично! Именно по этой причине...

— Именно по этой причине мы и не видимся. Разве вы не знаете, что принц Конде, которому я предан всей душой, рассорился с королевским двором?..

— Откуда же мне это знать? — воскликнул изумленный Арман де Сансе. — Мы виделись с вами всего несколько месяцев тому назад, и тогда у вдовствующей королевы не было более верного слуги, чем господин принц.

— Ах! Время летит так быстро, — удрученно вздохнул маркиз дю Плесси. — Я могу изложить вам все прошедшие события лишь вкратце. Вам следует знать, что если королева, оба ее сына и чертов красный кардинал и смогли вернуться в Париж, в Лувр, то исклю-

чительно благодаря господину де Конде. Этот великий человек считывал на заслуженную благодарность, а подвергся невиданным унижениям. Ему было отказано в должности правителя Гиени, его брату Конти — в должности правителя Прованса, а Ларошфуко не получил в свое распоряжение Блайе, а ведь именно он помог бежать из Шантийи, где их держали, супруге и сыну принца. Более того, самого принца на некоторое время бросили в тюрьму. Согласитесь, это уже слишком. С той поры господин принц стал ярким противником Мазарини и всех, кто его поддерживает. Когда господин де Марсийак прибыл в Пуату на похороны отца, он созвал дворян провинции, дабы уговорить их присоединиться к Фронде и поддерживать партию Гастона Орлеанского. И кстати, почему вы, высокородный дворянин, не откликнулись на его призыв?..

— Я? — вскричал перепуганный Арман де Сансе.

— А почему бы и нет?! Вот как обстоят дела. Жалкий королевский двор находится в состоянии войны с лучшими людьми королевства. Принц заинтересовался предложениями Испании. Он прибыл в мой замок именно для того, чтобы досконально их изучить.

— Предложения Испании?! — тупо повторил барон Арман.

— Да. Строго между нами, а я доверяю вашей чести дворянина, скажу, что король Филипп IV Испанский даже решился предоставить нашему прославленному генералу, так же как и месье де Тюренну, по десяти тысячной армии.

— Для чего?

— Чтобы ослабить регентшу, но главное — для того, чтобы ниспровергнуть этого вору кардинала, который, к счастью, сейчас подался в бега! При поддержке испанских армий господин де Конде войдет в Париж, и тогда Гастон Орлеанский, то есть Месье, брат покойного короля Людовика XIII, будет провозглашен королем. Монархия будет спасена и наконец избавится ото всех этих женщин, детей и позорящих ее иностранцев. И вот я вас спрашиваю, что мне делать в свете таких великодушных планов? Чтобы продолжать вести тот образ жизни, о котором я только что рассказывал, я не могу посвятить себя заведомо гиблому делу. Потому что народ, парламент, королевский двор — все ненавидят Мазарини. А королева продолжает за него цепляться и никогда от него не откажется.

Рассказать вам, как живет королевский двор и маленький король последние два года? Это неописуемо! Их можно сравнить с цыганами: постоянные бегства, возвращения, споры, войны... Это уже чересчур. Партия короля Людовика XIV проиграна. К этому я добавляю, что дочь Гастона Орлеанского, мадемуазель де Монпансье — вы знаете эту высокую девицу, предпочитающую изъясняться высоким слогом, — яростная фрондерка. Год назад она уже сражалась бок о бок с бунтовщиками. И она мечтает снова вступить в бой. Моя жена ее обожает, и мадемуазель де Монпансье отвечает ей взаимностью. Но на этот раз я не оставляю Алису, не позволю ей стать по другую сторону баррикад. Подпоясываться голубым шарфом и втыкать в шляпу сухие колосья — все это милейшая игра, если только она не приводит к семейным распрям. Увы, такой уж у Алисы характер, она всегда «против». Она против привычных подвязок и за шелковые ленты на чулках, против челок и за открытый лоб и так далее. Большая оригиналка, знаете ли! В настоящее время она против Анны Австрийской, потому что та изволила заметить, что пастилки, которыми пользуется моя жена, дабы освежить дыхание, напоминают слабительные пилюли. Алиса утверждает, что нет такой силы, которая была бы способна вернуть ее ко двору, где маркиза отчаянно скучает среди набожности королевы и «подвигов» маленьких принцев. Значит, я последую за женой, если она не желает следовать за мной. Я питаю к ней слабость, потому что нахожу, что моя супруга весьма пикантна и обладает некоторыми талантами в любовных утехах, которые меня пленяют... в конце концов, Фронда — отличное развлечение

— Уж не хотите ли вы сказать, что и месье де Тюренн, он тоже... — пробормотал Арман де Сансе, которому показалось, что мир вокруг него пошатнулся.

— О! Месье де Тюренн! Месье де Тюренн! Он как все. Так же не любит, когда недооценивают его службу и преданность. Для своей семьи он просил Седан. Ему отказали. Как водится, он осерчал. Кажется, он уже принял предложение короля Испании. А вот принц Конде не любит спешки. Чтобы прийти к окончательному решению, он ждет новостей от своей сестры, герцогини де Лонгвиль, отправившейся вместе с принцессой Конде поднимать Нормандию. Надо заметить, что сейчас здесь находится герцогиня де Бофор, чья

красота не оставила принца равнодушным... И на сей раз наш великий герой не жаждет побыстрее уехать на войну. Вы бы его простили, если бы увидели эту богиню. Дорогой мой, какая у нее кожа!..

Анжелика стояла, вжавшись в стену. Она издали видела, как отец вытащил огромный платок и вытер им лоб. «Он ничего не получит, — подумала девочка, и ее сердце болезненно сжалось. — Какое им дело до наших мулов и добычи свинца?»

Горло Анжелики перехватило от подступающих рыданий. Чтобы не слышать продолжения разговора, она снова выскочила в парк, окутанный голубыми сумерками. Из залов по-прежнему доносились мелодичные звуки скрипок и гитар, лакеи расставляли подсвечники. Слуги вставали на скамеечки, чтобы зажечь свечи, укрепленные в стенах напротив зеркал, множивших их отражения.

«Надо же, — размышляла Анжелика, медленно вышагивая по аллее, — мой бедный отец еще мучился из-за предложения Молина продавать мулов воюющей с нами Испанией. Измена?.. Да этим принцам трижды плевать на все измены, хотя они живут только благодаря монархии. Неужели они действительно задумали свергнуть короля?»

Девочка обогнула замок и оказалась у подножия той стены, по которой она так часто карабкалась, чтобы полюбоваться сокровищами волшебной комнаты. Место было пустынным, потому что пары, пока не укрупнившись от холодного осеннего тумана, прогуливались по лужайкам перед парадным фасадом дворца.

По привычке Анжелика скинула туфли и, хотя длинное платье ей мешало, взобралась на карниз второго этажа. Стало совсем темно. Никто снизу не мог бы заметить съезжившуюся фигурку, притаившуюся в тени маленькой башенки, украшавшей правое крыло здания.

Окно было открыто, и Анжелика заглянула в него. Она догадалась, что комната распахнула свои двери гостям: впервые она видела, чтобы покои озарял золотистый свет масляного ночника. Приглушенное сияние лампы придавало еще больше таинственности великолепной мебели и гобеленам. Вкрапления перламутра в комоды из эбенового дерева сверкали, словно снежные кристаллы.

Вдруг, глянув в сторону высокой кровати с балдахинном, Анжелика решила, что картина с олимпийскими богом и богиней ожила.

Два белых обнаженных тела сплелись в объятиях среди скомканных простыней, кружева которых свисали до пола. Они сплелись настолько тесно, что сначала Анжелика решила, что видит дерущихся подростков, сражение двух воинственных бесстыжих пажей. Лишь мгновение спустя она догадалась, что это мужчина и женщина.

Темная кудрявая шевелюра мужчины почти полностью закрывала женское лицо; казалось, его длинное мощное тело вот-вот раздавит хрупкую любовницу. Но мужчина двигался мягко, ритмично, подчиняясь сладострастному порыву, и блики ночника подчеркивали игру его великолепных мускулов.

Женщина была почти скрыта его могучим телом, и Анжелика смогла разглядеть только стройную ногу, прижатую к торсу возлюбленного, ее роскошную грудь, сжатую сильной ладонью, и тонкую белую руку.

Эта рука, словно бабочка, порхала вдоль тела мужчины, будто машинально поглаживая бок партнера, а потом вдруг безвольно падала, вытягивалась вдоль края кровати ладонью вверх, и тогда из-под шелкового полога доносился протяжный стон. В минутной тишине Анжелика слышала лишь дыхание любовников, сливавшееся в одно, и это дыхание все учащалось и учащалось, напоминая жгучие порывы яростного ветра. Внезапно буря стихала, и снова раздавался жалобный стон женщины, вытянувшейся на постели, а ее ослабевшая рука опускалась на белую простыню, как срезанный цветок.

Увиденное настолько потрясло Анжелику, что девочка испытывала почти физическую боль и одновременно ощущала смутный восторг. Она так часто любовалась картиной с нарисованным Олимпом, восторгалась ее первозданной свежестью и величественным порывом, что подсмотренная ею сцена, смысл которой не ускользнул от маленькой, но искушенной деревенской жительницы, показалась ей очень красивой. «Так вот она какая — любовь», — подумала Анжелика, и по ее телу пробежала дрожь сладкого ужаса.

Наконец, тела любовников расплелись. Теперь они отдыхали, лежа бок о бок, словно бледные надгробные изваяния во тьме крипты. Их томное дыхание стало тихим, как будто к влюбленной паре на цыпочках подкрадывался сон. Они молчали. Первой пошевелилась женщина. Она протянула белую руку к прикроватному столику и дотро-

нулась до графина, в котором искрилось темное рубиновое вино. С уст дамы сорвался слабый, наполненный легкой грустью смешок.

— О, дорогой, я совсем лишилась сил, — прошептала она. — Нам просто необходимо отведать этого руссильонского вина, которое принес ваш предусмотрительный слуга. Наполнить вам кубок?

Из глубины алькова раздалось невнятное ворчание мужчины, которое можно было принять за согласие. Дама — к ней уже вернулись жизненные силы — разлила вино по бокалам, протянула один из них любовнику, а второй с жадностью осушила сама.

Неожиданно Анжелика подумала, что хотела бы оказаться там, в уютном тепле огромной кровати, вот так же расслабленно лежать обнаженной, смакуя согревающее вино юга Франции. «Это шодо принцев», — решила девочка. Она не испытывала ни тени смущения. Теперь женщина предстала во всей своей красоте, и Анжелика искренне восхищалась ее великолепной грудью, чью округлость подчеркивали сиреневатые соски, ее плоским животом, длинными скрещенными ногами. На подносе, стоящем у кровати, лежали фрукты. Женщина выбрала персик и вонзила в него жемчужные зубы.

— Чума на их головы! — воскликнул мужчина, ловко перескочил через любовницу и оказался на ногах.

Анжелика, не слышавшая стука в дверь, решила, что ее разоблачили, и вжалась в стену ни жива, ни мертва. Когда она снова осмелилась заглянуть в окно, то увидела, что «бог» облачается в широкий коричневый халат и подпоясывается серебряным витым шнуром. Лицо мужчины, которому на вид можно было дать лет тридцать, оказалось не таким красивым, как его тело: впечатление портили слишком длинный нос и жестокие глаза, придававшие ему некоторое сходство с хищной птицей.

— Я здесь с герцогиней де Бофор, — крикнул он, повернувшись к двери.

Глава 11

Ларец с ядом. — Анжелика беседует с принцем Конде

Несмотря на прозвучавшее предупреждение, на пороге появился слуга.

— Пусть Его Высочество соизволит простить меня. В замок только что прибыл некий монах, он настаивает, чтобы господин де Конде принял его лично. Маркиз дю Плесси счел необходимым незамедлительно послать меня к Его Высочеству.

— Пусть войдет, — процедил принц после минутного молчания.

Он подошел к секретеру из эбенового дерева, стоявшему у окна, и открыл несколько ящиков.

В глубине комнаты в сопровождении лакея возникло новое действующее лицо — монах в рясе и надвинутом капюшоне. Он отвесил несколько низких поклонов, демонстрируя изрядную гибкость позвоночника.

Наконец, монах разогнулся и поднял смуглое лицо, на котором выделялись миндалевидные томные черные глаза.

Появление духовной особы, казалось, нисколько не смутило женщину, по-прежнему лежавшую на постели. Она продолжала беззаботно вкушать роскошные плоды. Дама удосужилась лишь прикрыть обнаженное лоно легкой простышкой.

Ее темноволосый любовник склонился к секретеру и достал из него несколько больших конвертов, запечатанных красным сургучом.

— Отец мой, — заговорил он, не поворачивая головы, — вас послал ко мне месье Фуке?

— Именно он, монсеньор.

И монах добавил несколько слов на певучем языке, который Анжелика приняла за итальянский. На французском языке святой отец изъяснялся с легким акцентом, смешно и как-то по-детски озвончая буквы, что, впрочем, лишь наделяло его речь особым шармом.

— Можете не утруждать себя произнесением пароля, синьор Эксили, — сказал принц Конде, — я узнал вас по приметам и синеватой отметине в уголке глаза. Так, значит, вы и есть самый умелый мастер Европы, в совершенстве постигший трудную и изощренную науку о ядах?

— Ваше Высочество мне льстит. Я всего лишь усовершенствовал несколько рецептов, которые завещали мне флорентийские предки.

— Италия славится талантами во всех областях искусства и науки, — воскликнул Конде и разразился громовым смехом, после чего его лицо вновь застыло.

— Надобная мне вещь при вас?

— Вот она.

Из широкого рукава рясы капучин извлек резную шкатулку. Он открыл его, нажав на один из деревянных завитков.

— Взгляните, монсеньор, достаточно надавить ногтем на основание шеи этого очаровательного персонажа, на деснице которого восседает голубь.

Крышка шкатулки откинулась. На атласной подушечке поблескивал стеклянный сосуд, наполненный изумрудной жидкостью. Принц Конде осторожно взял флакон и поднес его к свету.

— Римский купорос¹, — тихо промолвил отец Эксили. — Состав действует медленно, но верно. Я предпочел его сулеме, которая может вызывать смерть всего за несколько часов. Руководствуясь указаниями месье Фуке, я решил, что и вы сами, и ваши друзья

¹ Римский, или железный, купорос, сульфат железа. Применяют в минимальных дозах в качестве лекарственного препарата для лечения железодефицитной анемии. Опасен при попадании на кожу и слизистые. При попадании в организм человека оказывает общетоксическое действие, вызывает желудочно-кишечные расстройства. Способен накапливаться в организме, занимает одно из ведущих мест по количеству медикаментозных отравлений. — *Примеч. ред.*

не хотите, чтобы кто-нибудь из окружения известной персоны сразу же заподозрил неладное. Этот яд разъедает организм не меньше недели, и смерть будет выглядеть естественной. Ее будут сопровождать боли и воспаление желудка, словно человек переел несвежей дичи или какой-то другой испорченной еды. Было бы неплохо подать к столу этого господина мидий, устриц или другие морепродукты, которые часто приводят к отравлениям. Свалить на них внезапную смерть не составит труда.

— Благодарю вас за бесценные советы, отец мой.

Конде по-прежнему, не отрываясь, смотрел на бледно-зеленый флакон, и в его взгляде светилась ненависть. Анжелика испытала острое разочарование: бог любви, спустившись на землю, утратил былую красоту и сейчас внушал ужас.

— Им следует пользоваться чрезвычайно осторожно. Чтобы изготовить яд, мне приходилось надевать стеклянную маску. Одна капля, попавшая на кожу, способна породить страшную язву, которая в итоге разъест все ваши органы. Если вы не сможете сами подмешать это снадобье в блюдо известной персоны, то поручите это слуге, который отличается ловкостью и твердой рукой.

— Мой слуга, приведший вас сюда, — человек, достойный доверия. Мне удалось сделать так — и сейчас я готов себя с этим поздравить, — что особа, о которой идет речь, его не знает. Я полагаю, будет нетрудно ввести его в окружение того, кто нам нужен.

Принц бросил насмешливый взгляд на монаха, которого значительно превосходил в росте.

— Думается, что раз вы посвятили свою жизнь подобному искусству, то не страдаете излишней щепетильностью, сеньор Эксили. Что бы вы подумали, если бы я признался вам, что этот яд предназначается одному вашему соотечественнику, итальянцу из Абрुцци?

Улыбка коснулась тонких губ Эксили. Он снова поклонился.

— Я считаю своими соотечественниками только тех, кто может по достоинству оценить мои услуги, монсеньор. А в данный момент месье Фуке из Парижского парламента проявляет большую щедрость, чем некий итальянец из Абрुцци, которого я тоже знаю.

Конде вновь разразился смехом.

— Браво, bravissimo, сеньор! Люблю вести дела с людьми вашего склада.

Принц осторожно водрузил флакон обратно на атласную подушечку. В комнате повисло молчание. Сеньор Эксили с удовлетворением, к которому примешивалась доля тщеславия, разглядывал свое творение.

— Добавляю, монсеньор, что у этого снадобья есть еще неоспоримые преимущества: оно не имеет ни запаха, ни вкуса. Оно не портит вкус продуктов, с которыми смешивается, и даже самая привередливая особа, уделяющая самое пристальное внимание своей пище, вряд ли сможет упрекнуть повара за то, что он переборщил с пряностями.

— Вы незаменимый человек, — задумчиво проговорил принц.

Он несколько нервным жестом собрал с поверхности секретера запечатанные конверты.

— Вот что вы должны вручить месье Фуке в обмен на его посылку. Этот конверт содержит заявление маркиза д'Окенкура. Вот заявления месье де Шаро¹, месье дю Плесси, мадам дю Плесси, мадам де Ришвиль, герцогини де Бофор, мадам де Лонгвиль. Как видите, дамы менее ленивы... или менее щепетильны, чем мужчины. Пока недостает писем от месье де Мопеу, от маркиза де Креди и от некоторых других господ...

— А также вашего, монсеньор.

— Что правда, то правда. Впрочем, вот оно. Я его как раз закончил и еще не успел подписать.

— Ваше Высочество окажет величайшую любезность и позволит мне прочесть текст, чтобы я смог пункт за пунктом проверить составленное соглашение? Месье Фуке настаивает на том, чтобы была учтена каждая мелочь.

— Будь по-вашему, — сказал принц, пожав плечами.

Он взял листок бумаги и вслух зачитал:

«Я, Людовик II, принц Конде, заверяю монсеньора Фуке, что всегда буду верен только ему одному, что буду подчиняться ему и никому

¹ Вероятно, имеется в виду Луи Бетюн Шаро (1605—1681), капитан королевской гвардии, ставший впоследствии герцогом. — *Примеч. ред.*

другому, без исключений, что именно в его распоряжение я буду представлять все мои земли, мои укрепления и прочая, когда он только прикажет. В подтверждение чего я прилагаю настоящий документ, написанный и подписанный моей рукой, по доброй воле, без принуждения с его стороны, поскольку месье Фуке был настолько любезен, что доверился лишь моему слову, которое я и подтверждаю. Письмо написано...». Соответственно, дата может быть неточной, чтобы сбить со следа ищсек...

— Подпишите, монсеньор, — напомнил отец Эксили, и глаза в тени капюшона блеснули.

Словно торопясь поскорее разделаться с неприятным делом, Конде взял с секретера отточенное гусиное перо. Пока принц ставил свою подпись, монах разжег огонь в маленькой переносной жаровне из позолоченного серебра. Конде расплавил на нем красный воск и запечатал послание одним из своих массивных колец.

— Все остальные заявления написаны по этому же образцу и подписаны соответствующим образом, — сообщил вельможа. — Полагаю, что ваш хозяин будет удовлетворен и не преминет нам это доказать.

— Будьте в этом уверены, монсеньор. Но я не могу покинуть замок, пока не получу послания от персон, которых вы упомянули.

— Я сделаю все возможное, чтобы они были у вас на руках завтра до полудня.

— В таком случае до сего момента я останусь под крышей этого гостеприимного дома.

— Наша подруга, маркиза дю Плесси, проследит за тем, чтобы вас устроили самым подходящим образом, сеньор. Я pošлю слугу предупредить ее о вашем визите.

— Полагаю, что из предосторожности разумнее всего спрятать письма в ларце, который я вам только что вручил. Непосвященный не сможет его открыть, и там они будут надежно укрыты от нескромных взоров.

— Вы правы, сеньор Эксили. Слушая вас, я начинаю понимать, что заговор — это тоже искусство, которое требует большого опыта и практических навыков. А я всего лишь воин, и не скрываю этого.

— Прославленный воин, — воскликнул итальянец, склоняясь в поклоне.

— Вы мне льстите, святой отец. Но признаюсь, я хотел бы, чтобы монсеньор Мазарини и Ее Величество королева разделяли вашу точку зрения. Как бы то ни было, я верю, что военная тактика, хотя она много грубее и масштабнее, в чем-то схожа с вашими изощренными интригами. В обоих случаях следует предусмотреть все возможные маневры и ходы противника.

— Монсеньор, вы рассуждаете так, как если бы учились у самого Макиавелли.

— Вы мне льстите, — повторил принц.

Но при этом просиял.

Эксили помог принцу приподнять атласную подушечку, чтобы спрятать под нее компрометирующие письма. Затем шкатулку убрали в секретер.

Стоило итальянцу уйти, как Конде, словно любопытный ребенок, вытащил шкатулку из секретера и снова открыл ее.

— Покажи, — прошептала женщина, протягивая руку к ларцу.

Во время беседы мужчин она делала вид, что увлечена кольцами, примеряя их то на один, то на другой палец. Но было очевидно, что она не пропустила ни единого слова из разговора.

Конде подошел к постели, и оба любовника склонились к изумрудному флакону.

— Ты веришь, что он действительно так опасен, как утверждает итальянец? — прошептала герцогиня де Бофор.

— Фуке уверяет, что нет более умелого аптекаря, чем этот флорентиец. В любом случае без Фуке нам не обойтись. Это он в прошлом апреле выдвинул в Парижском парламенте идею испанского вмешательства. Вмешательство никому не понравилось, но оно позволило ему наладить контакт с Его Католическим Величеством. Я смогу собрать армию лишь с его помощью.

Дама откинулась на подушки.

— Таким образом, можно считать, что монсеньор Мазарини уже мертв, — медленно произнесла она.

— Да, потому что именно его смерть я сейчас держу в своих руках. И эта смерть найдет его, где бы он ни находился.

— Но так ли это необходимо, если кардинал пустился в бега?..

— Он вернется. Мы еще не покончили с чертовым итальянцем.

— Однако ведь это он, проезжая через Гавр, выпустил вас на свободу?

— Да! И именно этот поступок вызывает у меня особое недоверие. Он освободил меня, чтобы я понял, что королева-мать никогда от него не откажется, что я никогда не смогу управлять королевством вместо него. В итоге мы возвращаемся к тому, с чего начали: или он, или я.

И принц снова рассмеялся, на сей раз саркастически.

— Как только он вернется, начнем действовать. Мои шпионы уверены, что ждать осталось недолго.

Дама по-прежнему была погружена в свои мысли. Она задумчиво произнесла:

— Разве люди не судачат о том, что время от времени королева-мать разделяет трапезу с тем, кого она так страстно любит?

— Да, говорят, — согласился Конде после минутного молчания. — Но я не разделяю ваших планов, моя милая. Я думаю об ином, более эффективном и надежном маневре. Кем станет королева-мать без своих сыновей?.. Испанка будет вынуждена удалиться в монастырь, чтобы оплакивать детей...

— Отравить короля? — вздрогнув, воскликнула герцогиня.

Принц весело расхохотался. Он вернулся к секретеру и спрятал шкатулку.

— Вот они — женщины! — вскричал вельможа. — Король! Вы тут же становитесь мягкими, как воск, всего лишь потому, что речь идет о красивом ребенке, который, правда, уже подвержен юношеским метаниям и в последнее время смотрит на вас глазами преданного пса. Для вас — король, для меня — досадная помеха, способная разрушить наши планы. А его брат, Маленький Месье, — это всего лишь сбившийся с пути мальчишка, он уже сейчас получает удовольствие, наряжаясь в девичьи наряды и позволяя мужчинам себя ласкать. Его еще труднее представить на троне, чем вашего венценосного девственника. Нет, поверьте мне, в лице принца Орлеанского, настолько же легкомысленного и беспутного, насколько серьезным и аскетичным был его брат Людовик XIII, мы получим

именно того короля, который нам нужен. Он богат и слабохарактерен. Разве можно желать лучшего?

— Дорогая, — продолжил Конде, закрывая секретер и пряча ключ в карман широкого халата, — я полагаю, что нам следует появиться перед гостями. Скоро подадут ужин. Быть может, вы хотите, чтобы я позвал вашу горничную Манон?

— Буду вам безмерно признательна, мой дорогой сеньор.

Анжелика, все тело которой затекло, отшатнулась от окна. Она думала, что отец, должно быть, давно ищет ее, но не решалась покинуть карниз. В комнате принц и его любовница, окруженные многочисленной челядью, облачались в роскошные наряды, из покоев доносились шуршание ткани и отрывистые ругательства нетерпеливого монсеньора. Когда Анжелика отводила глаза от освещенного прямоугольника открытого окна, то видела вокруг себя лишь непроницаемую темноту ночи. Ветер доносил до нее ласковый шепот близкого леса.

Наконец комната опустела. В ней по-прежнему светился ночник, но комната вновь обрела былую таинственность.

Девочка медленно приблизилась к окну и проскользнула в пустой покой. Здесь запах пудры и духов странным образом смешивался с ароматами ночи — с благоуханием влажной древесины, мхов и спелых каштанов. Анжелика еще не слишком хорошо осознала, что собирается сделать. Ее могли застать на месте преступления, но она не чувствовала страха. Все это было лишь сном. Как бегство в Америку, как безумная дама из Монтелу, преступления Жия де Реца...

Проворно вытащив из кармана широкого халата, брошенного тут же на стуле, маленький ключ от секретера, Анжелика открыла ящик и достала шкатулку. Она была сделана из сандалового дерева и испускала резкий пряный запах. Вновь заперев секретер и положив ключ на место, Анжелика вернулась на карниз, держа ларец под мышкой. Вдруг ей стало весело. Она представила себе, какое лицо будет у принца Конде, когда тот обнаружит исчезновение яда и компрометирующих писем.

«Это не кража, — успокаивала себя девочка, — я должна предотвратить преступление».

Анжелика уже знала, в каком тайнике спрячет свою «добычу». Угловые башенки, которые итальянский архитектор расположил по четырем сторонам величественного замка, выполняли исключительно декоративную функцию, но они были снабжены миниатюрными зубцами и машикулями, дабы имитировать воинственный дух средневековых построек. Кроме того, внутри они были полыми, и в каждой имелось маленькое слуховое окошко.

Анжелика спрятала шкатулку в самой близкой к ней башенке. Надо быть самым дьяволом, чтобы догадаться искать ее здесь!

Девочка ловко спустилась по фасаду и спрыгнула на землю. Только сейчас она заметила, что ее босые ноги совсем заледенели.

Поспешно обув старенькие туфли, Анжелика вернулась в замок.

* * *

К этому времени все гости уже собрались в просторных залах замка. Слишком темная и туманная ночь никого не вдохновляла на прогулки.

Стоило Анжелике переступить порог вестибюля, как аппетитные запахи кулинарных изысков защекотали ей нос. Она увидела целую процессию маленьких слуг в ливреях, которые с самым серьезным видом несли огромные серебряные подносы. Мимо нее проплыли фазаны и бекасы, украшенные собственными перьями, молочный поросенок, увенчанный цветами, словно юная невеста, отменные куски мяса косули, возлежащие на подушках из артишоков и веточек укропа. Из залов и галерей доносился перезвон фарфяса и хрустала, — все гости уже собрались вокруг небольших столов, накрытых кружевными скатертями и расставленных с большим изяществом по всем помещениям дворца. За каждым столом сидело около десяти человек.

Остановившись у дверей большого зала, Анжелика увидела принца Конде, восседавшего в окружении маркизы дю Плесси, герцогини де Бофор и графини де Ришвиль. За столом принца также ужинали маркиз дю Плесси, его сын Филипп и еще несколько дам и молодых сеньоров. Среди изобилия кружев, лент и драгоценных тканей, расшитых золотом и серебром, бросалась в глаза темно-коричневая ряса итальянца Эксили. Если бы барон де Сансе присут-

ствовал среди пирующих, он бы тоже выделялся монастырской строгостью наряда. Но сколько Анжелика ни вглядывалась, она не заметила в зале отца.

Вдруг один из пажей, проходивший мимо девочки с кувшином из позолоченного серебра, узнал ее. Этот был тот молодой человек, что жестоко высмеял ее, услышав, что она умеет танцевать бурре.

— А! Вот и баронесса Унылого Плата! — засмеялся юноша. — Чего изволите выпить, Нанон? Яблочного пикета или доброй простокваши?

Анжелика показала нахалу язык и, оставив его в некотором смущении, продолжила свой путь к столу принца.

— Господи, кто это к нам пожаловал? — воскликнула герцогиня де Бофор.

Маркиза дю Плесси проследила за взглядом соседки и, увидев Анжелику, вновь призвала на помощь сына:

— Филипп! Филипп, друг мой, будьте так добры, отведите вашу кухню де Сансе к столу фрейлин.

Подросток поднял на Анжелику угрюмый взгляд голубых глаз.

— Вот табурет, — сообщил он, указывая на свободное место рядом с ним.

— Не сюда, Филипп, не сюда. Вы ведь оставили это место специально для мадемуазель де Санли.

— Мадемуазель де Санли могла бы поторопиться. Когда она присоединится к нам, то увидит, что ей нашлась достойная замена, — отрезал Филипп, и его губы искривились в мимолетной ироничной усмешке.

Соседи юноши расхохотались.

Анжелика уселась на указанное место. Она зашла чересчур далеко, чтобы отступать. Маленькая дворянка не осмеливалась спросить, где ее отец. От яркого света, отражавшегося в бокалах, графинах, столовом серебре и бриллиантах дам, она почти ослепла и почувствовала головокружение. Но вместо того, чтобы стусеваться, она гордо выпрямилась, выпятила грудь и отбросила на спину тяжелое золото волос. Анжелике показалось, что некоторые сеньоры бросают на нее взгляды, не лишённые интереса. Сидевший напротив незваной гостьи принц Конде, по-прежнему напоминавший

хищную птицу, несколько секунд с высокомерным вниманием разглядывал маленькую дворянку.

— Черт возьми, а у вас странные родственники, месье дю Плесси. Что это за серая уточка?

— Наша юная провинциальная кузина, монсьеюр. Ах! Посочувствуйте мне! Сегодня вечером в течение двух часов, вместо того чтобы наслаждаться игрой музыкантов и прелестными речами дам, я был вынужден слушать просьбы ее отца-барона, и я до сих пор чувствую на своем лице его дыхание. Как тут ни вспомнить слова нашего поэта-циника Аржантёя: *«Я, не соврав, скажу, что мертвеца зловонное дыхание, И даже запах ямы выгребной не причинит вам столько же страданья!»*

Раздался взрыв подобострастного смеха.

— И знаете, что он у меня просил? — продолжил маркиз, жеманно прикрывая глаза рукой. — Держу пари, вы не догадаетесь! Чтобы я избавил его от налогов на каких-то там мулов из его конюшни, а также на производство — оцените это слово! — свинца, который, как уверяет барон, лежит у него прямо в слитках под грядками на огороде. Никогда в жизни не слыхивал подобного вздора.

— Чума на головы этих мелких помещиков! — проворчал принц. — Своими грубыми замашками они позорят наши гербы.

— А еще эти дворянчики позорят нас, выезжая на охоту с жалкими чеглоками. Наши деревенские кузены пытаются подражать благородной соколиной охоте, слишком дорогостоящей для них. Вот откуда взялось привязавшееся к ним прозвище «дворянчик-чеглок».

«А! Так вот о чем шла речь, — подумала Анжелика. — Значит, они — великолепные соколы, а мы — никчемные маленькие чеглоки».

Дамы задыхались от смеха.

— Вы видели облезлое перо у него на шляпе?

— А его башмаки, на их каблуки налипла солома!..

Сердце Анжелики билось столь неистово, что ей казалось, что сидящий рядом Филипп должен слышать его стук. Она взглянула на него и встретилась с холодным взглядом голубых глаз. Но в этом взгляде промелькнуло какое-то странное выражение. «Я не могу

позволить всем этим людям оскорблять моего отца», — подумала Анжелика.

Она побледнела, как полотно, и вдруг вспомнила алый румянец, заливавший несколькими часами ранее лицо графини де Ришвиль, когда ее, Анжелики, уверенный голос нарушил звенящую тишину. Значит, эти дерзкие люди все же чего-то боятся.

«Малышка де Сансе» набрала побольше воздуха в легкие.

— Возможно, мы, конечно, и нищие, — очень громко и отчетливо произнесла она, — но, по крайней мере, мы не пытаемся отравить короля!

Как и в прошлый раз, веселый смех резко оборвался и за столом повисло столь тягостное молчание, что гости, сидевшие неподалеку, заволновались. Постепенно в зале стихли разговоры, радостное оживление сменилось тревожной тишиной; все присутствующие смотрели на принца Конде.

— Кто... кто... кто... — проблеял маркиз дю Плесси. И умолк.

— Какие любопытные речи, — наконец прервал молчание принц, которому с трудом удалось взять себя в руки. — Эта юная особа не умеет вести себя в обществе. Ее головка забита сказками кормилицы...

«Еще секунда, и он выставит меня на всеобщее посмешище, а меня выгонят из-за стола и пообещают выпороть», — со страхом подумала Анжелика.

Она немного наклонилась вперед и посмотрела на другой конец стола.

— Мне сказали, что сеньор Эксили самый искушенный знаток ядов во всем королевстве.

Этот новый камень, брошенный в стоячее болото, вызвал настоящую бурю. Среди гостей пробежал испуганный шепоток.

— О! Эта девица одержима дьяволом! — воскликнула маркиза дю Плесси, в бешенстве закусив маленький кружевной платок. — Уже второй раз она позорит меня. Сначала она изображает из себя куклу со стеклянными глазами, а затем вдруг открывает рот и произносит ужасные вещи!

— Ужасные! Ну почему же ужасные? — тихо возразил принц, не спуская взгляда с Анжелики. — Они были бы ужасными, если бы

содержали хоть крупицу правды. Но все это — лишь выдумки маленькой девочки, которая не умеет молчать.

— Я замолчу, когда пожелаю, — дерзко бросила Анжелика.

— И когда же вы пожелаете, мадемуазель?

— Когда вы прекратите оскорблять моего отца и удовлетворите его скромные просьбы.

Лицо принца Конде сделалось мрачнее тучи. Скандал набирал обороты. Люди, сидящие в глубине галереи, поднимались со стульев.

— Чума на ваши головы... Чума... — задохнулся вельможа.

Он рывком поднялся и вытянул руку, словно бросая войска в атаку на испанские траншеи.

— Следуйте за мной! — прорычал принц.

«Сейчас он меня убьет», — подумала Анжелика. Вид этого высородного сеньора, нависшего над ней, словно скала, заставил девочку содрогнуться от страха и странного удовольствия.

Она послушно пошла за принцем — маленькая серая уточка за огромной хищной птицей, разукрашенной лентами и бантами.

Анжелика заметила, что ноги его ниже колен обрамлены пышными оборками из накрахмаленного кружева, а поверх его коротких штанов надето нечто вроде юбочки с бесконечными нашивками. Еще никогда она не видела мужчину, одетого столь экстравагантно. В то же время она восхищалась его походкой, тем, как он вбивает в пол высокие изогнутые каблуки туфель.

— Итак, мы наконец одни, — сказал Конде, неожиданно оборачиваясь. — Мадемуазель, я не хочу ссориться с вами, но вы должны ответить на мои вопросы.

Его сахарный голос напугал Анжелику сильнее, чем приступ гнева. Она понимала, что находится в пустом будуаре наедине с могущественным человеком, чьим интригам помешала, ввязавшись тем самым в сложные придворные игры и увязнув в них, словно муха в паутине. Девочка отступила на шаг назад и забормотала, пытаясь выглядеть маленькой деревенской дурочкой:

— Я не хотела сказать ничего плохого.

— Тогда зачем вы придумали всю эту ложь и вели себя столь оскорбительным образом, да еще за столом вашего уважаемого дядюшки?

Анжелика поняла, что принц хочет услышать ее признания, и заколебалась, взвешивая все «за» и «против». Даже если она станет все отрицать, ей никто не поверит.

— Я ничего не придумывала, а только повторила то, что слышала, — прошептала девочка. — Что сеньор Эксили весьма искусен в составлении ядов... правда, про короля я все сочинила. Я не должна была говорить такого вздора. Но я разозлилась.

Она неловко теребила концы своего пояса.

— Кто вам это сказал?

Анжелика призвала на помощь все свое воображение.

— Один паж. Я не знаю его имени.

Принц подвел Анжелику ко входу в залы, и она указала на пажа, который насмеялся над нею.

— Чума на головы этих мальчишек, которые любят подслушивать под дверь, — пробормотал принц. — Как вас зовут, мадемуазель?

— Анжелика де Сансе.

— Слушайте внимательно, мадемуазель де Сансе. Не стоит повторять на каждом шагу слова, которые девочка вашего возраста не способна понять. Это может нанести существенный вред вам и вашей семье. Происшедший инцидент я предаю забвению. Более того, я рассмотрю прошения вашего отца и подумаю, что могу для него сделать. Но что станет порукой вашего молчания?

Анжелика подняла на него сияющие зеленые глаза.

— Я умею не только говорить, когда меня оскорбляют, но и молчать, когда добиваюсь своего.

— Черт возьми, могу смело сказать, что когда вы станете женщиной, мужчины будут готовы ради вас на любые безумства, — сказал принц.

Легкая улыбка осветила его лицо. Казалось, принц Конде и не подозревал, что маленькая дворянка может знать кое-что еще помимо того, что она сказала. Человек импульсивный и ветреный, Конде был плохим психологом, и ему не хватало обычной наблюдательности. Когда первый испуг прошел, он решил, что имеет дело с обычными кулуарными сплетнями.

Будучи мужчиной, привычным к лести и чувствительным к проявлению женского очарования, принц, заметив искреннее волнение

этой девочки-подростка, уже отличавшейся небывалой красотой, сменил гнев на милость. Анжелика заставила себя поднять на вельможу взгляд, преисполненный простодушного восхищения.

— Я хотела спросить вас еще, — вымолвила она, демонстрируя святую наивность.

— Что именно?

— Почему вы носите эту коротенькую юбочку?

— Коротенькую юбочку?.. Дитя мое, это рингравы. Разве это не олицетворение самой элегантности? Рингравы скрывают обычные короткие штаны, лишённые изящества и уместные лишь для верховой езды. Рингравы можно украсить нашивками и бантами. В них очень удобно. В своей деревне вы еще не видели ничего подобного?

— Нет. А эти большие воланы, которые прикрывают ногу ниже колен?

— Это рюш. Он подчеркивают икру, делает ее более тонкой и выгнутой.

— Ой, правда, — одобрила Анжелика. — Просто чудесно. Никогда раньше я не видела такого красивого костюма!

— Ах! Заведите с женщиной разговор о нарядах, и вы успокоите самую злобную фурию, — заметил принц, опьяненный собственным успехом. — Но я должен вернуться к гостям. Вы обещаете быть паинькой?

— Да, монсеньор, — Анжелика выдала самую очаровательную улыбку, обнажив ровные перламутровые зубки.

Принц Конде вернулся в зал и успокоил взволнованное общество.

— Друзья мои, продолжим ужин. Дело не стоит выеденного яйца. Маленькая нахалка сейчас извинится.

Превозмогая себя, Анжелика склонилась перед маркизой дю Плесси.

— Я приношу вам свои извинения, мадам, и прошу у вас разрешения удалиться.

Маркиза дю Плесси, к которой еще не вернулась способность говорить, махнула рукой, указывая на дверь. Ее поведение вызвало сдержанные смешки.

И тут на пороге возникла сумятица.

— Моя дочь, где моя дочь? — восклицал барон Арман.

— Господин барон требует свою дочь, — вторил ему лакей, с трудом сдерживая веселье.

Среди элегантных гостей и слуг в ливреях бедный дворянин казался черным шмелем, попавшим в ловушку. Анжелика подбежала к отцу.

— Анжелика, — вздохнул барон де Сансе, — ты сведешь меня с ума. Вот уже больше трех часов я ищу тебя в ночи, разрываясь между Монтелу, домом Молина и замком Плесси. Ну и денек, дитя мое! Ну и денек!

— Пойдем отсюда, папа, пойдем скорее, прошу тебя, — взмолилась Анжелика.

Когда отец и дочь уже вышли на крыльцо, они услышали голос маркиза дю Плесси.

— Одну минутку, кузен. Принц желает побеседовать с вами. Это по поводу таможенных пошлин, о которых вы мне говорили...

Окончание фразы девочка не услышала, потому что оба мужчины вновь зашли в дом.

Анжелика села на последнюю ступеньку лестницы и стала ждать отца. Она почувствовала полное опустошение, ей показалось, что у нее не осталось ни мыслей, ни желаний. Ее ноги обнюхал маленький белый грифон. Она машинально погладила собаку.

Барон де Сансе, выйдя на крыльцо, схватил дочь за запястье.

— Я боялся, что ты снова убежишь. Порой мне кажется, что ты настоящий чертенок. Принц Конде наговорил мне кучу странных комплиментов в твой адрес, в итоге я уже и не знал, может быть, мне принести извинения, что я произвел тебя на свет.

Позднее, когда они неторопливо ехали в потемках, барон де Сансе покачал головой:

— Не пойму я этих людей. Сначала мои слова высмеивают. Маркиз с цифрами в руках доказывает, насколько его материальное положение плачевнее моего. Мне позволяют уйти, даже не предложив бокал вина, чтобы промочить горло, а потом внезапно меня догоняют и сообщают, что выполняют все мои требования. Если верить монсьёру, то я получу освобождение от таможенных пошлин уже в следующем месяце.

— Тем лучше, отец, — прошептала Анжелика.

Она прислушалась к ночному пению лягушек, свидетельствовавшему о близости болот и старого замка. Внезапно ей захотелось плакать.

— Как ты думаешь, маркиза дю Плесси возьмет тебя фрейлиной? — спросил барон.

— Нет, не думаю, — сладким голоском пропела Анжелика.

Часть четвертая

*Под сенью обители
Нотр-Дам-ла-Гранд*

Глава 12

Несчастья, порожденные Фрондой. — Ради спасения Мадлон Анжелика отправляется за лекарственными растениями за город

О путешествии маленького каравана в Пуатье Анжелика сохранила самые тягостные воспоминания — бесконечная тряска и холод. Специально к этой поездке была отремонтирована старая карета, в которую сели Анжелика, Ортанс и Мадлон. Запряженными в экипаж мулами управлял один из замковых слуг. Раймон и Гонтран ехали верхом на породистых лошадях, которых им подарил отец. Он сказал, что в своих новых коллежах иезуиты специально оборудовали конюшни для скакунов молодых дворян.

Шествие замыкали два тяжеловоза. На одном из них восседал старый Гийом, уполномоченный сопровождать юных хозяев. Страну будоражили слухи о восстаниях и войнах. Знающие люди говорили, что герцог де Ларошфуко поднимает Пуату в поддержку принца Конде. Он собирает войска и изымает часть урожая, чтобы прокормить солдат. А раз уж речь зашла об армии, то значит и о голоде, о нищете, о бандитах и бродягах. Именно поэтому Гийом ехал, оперев в стремя свою огромную пику и прицепив к поясу шпагу.

Впрочем, обошлось без происшествий. Только один раз, пересекая лес, путешественники заметили несколько подозрительных людей, прятавшихся за деревьями. Но пика бывшего наемника — а вполне вероятно, что и невзрачный вид экипажа — отбили интерес у разбойников.

Ночь скоротали на постоялом дворе, который находился на зловещем месте, у перекрестка дорог, и был окружен лесом, откуда

доносилось завывание ветра. Хозяин заведения подал путникам воду, назвав ее бульоном, и сыры. Ужинали при тусклом свете сальной свечи.

«Все хозяева постоялых дворов и трактиров состоят в сговоре с разбойниками, — сказал Раймон младшим сестрам, дрожащим от ужаса. — Именно в таких придорожных трактирах и совершается больше всего убийств. Во время нашего последнего путешествия мы ночевали в гостинице, где всего лишь за месяц до нашего приезда перерезали горло одному богатому ростовщику, имевшему глупость разъезжать в одиночку».

Сожалел о том, что опустился до слишком низменных материй, Раймон назидательно добавил:

— Преступления, совершаемые простым народом, — последствия того беспорядка и распутства, что царят среди сильных мира сего. Люди забыли о страхе пред ликом Господним.

Время от времени в ночи слышался стук лошадиных копыт по затвердевшей от заморозков дороге. Но экипажи останавливались редко. Респектабельные путешественники предпочитали поспешить в замок к друзьям, нежели провести ночь на одиноком постоялом дворе, где самой меньшей опасностью, которая им угрожала, могла стать кража. В общем зале сидело два-три завсегдастая, торговец-еврей и четверо почтовых курьеров. Они курили длинные трубки и пили почти черное вино. Когда настало время ложиться спать, хозяин предложил представителям семейства Сансе только одну кровать, правда, настолько широкую, что на ней легко разместились все пятеро: три барышни в изголовье, оба юноши — в ногах. Старый Гийом улегся прямо перед дверью в спальню, а слуга остался ночевать на конюшне вместе с лошадьми.

Прошли несколько тягостных дней путешествия. На обледенелых, разбитых дорогах девочки тряслись в карете, точно орехи в мешке, так что к концу путешествия три сестры чувствовали себя совершенно разбитыми. Только редкие участки старой римской дороги были вымощены огромными ровными плитами. Чаше приходилось ехать по глине, изрытой копытами коней и колесами карет. Порой случалось на несколько часов останавливаться у въезда на мост и,

коченея от холода, ждать, пока чиновник, собирающий дорожную пошлину, — чаще всего человек медлительный и болтливый — вдоволь не наговорится с каждым путником. Только вельможи не утруждали себя ожиданием, они пренебрежительным жестом швыряли к ногам чиновника кошель и беспрепятственно ехали вперед.

Продрогшая Мадлон плакала, прижимаясь к Анжелике. Ортанс, поджав губы, повторяла:

— Это непереносимо!

Три девочки были настолько измучены, что не смогли удержаться от вздоха облегчения, когда однажды вечером вдали показался Пуатье. Блекло-розовые крыши городских домов виднелись на склоне холма, огибаемого живописной речкой Клэн.

День выдался ясным.

Ни облачка. Небосклон над черепичными крышами был чист, как на юге Франции, преддверием которого, впрочем, и является Пуату. Над городом лился колокольный звон, созывая народ к вечерней мессе.

Последовавшие пять лет именно колокола вели для Анжелики счет дням и часам. Пуатье по праву считался городом церквей, монастырей и соборов. Колокольный звон упорядочивал жизнь обладателей сутан и армии школяров, столь же шумных, сколь тихими были их учителя. Священники и бакалавры беседовали на перекрестках улочек, ведущих вверх, в тени дворов, на площадях и лестницах, гостеприимно встречающих паломников.

Отпрыски семьи Сансе распрощались перед кафедральным собором. Монастырь урсулинок располагался чуть левее, гордо возвышаясь над Клэном. Коллеж отцов-иезуитов находился на самом верху холма. Охваченные юношеским смущением, братья и сестры расстались почти без слов, и только Мадлон, обливаясь слезами, расцеловала старших мальчиков. И двери монастыря захлопнулись за Анжеликой.

Прошло какое-то время, прежде чем она осознала, что чувство, будто она задыхается, появилось от того, что ее внезапно лишили привычного простора. Стены, кругом только стены и решетки на окнах. Товарки не вызвали у нее симпатии: она привыкла играть

с мальчишками, маленькими крестьянами, которые восхищались своей предводительницей и всюду следовали за нею. А в монастыре, среди высокородных девиц с солидным состоянием, место Анжелики де Сансе оказалось где-то в последних рядах.

Но самой большой пыткой для нее стал тесный корсет из китового уса, который заставлял девочек держаться прямо, прививая на всю жизнь величественную осанку королевы. Анжелика, сильная и гибкая, наделенная природным изяществом, могла спокойно обойтись без этого сковывающего движения панциря. Но правило носить корсет касалось не только монастырей. Из разговоров старших воспитанниц Анжелика убедилась, что корсет из китового уса играет величайшую роль в моде. То же можно было сказать о корсетной пластинке и о пластроне — вытянутом нагруднике, заканчивающемся «утиным клювом», в который для жесткости вставляли картон или прутья и расшивали самыми затейливыми узорами, золотом и серебром, украшали бантами и драгоценностями. Пластрон поддерживал грудь, заставлял ее подниматься над кружевом, так что порой казалось, что она вот-вот вырвется из своего тесного узилища. Естественно, старшие барышни беседовали об этих деталях туалетов тайно, хотя монастырь был обязан готовить девушек к будущему браку и к светской жизни.

В монастыре девиц должны были научить танцевать, делать реверансы, играть на лютне и на клавесине, поддерживать беседу на заданную тему с двумя или тремя подругами и даже играть веером и наносить косметику. Особое внимание уделялось ведению домашнего хозяйства. Предвидя превратности судьбы, которые могли испослать Небеса, монахини требовали, чтобы ученицы посвящали себя самому тяжелому и неблагоприятному труду. Юные дворянки по очереди работали на кухне или в прачечной, зажигали и поддерживали огонь в лампах, подметали и мыли плиточные полы. Именно в монастырях девушки получали зачатки научных знаний: сухо изложенные история и география, мифология, математика, теология и латынь. Больше внимания уделялось оттачиванию изящного слога — эпистолярный жанр считался исключительно женским искусством, потому что наиважнейшим занятием светской львицы оставалась переписка с друзьями и родственниками.

Хотя Анжелика не числилась среди отстающих или непокорных воспитанниц, все же она не радовала преподавателей выдающимися успехами. Девочка выполняла все, что ей велели, но, казалось, не понимала, почему ее обязывают делать такое количество нелепых вещей. Иногда, во время уроков, монахини долго искали девицу Сансе и наконец обнаруживали ее в огороде, который больше походил на большой сад, нависающий над переплетением малолюдных улочек. На суровые упреки Анжелика неизменно отвечала, что не видит ничего дурного в том, чтобы полюбоваться, как растет капуста.

* * *

Мазарини не умер.

Юный король и его брат были живы.

Королева-регентша была жива.

Жестокая гражданская война поразила королевство в самое сердце.

В годы правления Людовика XIII Франция избежала опустошений Тридцатилетней войны благодаря мудрой политике, но всего лишь за несколько месяцев «легкомысленной» Фронды страна была разорена.

Насчитывались многие тысячи убитых.

«В тот год, — свидетельствовал летописец, — на расстоянии шести лье вокруг Парижа нельзя было увидеть ни одного дерева с цветком или плодом». Сломанные деревья протягивали к небу искалеченные ветви, фруктовые сады погибли.

«Ни одно поле не принесло урожая».

Изувеченная многочисленными армиями, рукопашными боями, атаками и отступлениями, вспаханная копытами горячих коней, удобренная самой смертью, многострадальная земля некогда радовавшей глаз провинции Иль-де-Франс превратилась в большую могилу. В ней покоились не только тела людей, но и бесчисленные трупы маленьких отважных мулов, тащивших телеги и артиллерийские пушки. Сраженные картечью, они погибали прямо в упряжках.

Роскошные леса Сенар, Шантийи, Л'Иль-Адам, зеленая корона Парижа — Рамбуйе и Фонтенбло, являли собой апокалипсическое

зрелище, зрелище печальное и лишающее надежды. Они становились убежищем для голодных людей, потерявших все. В них скрывались озверевшие дезертиры, разбойники, грабившие окрестные замки, и несчастные беженцы, стремившиеся вырваться из ада. Словно волны, толкаемые вперед неумолимым течением, всевозможные беды — а главное, нищета и голод — распространились от центрального региона на запад и юг Франции, захватив некогда процветавшие провинции. Толпы нищих с протянутыми руками заполнили город.

Скоро в Пуатье их стало больше, чем аббатов и школяров.

* * *

В определенный день и час юные пансионерки урсулинок раздавали милостыню страждущим, осаждавшим монастырь. Уроки милосердия также входили в программу обучения будущих знатных дам.

Впервые Анжелика настолько близко увидела безысходную нищету, закутанную в рубище, нищету с похотливым и злобным взглядом. Но в отличие от других пансионерок, многие из которых плакали или с отвращением поджимали губы, она не была настолько потрясена и испугана. Ей чудилось, что она видит картину, давно запечатленную у нее в душе, предсказывавшую, что капризная судьба уготовила для нее в будущем. Монахини обвиняли девицу в бесчувственности и равнодушии к несчастьям бедняков, олицетворявших страдания Христа, говорили, что у нее черствое сердце. Анжелика не понимала, за что ее упрекают и чего от нее ждут. На этом страшном спектакле она повела себя так, словно он был ей привычен и близок.

Однажды ее спросили: «Ты боишься встретиться с нечистым, со злом, с дьявольскими знаками?»

Но в несчастных оборванцах, которые зло переругивались у стен монастыря, она видела лишь одно: они больны. Их телом постепенно овладевала болезнь, которая в конце концов и убивала несчастных. Ей говорили, что единственное средство против болезни и смерти — молитвы и смирение пред волей Божьей.

Но у девочки всплывали воспоминания о первоначальной науке, которой ее обучало создание из прошлой жизни — создание опальное, всеми проклятое и гонимое, та, кого следовало забыть... Анжелика

даже про себя не осмеливалась называть ее по имени. Но раздавая несчастным куски хлеба, она успокаивалась тем, что каждый ее жест не напрасен. «Хлеб несет добро», — говорила себе малышка Сансе. Это лекарство, подаренное самой природой, оно поможет выжить несчастным, обреченным на смерть. Подавая нищим их скудные порции, Анжелика старалась возложить на их головы руки, чтобы они поправились, ведь недаром простые обитатели Монтелу считали, что руки маленькой феи обладают целительной силой. Но ее жест вызывал крики ужаса у других воспитанниц, которые тут же жаловались на Анжелику сопровождавшим монахиням...

Знойный июль иссушил фонтаны, и на изнемогающих от духоты улочках, заполоненных отбросами человеческого общества, зародилась чума. Крысы вылезали из нор и дохли прямо на улицах и в домах.

Болезнь не пощадила и воспитанниц монастыря. Однажды утром Анжелика не увидела на школьном дворе Мадлон. На вопрос о сестре ей сказали, что заразившуюся девочку отправили в лазарет.

Анжелика прокралась к постели больной. Сестренка с трудом дышала, у нее был жар. Состояние ухудшалось.

«Наверное, она умрет», — сказала Ортанс. В ее голосе слышались одновременно раздражение и покорность судьбе. Анжелика взбунтовалась. Нет, этого нельзя допустить. Вокруг умирало множество людей, но ничто не могло уничтожить непреодолимой спасительной преграды, которую возвел вокруг детей Сансе старый замок Монтелу. Мадлон не умрет!

Анжелика приподняла кудрявую головку младшей сестры и поднесла к губам чашку с водой, стоявшую у кровати. Малышка стала с жадностью пить.

«Ее оставили умирать от жажды, — подумала Анжелика. — За ней совсем не ухаживают! Из чего этот отвар? Успокоительный настой? Но сейчас это бесполезное лекарство. Я знаю травы, от которых Мадлон пропотеет, а вместе с потом из тела уйдет болезнь. Это цветы бузины, листья лопуха... Вот какой отвар она должна пить, это отличное сильное средство, и я сама его приготовлю».

— Анжелика, — прошептала Мадлон, открывая глаза.

— Да, дорогая?

— Расскажи что-нибудь.

Анжелика задумалась.

— Что тебе рассказать? Историю о Жиле де Реце и...

— Нет, нет! Мне страшно. Всякий раз, закрывая глаза, я вижу детей, подвешенных на крючьях.

— Какую же историю тебе рассказать?

Анжелика не могла припомнить ничего, кроме страшных рассказов о разбойниках, призраках или злых духах.

— Мне все равно, — вздохнула Мадлон, — лишь бы слышать твой голос. Он такой чудесный. Ни у кого нет такого голоса. Я хочу его слушать и слушать...

Анжелика начала рассказывать о малышах, оставшихся в Монте-лу, о Мари-Аньес, об Альбере и маленьком Жане-Мари. Сначала Мадлон улыбалась, но затем снова впала в беспамятство.

Анжелика поспешила из лазарета. Начинался урок истории, но решительная девочка и думать об этом забыла.

Уже через четверть часа она проникла на монастырский огород. Приставив к стене легкую лестницу, она ловко взобралась по ней и спрыгнула на мостовую. Стена была достаточно высокой, но Анжелика не потеряла былой ловкости.

И вот она уже мчалась по улицам, мощенным округлыми камнями, по переулкам, над которыми дрожит раскаленный от зноя воздух. Возле порогов домов лежали люди; казалось, они спали, но над телами кружили тучи прожорливых мух. Анжелика поняла, что эти люди уже мертвы, и лишь тогда до нее дошло, от какой страшной реальности защищают юных пансионеров высокие стены монастыря урсудинок.

Понемногу ей стало казаться, что она окутана туманами лимба¹, где, как им говорили, бродят души, не попавшие в чистилище, и даже видит пламя ада: то тут, то там вспыхивал костер. Девочка не могла понять, для чего их разводят. Она с любопытством разглядывала

¹ Лимб — в католическом вероучении: промежуточное состояние или место пребывания не попавших на небеса душ, не совпадающее, однако, с адом или чистилищем. — *Примеч. пер.*

черные фигуры, которые всегда появлялись попарно: лицо одного человека скрывала маска с крючковатым птичьим клювом, лицо другого — воронка с дыркой. Это были врачи, которые в сопровождении помощников обходили дома больных. Помощники несли своеобразные лейки, из носика которых вырывался насыщенный пар лекарств.

Анжелика спешила изо всех сил. Порой от едкого дыма ее душил кашель, но она шла вперед. Она инстинктивно свернула к самой возвышенной части города, где воздух был свежее.

Она бесстрашно взбиралась по крутым лестницам, поднималась все выше и выше, через площади с умолкшими фонтанами, у которых, казалось, спали люди. Среди мертвых двигались одинокие фигуры, похожие на белых танцующих призраков в белых капюшонах. Фигуры переходили от одного лежавшего к другому, медленно склонялись над телом и укладывали мертвеца на носилки. Один из призраков, возглавлявших процессию, держал в руке зажженную свечу и читал псалмы. Это были члены братства Святого Лазаря, которые возложили на себя опасное и тяжелое бремя хоронить людей, умерших от чумы. Обычные приходские могильщики сбежали из города... или умерли.

Но теперь было уже не до похорон. На перекрестках пылали огромные костры, к которым тянулись траурные кортежи. Сначала в огонь кидали пожитки и зараженную одежду покойников, а потом в костер отправлялись сами мертвецы, и порой их тела были тоньше тех сучьев, на которых им предстояло сгореть. По всему городу гигантские жаровни, наполненные специальными травами и ароматическими веществами, источали густой едкий дым, чтобы защитить горожан от заражения или отогнать демонов — в зависимости от взглядов тех, кто разжигал уголья. Сильнейший запах, связанный с христианскими и даже античными церемониями, по меньшей мере помогал бороться с отвратительной вонью гниющей плоти.

Склон стал менее крутым.

Здесь на улицах почти не было трупов, и атмосфера смерти понемногу рассеялась. Анжелика пересекла оживленную площадь, на которой семинаристы, не беспокоясь о близости эпидемии, вели жаркие споры. Дома становились все реже. Девочка наконец очутилась за городом.

Невероятно!

На голубом небе сияло солнце.

До густого подлеска не долетало зловония чумы. Ветры, гулявшие по холмам, уносили прочь ошметки дыма и тошнотворный запах.

Вместо смерти, свирепствовавшей в городе, здесь царили дарующая надежду весна, торжествующее лето, богатство природы, возрождение, продиктованное требовательными законами смены сезонов.

Анжелика, вдыхая полной грудью свежий воздух, побежала дальше. Ее влекла за собой надежда. Она еще долго шла, пока не обнаружила ручей, по берегам которого росли нужные ей цветы бузины. Поблизости она отыскала и другие растения, способные дополнить лекарственный сбор. Сложив растения в косынку из черной тафты, она поспешила в обратный путь, повернувшись спиной к сумеркам, которые несли с собой вечернюю свежесть.

Девочка была счастлива. Она не могла поверить в то, что небеса так щедры к ней. Хорошее настроение не оставило Анжелику, даже когда она снова очутилась на зловонных задымленных улицах Пуатье, где суетились люди с носилками и тянулись погребальные процессии, распеваящие псалмы. Они то и дело преграждали ей путь. Она все ускоряла шаг и наконец побежала по ступенькам, жалея, что не умеет летать.

В своем сумасшедшем беге Анжелика заблудилась.

Она несколько раз останавливалась и спрашивала дорогу к монастырю урсулинок.

В те дни ужаса и бедствий в Пуатье можно было встретить такое количество странного люда, что никто не обращал внимания на светловолосую девочку-подростка в сером платье пансионерки.

Хотя некоторые горожане все же заметили ее и потом еще долго рассказывали о маленькой фигурке в ореоле из сияющих кудрявых волос, которая летела вниз по лестнице, проскальзывала, словно тень, между больными и скорбящими, перепрыгивала через горки угля из костров, который вечерний ветер разметал по земле. Говорили, что это был небесный ангел, посланный для утешения живым и мертвым.

Анжелика металась в поисках знакомых мест, пока вдруг не очутилась на знакомой площади с монастырскими воротами. В полу-

мраке виднелись массивные стены святой обители, где ее ждала Мадлон.

Прижимая к груди драгоценную добычу, Анжелика что есть силы принялась трезвонить в колокольчик, нимало не беспокоясь о том, что нарушает торжественную тишину монастыря. После короткого ожидания, которое показалось ей вечностью, тяжелая створка ворот приоткрылась, и по растерянному виду сестры-привратницы Анжелика поняла, что ее побег не прошел незамеченным и что монахиня ждет именно ее. Послушница сказала, что ее всюду ищут и настоятельница возмущена ее поведением.

— Сестра! Пожалуйста, позвольте мне пройти. Я принесла лекарства для моей младшей сестренки.

Анжелика оттолкнула монахиню и бросилась по коридорам, но заметила, что к ней приближается мать настоятельница. Это была молодая женщина, младшая дочь герцогской семьи.

Высокая строгая дама с жестоким взглядом остановила беглянку. Анжелика смирила свой пыл.

— Матушка! Матушка! Пропустите меня, я ходила за растениями, которые вылечат мою сестру Мадлон.

Спрятав руки в широких рукавах, мать настоятельница, неподвижная, словно каменная статуя, по-прежнему загораживала ей путь.

— Мадемуазель де Сансе, ваша выходка возмутительна, — проронила она наконец.

— Матушка, я ходила за растениями, которые помогут моей сестре.

— Бог уже наказал вас, дочь моя.

— Мне все равно, наказал меня Бог или нет! — вскричала Анжелика, ошалевшая от жары и усталости. — Я хочу сама приготовить целебный отвар.

— Дочь моя, сейчас не время чего-то хотеть. Ваша сестра умерла.

Стоя у маленького белого, словно усохшего тела сестры, Анжелика не плакала. Она даже злилась на Ортанс за ее показательные рыдания. Почему эта тощая жердь плачет? Ведь она никогда не любила Мадлон. Она вообще любит только себя.

— Увы, маленькие мои, — тихо обратилась к сестрам старая монахиня, — такова воля Божья. Много ребятишек умирает. Я слышала,

что ваша мать родила десятерых детей и потеряла лишь одного. Сейчас их стало двое. Это немного. Я знаю одну даму, у которой было пятнадцать детей, и семерых она лишилась. Видите, как бывает. Бог дает детей, Бог их и забирает. Многие дети умирают. Такова воля Божия!..

После смерти Мадлон Анжелика стала совсем нелюдимою и даже неуправляемой.

Она делала все, что ей в голову взбредет, часами пропадая в дальних закоулках огромного монастыря.

После побега девочке запретили посещать сад и огород. Но она всегда изыскивала способ проникнуть туда. Монахини даже думали отослать строптивицу домой, но барон де Сансе, в отличие от родителей прочих воспитанниц, несмотря на тяготы гражданской войны, регулярно вносил плату за обучение обеих дочерей.

К тому же Ортанс обещала стать одной из самых примерных учениц выпуска. Из-за старшей сестры монахини решили оставить и младшую, но перестали ею заниматься.

Глава 13

*Королевский двор в Пуатье. — Предложение пылкого паж. —
Встреча с монсеньором Венсаном*

Фронда была похожа на гигантскую змею, которая в конвульсиях все хлещет и хлещет хвостом. Под Парижем сошлись два великих полководца: Конде, вставший во главе Фронды, и Тюренн, который в конце концов перешел на сторону короля. Столкнулись две равные силы. Во время сражения у ворот Сен-Антуан обе армии нанесли противнику столь сокрушительные удары, что едва не разгромили друг друга.

Мадемуазель де Монпансье, дочь Гастона Орлеанского, главного претендента на корону, лично командовала батареей, обстреливавшей Бастилию, и войска ее кузена короля отступили. Мятежная армия принцев ворвалась в город, сея смерть и разрушение, а король и Тюренн бежали в Понтуаз.

Наступило короткое затишье.

Прошло всего несколько недель, и наемники Конде, который считал членов городского совета недостаточно послушными, убили членов магистрата и подожгли ратушу. Потрясенные парижане выставили вон всех этих испанцев и немцев. И одновременно с тем, как принц с армией иностранных наемников покидал Париж через ворота Сен-Антуан, направляясь во Фландрию, через ворота Сент-Оноре под приветственные крики толпы в свою славную столицу возвращался четырнадцатилетний король, который, став совершеннолетним, наконец-то начал править самостоятельно. Приговоренный к смертной казни за оскорбление Его Величества, герой Рокруа

бежал в Нидерланды, где поступил на службу к испанскому королю.

Но и после этого на землях Франции продолжалась война.

Сначала королевские войска и двор отправились в Гиень призвать к повиновению жителей Бордо, а затем двинулись к Пуатье, где и остановились.

В один из январских дней Анжелика, которой к тому времени исполнилось пятнадцать лет, по своему обыкновению сидела на стене, отгораживавшей монастырский огород. Она грелась в лучах зимнего солнца и скуки ради разглядывала прохожих: в последнее время в городе появилось множество приезжих, разодетых в причудливые наряды.

Она вслушивалась в шум бурлящего города, долетавший даже в этот отдаленный квартал.

Ругань кучеров — кареты то и дело застревали на извилистых улицах — смешивалась со смехом и перебранкой пажей и служанок, с ржанием лошадей. А над уличным гомоном разносился гулкий перезвон колоколов. Теперь Анжелика могла узнать голос каждой колокольни: вот поют колокола церкви Святого Илария, вот — Святой Радегонды, вот, словно шмели, гудят колокола Нотр-Дам-ла-Гранд, а там бьют колокола башни Сен-Поршер.

Внезапно у подножия стены появилась группа пажей, которые в своих шелковых и атласных костюмах были похожи на стайку диковинных птиц.

Один из них остановился, чтобы перевязать бант на туфле. Распрямляясь, он поднял голову и встретился со взглядом Анжелики, смотревшей на него с высоты стены.

Галантный паж подмел пыль тротуара полями шляпы.

— Приветствую вас, мадемуазель. Похоже, там наверху вам не очень весело?

Пажи, которых Анжелика видела в Плесси, были одеты в такие же короткие штанишки с буфами — достояние шестнадцатого века, — придававшие ногам юношей сходство с ногами цапель.

Но этот паренек казался очень милым: у него было веселое загорелое лицо, обрамленное темно-русыми кудрявыми волосами. Ан-

желика спросила, сколько ему лет. Паж ответил, что исполнилось шестнадцать.

— Но не волнуйтесь, мадемуазель, — добавил он, — я умею ухаживать за дамами.

Он бросал на девушку нежные взгляды и вдруг протянул к ней руки.

— Прыгайте сюда!

Сердце Анжелики радостно затрепетало. Казалось, что серая унылая тюрьма, где она совсем зачахла, неожиданно распахнула свои двери. Заливистый смех пажа, летевший вверх, прямо к ней, сулил что-то нежное и сладостное, по чему она изголодалась, как после Великого поста.

— Идите ко мне, — прошептал юноша. — Если захотите, я отведу вас к особняку герцогов Аквитанских, где расположился королевский двор, и покажу вам самого короля.

Без долгих колебаний Анжелика поправила черную шерстяную накидку с капюшоном и крикнула:

— Осторожно, я прыгаю!

Она соскочила в объятия пажа, и оба расхохотались. Уверенной рукой молодой человек обхватил Анжелику за талию и повлек за собой.

— Что скажут ваши монахини?

— Они привыкли к моим причудам.

— А как же вы вернетесь?

— Я позвоню в дверь и попрошу милостыню.

Юноша фыркнул.

Внезапно окунувшись в водоворот городской суеты, Анжелика словно опьянела. Среди знатных сеньоров и дам, чьи роскошные наряды вызывали вздохи восхищения провинциалов, сновали юркие торговцы. У одного из них паж купил две палочки с нанизанными на них жареными лягушачьими лапками.

Коренной парижанин, юный придворный находил это блюдо необыкновенно забавным. Молодые люди с аппетитом уплевали лакомство. Паж сказал, что его зовут Анри де Рогье и что он входит в свиту короля. Король любит повеселиться, поэтому он иногда покидает общество своих важных советников, чтобы поиграть на гитаре

в компании друзей. Прелестные итальянские куколки, племянницы кардинала Мазарини, по-прежнему при дворе, несмотря на вынужденное, но явно временное, отсутствие их дяди.

Продолжая беседу, юноша потихоньку заводил Анжелику в сторону менее оживленных кварталов. Она сразу заметила его маневр, но промолчала. Ее тело ждало чего-то невероятного, что обещала рука паж, обнимавшая ее за талию.

Наконец молодой человек остановился и нежно подтолкнул Анжелику в закуток у двери какого-то дома и принялся страстно целовать, бормоча при этом милые, но банальные слова.

— Ты так прекрасна... У тебя щечки, словно маргаритки, и зеленые глаза, словно лягушки... Лягушки, проживающие в твоих краях... Не шевелись. Я хочу расстегнуть корсаж твоего платья... Позволь мне это сделать. Я знаю, как взяться за дело... О! Я никогда не видел таких прелестных и таких белых грудок... Упругие, как яблоки... Ты мне нравишься, моя милая...

Анжелика позволила юноше нести всю эту приятную чушь, ласкать себя. Она лишь откинула голову назад, упершись в камень, поросший мхом, и рассеянно смотрела на голубое небо, видневшееся за резными крышами.

Теперь паж молчал; его дыхание участилось. Он явно нервничал и потому то и дело с досадой оглядывался. Улица казалась безлюдной, но время от времени на ней появлялись прохожие. Шумная ватага студентов, заметив парочку, укрывшуюся в тени дома, стала громко улюлюкать. Парень отступил и топнул ногой.

— О! Как я зол! В этом проклятом провинциальном городишке все дома забиты до отказа. Даже вельможи вынуждены принимать своих любовниц в прихожих. Ну где нам найти укромный уголок?

— Нам и здесь хорошо, — прошептала Анжелика.

Ее заявление не удовлетворило юношу. Он бросил взгляд на небольшой кошель для пожертвований, прикрепленный к поясу, и его лицо прояснилось.

— Пойдем! У меня есть идея! Сейчас разыщем подходящее местечко.

Анри де Рогье схватил Анжелику за руку, и они побежали по улице, на площадь Нотр-Дам-ла-Гранд. Анжелика открывала для себя

город. Ее восхитил каменный фасад церкви, украшенный затейливой резьбой, словно индийская шкатулка, и фланкированный изящными колоколенками с навершиями, похожими на сосновые шишки. Камень словно расцвел, подчиняясь волшебному резцу мастеров.

Юный Анри велел подружке подождать его под сводами портика. Вскоре сияющий паж вернулся с ключом в руке.

— Ризничий на некоторое время предоставил в наше распоряжение кафедру.

— Кафедру? — переспросила изумленная Анжелика.

— Ба! Ему не впервой оказывать подобную услугу бедным влюбленным.

Он снова обнял девушку за талию, и они спустились по ступеням в храм — паперть несколько просела.

Полумрак и сырость, царившие под сводами собора, потрясли Анжелику. Церкви Пуату были самыми темными во Франции. Масивные здания, поддерживаемые огромными колоннами, скрывали в своих недрах старинный настенный декор, чьи яркие краски лишь постепенно открывались изумленным взглядам посетителей. Молодые люди в молчании шли вперед.

— Я замерзла, — прошептала Анжелика, кутаясь в накидку.

Юноша покровительственным жестом обвил плечи своей спутницы, но его возбуждение спало, и он выглядел несколько растерянным.

Анри открыл первую дверь монументальной кафедры и, поднявшись по ступеням, прошел в ротонду, предназначавшуюся для проповедников. Анжелика машинально следовала за ним.

Они уселись прямо на пол, устланный бархатным ковром. Эта церковь, этот глубокий полумрак, пропитанный ароматами фимиама, казалось, остудили пыл паренька. Он снова обнял Анжелику за плечи и нежно коснулся губами ее виска.

— Какая ты красивая, моя маленькая подружка, — тихо выдохнул паж, — ты намного лучше знатных дам, которые дразнят меня, а потом бросают. И как противно, что я всегда должен им угождать. Если бы ты только знала...

Анри снова вздохнул. На его лице появилось совсем детское выражение.

— Сейчас я покажу тебе что-то прекрасное, необыкновенное, — сказал юноша, роясь в своем кошелье.

Он достал белый немного испачканный прямоугольный кусочек ткани, отороченный изящным кружевом.

— Платок, — удивилась Анжелика.

— Да. Это платок короля. Он обронил его сегодня утром. А я поднял и сохранил, как талисман.

Паж задумчиво любовался платком.

— Хочешь, я подарю его тебе, как залог любви?

— О да! — воскликнула Анжелика, живо протягивая руку.

Ее рука задела деревянную балюстраду, и под сводами собора прокатилось гулкое эхо. Испуганная парочка застыла.

— Кажется, сюда кто-то идет, — прошептала Анжелика.

Юноша с жалким видом признался:

— Я забыл запереть внизу дверь кафедры.

Они замолчали, прислушиваясь к приближавшимся шагам. Кто-то поднимался по лестнице в их убежище, и вскоре появился старый аббат, на голове которого была надета черная шапочка.

— Что вы здесь делаете, дети мои? — спросил священник.

Паж, у которого был неплохо подвешен язык, тут же выложил готовую историю.

— Я хотел повидаться с сестрой, воспитанницей одного из монастырей Пуатье, но не знал, где нам встретиться. Наши родители...

— Не нужно так громко говорить в доме Господа нашего, — сказал аббат. — Поднимитесь, ты и твоя сестра, и следуйте за мной.

Священник привел молодых людей в ризницу и сел на скамеечку. Затем, сложив руки на коленях, он внимательно оглядел обоих. Его седые волосы, выбивавшиеся из-под церковной шапочки, обрамляли еще свежее — невзирая на почтенный возраст — лицо. Крупный нос, маленькие живые и пронизательные глаза, короткая белая борода. Анри де Рогье внезапно совсем стушевался и теперь молчал, не пытаясь скрыть смущение.

— Он твой любовник? — неожиданно спросил Анжелику священник, указывая на юношу движением подбородка.

Краска залила лицо девушки, но паж с искренней горячностью воскликнул:

— Месье, я желал бы этого, но она не из таких.

— Тем лучше, дочь моя. Если бы у тебя было красивое жемчужное ожерелье, получила бы ты удовольствие, бросив его на скотный двор, покрытый навозом, где свиньи схватили бы его своими грязными рылами? Как ты думаешь? Ответь мне, дитя. Ты бы сделала это?

— Нет. Я не стала бы так поступать.

— Не стоит метать бисер перед свиньями. Не стоит растрчивать впустую такое сокровище, как девственность, ее следует хранить до замужества. Ну а ты, дурно воспитанный мальчишка, — тихо продолжал священник, повернув лицо к пажу, — как тебе только в голову пришла столь кощунственная мысль: привести подружку на церковную кафедру, чтобы здесь с ней любезничать?

— А куда мне ее вести? — угрюмо возразил паж. — На улицах этого города, которые теснее, чем стенной шкаф, даже не поговоришь спокойно. Я знал, что ризничий церкви Нотр-Дам-ла-Гранд иногда предоставляет кафедру и исповедали тем, кто хочет пошептаться наедине, вдали от нескромных взглядов. Знаете, монсеньор Венсан, в этих провинциальных городках многих девиц так строго охраняют ворчливые отцы и сварливые матери, что у них никогда не появится возможности услышать нежное слово...

— Ты открыл мне много нового, мальчик!

— Кафедра стоит тридцать ливров, исповедали — по двадцать. Это серьезный удар по моему кошельку, поверьте, монсеньор Венсан.

— Охотно тебе верю, — сказал монсеньор Венсан, — но тебе придется заплатить намного больше, когда дьявол и ангелы начнут взвешивать грехи на паперти Нотр-Дам-ла-Гранд.

До сего момента спокойное лицо священника внезапно посуровело. Священник протянул руку.

— Дай мне ключ, который тебе доверили.

Когда юноша вручил ключ монсеньору Венсану, тот продолжил:

— Ты придешь на исповедь, не так ли? Я буду ждать тебя завтра вечером в этой же церкви. И я отпущу тебе грехи. Я слишком много знаю о той среде, в которой ты вынужден жить, бедный маленький паж! Конечно, тебе больше нравится корчить из себя опытного

мужчину с невинной девочкой твоего возраста, чем служить игрушкой зрелым дамам, которые нороят затащить тебя в свой альков, чтобы сбить с пути истинного... Да, вижу, как ты краснеешь. Тебе стыдно, когда в присутствии этой чистой, наивной особы говорят о твоих пустых страхах.

Юноша повесил голову, вся его дерзость улетучилась. Наконец он пробормотал:

— Монсеньор Венсан де Поль, будьте милосердны, не рассказывайте о моем поведении Ее Величеству королеве. Если она отошлет меня к отцу, он уже не сможет пристроить меня ко двору. У меня семь сестер, и каждой надо выделить приданое, младше меня лишь двое детей в семье. Я получил возможность поступить на королевскую службу лишь благодаря милости месье де Лоррена, который меня... которому я понравился, — смущенно закончил Анри. — Он купил мне должность. Если меня выгонят, он, разумеется, потребует, чтобы отец возместил ему убытки, а это невозможно.

Пожилой священник мрачно смотрел на молодого человека.

— Я не стану называть твоего имени. Но у меня появился еще один повод напомнить королеве о мерзости, которой она окружена. Увы! Эта женщина набожна и предана заветам церкви, но что она может противопоставить прогнившему обществу? Ведь с помощью декретов не изменишь души людей...

Скрип открывающейся двери прервал речь священника.

Вошел молодой человек с длинными кудрями, одетый в изысканный черный костюм.

Монсеньор Венсан поднялся и сурово взглянул на вошедшего.

— Господин викарий, хотелось бы верить, что вы ничего не знаете о неподобающих поступках вашего ризничего. Он взял с этого молодого сеньора тридцать ливров за возможность встретиться с подружкой на кафедре вверенной вам церкви. Вам следует уделять больше внимания поведению ваших подчиненных.

Чтобы собраться с мыслями, викарий долго возился с дверью. И все же, когда он повернулся лицом, даже полумрак не мог скрыть его замешательства. Он молчал, а монсеньор Венсан продолжил:

— Более того, я вижу, что вы носите парик и светскую одежду, а священникам это строжайше запрещено. Я буду вынужден сооб-

щить о таком нарушении устава и обо всех этих коммерческих махинациях коммендатору¹ вашего прихода.

Аббат с трудом сдержался, чтобы не пожать плечами.

— Ему-то как раз все равно, монсеньор Венсан. Наш коммендатор — парижский каноник. Он купил должность три года тому назад у своего предшественника кюре, который вернулся в свои владения. Он никогда сюда не приезжает, потому что владеет домом каноника рядом с апсидой собора Нотр-Дам в Париже. Уверен, что церковь Нотр-Дам-ла-Гранд в Пуатье кажется ему не заслуживающей внимания.

— Господи! Я содрогаюсь при мысли, — внезапно воскликнул монсеньор Венсан, — что достойная всяческого порицания торговля аббатствами и приходами, продающимися, словно ослы и лошади на рынке, может привести церковь к краху. Кто в наши дни становится епископами в королевстве? Воинственные и распущенные вельможи, которые порой даже не имеют сана, но зато обладают достаточным состоянием, чтобы приобрести епископство, и это позволяет им нацепить на себя сутану и украшения слугителя культа!.. Да поможет нам Господь сокрушить этот порочный порядок!

Обрадованный тому, что монсеньор Венсан отвратил от него свой гнев, викарий рискнул заметить:

— Мой приход нельзя назвать запущенным. Я забочусь о нем и отдаю ему все мои силы. Вы окажете мне большую честь, монсеньор Венсан, если сегодня вечером посетите нашу церковь во время Святого Таинства Евхаристии. Вы увидите, что храм переполнен верующими. Благодаря усердию священников, ересь не проникла в Пуатье. Здесь не Ньор, Шательро или...

Старик бросил на викария недобрый взгляд.

— Именно грехи священников и стали причиной возникновения ереси! — зло крикнул он.

¹ В католической церкви священнослужитель или, иногда, мирянин, владеющий приходом на правах *<in commendam>* (от лат. *commendam* — опека), то есть отчуждающий доходы прихода в свою пользу, однако не имеющий церковной юрисдикции над монахами. — *Примеч. пер.*

Монсеньор Венсан поднялся и, возложив руки на плечи молодых людей, повел их на улицу. Несмотря на старость и согбенную спину, он казался могучим и ловким.

Над городом спустился вечер, бледные зимние сумерки оживляли каменную резьбу пуатевинской церкви.

— Овечки мои, — сказал монсеньор Венсан, — несмышленные дети Господа нашего! Вы пытались отведать неспелый плод любви. Вот почему ваши зубы ноют, а сердца полны грусти. Позвольте созреть в лучах солнца жизни тому, что однажды должно расцвести. Не стоит блуждать в потемках в поисках любви, иначе вы рискуете никогда не найти ее. Нетерпение и слабость наказуемы, и нет кары страшнее, чем быть обреченным вечно вкушать лишь горькие и безвкусные плоды! Сейчас каждый из вас отправится своей дорогой. Ты, мальчик, вернешься на службу и будешь служить верой и правдой. А ты, девочка, отправишься к монахиням и вернешься к своим занятиям. А когда наступит утро, не забудьте вознести молитву Господу нашему.

Монсеньор Венсан отпустил молодых людей, и пока они не растались на углу площади, священник взглядом провожал их изящные фигуры.

До самых ворот монастыря Анжелика ни разу не обернулась. В ее душе воцарился мир. Но девушка еще долго ощущала на своем плече горячее прикосновение старческой руки.

«Монсеньор Венсан, — думала она, — неужели тот самый великий монсеньор Венсан? Тот, кого маркиз дю Плесси назвал «советью королевства»? Тот, кто заставляет дворян служить беднякам? Тот, кто каждый день видит королеву и короля? А выглядит он таким простым и приятным!»

Прежде чем взяться за молоток, Анжелика еще раз взглянула на город, на который опускалась ночь.

«Монсеньор Венсан, благословите меня», — прошептала она.

Глава 14

Прощание с детством

Анжелика безропотно согласилась с наказанием, которое наложили на нее монахи за очередной побег. Но после того приключения ее поведение совершенно переменялось. Она прилежно занималась, выглядела жизнерадостной, была приветлива с подругами. Казалось, она наконец смирилась со строгостью монастырской жизни.

В сентябре сестра Анжелики Органс покинула стены обители. Некая дальняя родственница из Ньюра предложила девице де Сансе стать ее компаньонкой. Эта дама, принадлежавшая к мелкопоместному дворянству, вышла замуж за богатого, но неродовитого судью, мечтала, чтобы ее сын породнился с какой-нибудь древней знатной фамилией, чтобы придать светского лоска их солидному состоянию. Этому сыну его батюшка недавно купил должность королевского прокурора в Париже, и теперь ему понадобился герб, чтобы не чувствовать себя белой вороной среди вельмож. Такой брак можно было назвать большой удачей для обеих сторон. Молодые почти сразу же обвенчались.

Молодой король Людовик XIV вместе со своей армией вихрем пронесся по всему королевству, призвав к порядку мятежных жителей Бордо, усмирив западные провинции Пуату, Мэн, Нормандию, и отправился на восток, в Шампань, чтобы согласно древнему обычаю французских королей короноваться в Реймсе.

Реймс!

Окруженный бескрайними кудрявыми виноградниками, Реймс был священной столицей, отцом французских городов, а если

верить легенде, что его основал Рем, не убитый, а лишь изгнанный Ромулом, то Реймс приходится братом-близнецом Риму.

Под сводами великолепного готического собора, под разноцветными солнечными бликами от дивных витражей шестнадцатилетний король сначала пал ниц, затем встал и снял с себя одежду, оставшись в одной лишь шелковой рубашке с округлым вырезом.

Архиепископ совершил над юным монархом обряд помазания, используя удивительное благоухающее вещество рыжевато-го цвета — святой елей, который в далекую варварскую эпоху для крещения языческого короля Хлодвига принес святому Реми спустившийся с неба голубь. Так язычник превратился во Всехристианнейшего короля, а Франция стала старшей дочерью церкви. Крошечную частицу чудесного еля архиепископ достал из стеклянной ампулы золотой иглой и смешал с другими драгоценными маслами, а затем натер получившимся бальзамом голову, грудь, лопатки, локти, ладони, ноги, колени и ступни Людовика.

После этого король принял регалии — атрибуты верховной власти, отныне принадлежащей ему безраздельно. Король получил золотые шпоры, украшенные голубой эмалью; меч в ножнах с рукоятью, инкрустированной драгоценными камнями; скипетр; деревянный посох шести футов в длину, увенчанный изображением Карла Великого, держащего скипетр и державу. Королевский скипетр представлял собой золотой жезл почти в локоть длиной, заканчивающийся дланью с двумя вытянутыми перстами — символ приговора или защиты, — выточенной, как считалось, из рога единорога. Чистота. Твердость. Редкий материал, как никакой другой подходящий для королевского правосудия.

Каждый из этих предметов являлся символом. А также образцом красоты и редкостным произведением искусства!

Кольцо было надето на левую руку как знак связи монарха с его народом. Массивной пряжкой застегнута тяжелая голубая мантия, отделанная горностаем и расшитая золотыми цветами лилии. Королю подносят чашу с причастием.

Наконец, на кудрявую голову Людовика возложена тяжелая корона, предназначенная специально для церемонии корона-

ции, — четыре золотые пластины, соединенные основанием из золотых лилий, украшенным двенадцатью драгоценными камнями, бриллианты и жемчуг, бегущие к навершию, увенчанному цветком лилии из золота и драгоценным камнем в виде креста. Монарх получил также более легкую корону из чеканного золота, свою личную корону, которую он будет носить впредь, представляя перед народом, а также во время роскошных церемоний и праздников.

Затем, возглавив торжественную процессию из свиты и армии, Людовик посетил деревню Корбени¹, расположенную между Реймсом и Лаоном, где хранились реликвии святого Маркуля-чудотворца. Там король получил особый дар исцеления больных золотухой.

Затем под восторженные овации умиленного народа король Людовик XIV, прекрасный как никогда, вернулся в славный город Париж.

Только принц Конде не желал прекращать мятеж и еще долгие годы, стоя во главе испанских армий, воевал против французской армии и месье Тюренна. Но Фронда закончилась. Мазарини вышел победителем из этой ужасной, безумной гражданской войны. И снова в коридорах Лувра замелькало его красное одеяние, но «мазаринад» больше не было. Страна была истощена.

Анжелика знала, что деревня Монтелу почти полностью разрушена. Офицеры даже поселились в замке, но, по слухам, принц Конде дал на этот счет строгие указания, и они вели себя вежливо с бароном и его семьей, не оставив о себе слишком плохих воспоминаний. Увы, солдаты не церемонились с мулами и увели больше половины стада. Тем не менее деньги за обучение Анжелики всегда поступали вовремя, и это доказывало, что Молин помогал барону, невзирая на все трагические события.

¹ В замке Корбени в 771 г. Карл Великий был провозглашен единым королем франков. Король Карл Простой подарил замок монахам Св. Реми в Реймсе, которые построили там храм. После помазания на царство в Реймском соборе французские короли ходили пешком на поклонение в этот храм. — *Примеч. ред.*

* * *

Когда Анжелике исполнилось семнадцать лет, она узнала о смерти матери. Девушка много молилась в часовне, но совсем не плакала.

Она не могла себе представить, что больше никогда не увидит мать, в сером платье и черном платке, поверх которого летом водружалась устаревшая соломенная шляпа. Верная служительница огорода и сада, мадам де Сансе, возможно, окружала большей заботой и лаской грушевые деревья и капусту, нежели свое многочисленное потомство. Но она оставила сыновьям и дочерям щедрое наследство.

Если богатые дамы-дворянки следили за возведением лабиринтов и фонтанов в своих великолепных парках, то баронесса обратила заботы на выращивание фруктов и овощей. Выращенные ею плоды и овощи были самыми вкусными во всей округе, благодаря чему Анжелика, так же как ее братья и сестры, питались не кашей и дичью, а полезными салатами и компотами, которые давали детям великолепный цвет лица и отменное здоровье.

Конечно, в их возрасте мало кто задумывается о столь ценных приобретениях. У мадам де Сансе был приятный голос, но она мало говорила. Она воспитывала детей в суровой бедности, вынужденная заниматься тяжелым трудом, оттого малыши редко видели мать и не осознавали, насколько она скромна. Все, что она делала ради их блага, казалось детям естественным.

Вечером, лежа на своей узкой кровати, Анжелика вдруг подумала, что именно эта молчаливая женщина, вздохавшая лишь украдкой, носила ее под сердцем.

Эта мысль взволновала девушку, и она положила руку на свой по-девичьи упругий живот. Неужели из столь тесного пространства может появиться живой ребенок, и даже десять детей, один за другим? И эти дети уходят: сначала в объятия кормилицы, потом в огромный мир. Кто-то отправляется в Америку, кто-то выходит замуж, а кого-то забирает могила. Анжелика вспомнила странное, бледное создание — свою младшую сестру Мадлон. Покинув лоно матери, она знала лишь страх и постоянную тревогу. Истории кормилицы заставляли девочку дрожать от ужаса. Она жила в вымышленном мире, более страшном, чем мир реальный, и никто не пришел к ней на помощь.

«Когда у меня будет ребенок, — подумала Анжелика, — я не дам ему умереть где-то вдали от меня. Ах, как я буду его любить! Я буду любить его так сильно, что даже днем не стану отпускать от себя!»

Смерть матери стала печальным поводом к встрече Анжелики с братьями Раймоном и Дени, которые и сообщили ей страшную весть. Порядки ордена урсулинок требовали, чтобы беседа с родными проходила в специальной приемной с холодной решеткой, отделявшей воспитанницу от посетителей.

Теперь Дени тоже учился в коллеже. Повзрослев, он превратился в копию Жослена, и в первый момент Анжелика решила, что перед ней старший брат — именно таким она его запомнила: черная форма школяра, роговая чернильница на поясе. Она была настолько потрясена этим сходством, что, поприветствовав святого отца, сопровождавшего брата, не обращала на него внимания до тех пор, пока тот не обратился к ней:

— Анжелика, это я, Раймон. Неужели ты не узнала меня?

Девушка оробела. Монастырь урсулинок отличался от многих других обителей крайне жесткими правилами, монахини смотрели на священников с благоговением и даже с рабской покорностью, неразрывно связанной с извечным инстинктом женщины подчиняться мужчине. И услышав, что один из святых отцов запросто обращается к ней, Анжелика смутилась и опустила глаза, но Раймон продолжал улыбаться. С большим тактом он рассказал сестре о постигшем их несчастье и напомнил о необходимости безропотно повиноваться воле Божьей. Что-то изменилось в его длинном лице с матовой кожей и ясными пылающими глазами.

Он сказал, что отец был огорчен, когда после нескольких лет, проведенных в обители иезуитов, Раймон не отказался от мысли стать священником. После отъезда Жослена барон, без сомнения, надеялся, что именно Раймон унаследует его титул. Но тот отказался в пользу младших братьев, продолжил занятия и принес монашеский обет. Гонтран тоже разочаровал бедного барона Армана. Он не пожелал поступить на службу в армию, бросил занятия в монастыре и уехал в Париж, чтобы изучать один Бог знает что. Оставалось ждать, пока подрастет тринадцатилетний Дени и фамилия

де Сансе вернет себе воинскую славу, достойную старинного дворянского рода.

Во время своего рассказа отец-иезуит внимательно рассматривал сестру, совсем взрослую девушку, которая, чтобы лучше слышать брата, прижала к холодным прутьям решетки свое прелестное розовое личико. В полумраке комнаты необычные глаза Анжелики казались прозрачными, словно морская вода. Когда Раймон обратился к сестре с вопросом, в его голосе сквозила жалость:

— Анжелика, а что собираешься делать ты? Чего бы ты хотела?

Девушка встряхнула тяжелой гривой волос, отливающей золотом, и равнодушно ответила:

— Не знаю.

* * *

В один прекрасный день Анжелику де Сансе снова пригласили в приемную.

Ее ждал старый Гийом, такой же седой, как и раньше. Бывший наемник аккуратно прислонил к стене свою неизменную пику.

Гийом сообщил, что ему поручено сопроводить Анжелику в Монтелу. Целуя свою воспитанницу на пороге монастыря, монахини-урсулинки смотрели на нее с улыбкой и затаенной радостью. Они не сомневались: возвращение домой свидетельствует о том, что родители нашли девице мужа.

Глава 15

*Братья Анжелики покинули Монтелу. —
Анжелика соглашается на брак с графом де Пейраком*

Барон де Сансе с нескрываемым удовольствием любовался своей дочерью Анжеликой.

— Эти монашенки превратили тебя в само совершенство, моя маленькая дикарка.

— Совершенство ли? Это еще надо будет проверить, — возразила Анжелика, привычным жестом откинув на спину копну вьющихся волос.

Воздух Монтелу, напоенный нежными ароматами болот, вернул ей былую тягу к независимости. Она оживала, словно увядший цветок после ливня.

Но отцовская гордость не позволила барону Арману сдаться.

— В любом случае ты даже красивее, чем я думал. Конечно, на мой взгляд, твоя кожа несколько смуглее, чем хотелось бы, при таких глазах и волосах. Но это сочетание не лишено особого очарования. Впрочем, я давно заметил, что большинство моих отпрысков отличаются смуглой кожей. Думаю, это влияние той капли арабской крови, что течет в жилах почти всех жителей Пуату. Ты видела своего младшего брата Жана-Мари? Вылитый мавр!

И барон неожиданно заявил:

— Граф де Пейрак де Моренс д'Ирристрию просит твоей руки.

— Моей руки? — изумилась Анжелика. — Да ведь я его не знаю!

— Это неважно. Зато его знает Молин, и это главное. Он заверил меня, что я и мечтать не мог, чтобы одна из моих дочерей получила столь лестное предложение.

Барон Арман сиял. Прогуливаясь вместе с дочерью в теплое апрельское утро по низине, концом трости он сбил несколько головок первоцветов, росших на обочине дороги.

Накануне вечером Анжелика в сопровождении Гийома и своего брата Дени вернулась в Монтелу. Она очень удивилась, увидев брата, но он объяснил, что, хотя в коллеже нет каникул, его специально отпустили домой, чтобы он мог присутствовать на ее свадьбе.

Девушка была вынуждена признаться себе в том, что встреча с Монтелу не принесла ей желанной радости. Все вокруг казалось Анжелике незнакомым, не таким оживленным, как прежде, хотя по поместью беспрестанно сновали какие-то люди. Это были новые работники конюшен, она их не знала.

После смерти матери ей показалось странным видеть в доме теток. Пюльшери почти не изменилась. Она очень обрадовалась приезду племянницы. Правда, тетя стала настолько худой, что, обнимая ее, Анжелика, уже не уступавшая ей в росте, боялась повредить кости хрупкой дамы. А тетя Жанна по-прежнему сидела в углу большого зала перед рамой с натянутым гобеленом и с мрачной решимостью вонзала в него острую иглу.

Будучи ребенком, Анжелика, которая без конца носилась по деревне, увлеченная множеством всевозможных замыслов, не обращала внимания на злобное ворчание тети Жанны, те нелицеприятные выпады, которые она позволяла себе в адрес девочки. Эта полная женщина, как и ее плохое настроение, были всего лишь частью привычной окружающей обстановки. Но по возвращении из монастыря, охваченная волнением и легкой грустью, Анжелика неожиданно с излишней чувствительностью отреагировала на неприкрытую злобу, которую тетя Жанна сумела вложить в единственный взгляд, брошенный на племянницу поверх гобелена.

Чтобы обратиться к этой суровой даме с парой любезных фраз, Анжелике требовалось приложить невероятное усилие, от которого она решила отказаться. После короткого приветствия и реверанса девушка ушла из гостиной, оставив тетку в углу зала среди ее иголок и шерстяных ниток.

Новость о замужестве ее смущала. Она бродила по замку, опустевшему не только из-за смерти матери.

Братья?.. Младшие выросли, и Анжелика их путала. Тому, кого некогда называли малышом Дени, исполнилось пятнадцать.

— А где Гонтран? — внезапно спросила Анжелика у Мари-Аньес. Девочка удивилась.

По ее разумению, Гонтран находился где-то среди взрослых, которые жили очень далеко, получали образование у сестер-урсулинок или у иезуитов. Она его почти не помнила. Но обладавшая живым умом Мари-Аньес хотела во что бы то ни стало доставить радость старшей сестре, на которую смотрела с восхищением, и умчалась за новостями.

Порывшись в памяти в ожидании сестры, Анжелика вспомнила, как Раймон, извещая ее о кончине матери, упомянул, что Гонтран отправился в Париж учиться.

Мари-Аньес влетела в комнату и выпалила:

— Он уехал!

А затем добавила:

— А куда — никто не знает.

Стало быть, Гонтран не утруждал себя написанием писем семье.

В то утро, гуляя с отцом, Анжелика решила не расспрашивать его о Гонтране, потому что почувствовала, что эта тема испортит ему настроение. К тому же ее волновали иные вопросы. «Что еще за история со свадьбой?» — думала она.

Она не принимала разговоры о браке всерьез, но теперь уверенный тон барона начал ее беспокоить. За прошедшие годы отец почти не изменился. Лишь несколько седых прядей посеребрили усы и маленький клочок волос на подбородке, который барон носил по моде времен Людовика XIII. Анжелика думала, что застанет его раздавленным кончиной супруги, и не могла не удивляться, глядя на довольного жизнью, улыбающегося отца.

Когда они дошли до луга, полого спускающегося к осушенным болотам, девушка попыталась сменить тему разговора, который угрожал вызвать ссору между только что встретившимися.

— Вы писали мне, отец, что во время этой ужасной Фронды понесли большие убытки из-за потери скота, что армии буквально ограбили вас?

— Так и есть, мы с Молином потеряли почти половину мулов, и без управляющего Плесси я бы оказался в долговой яме, а мои земли были бы проданы.

— Вы еще много должны ему? — в голосе Анжелики сквозило беспокойство.

— Увы, да! Из тех сорока тысяч ливров, которые мне некогда одолжил Молин, за пять лет тяжелейшего труда я смог вернуть ему всего только пять тысяч. Но Молин отказался их брать, настаивая, что это моя доля прибыли. Чтобы заставить управляющего взять деньги, мне пришлось вспылить.

С подкупающей простотой Анжелика заметила, что уж коли сам управляющий не требовал возвращения долга, то отец напрасно упорствовал, проявляя излишнее благородство.

— Если Молин предложил вам организовать дело, он явно нагрел на нем руки. Он не из тех людей, кто делает подарки. Но честность ему не чужда, и раз он настаивает, чтобы вы оставили эти сорок тысяч себе, то, значит, считает, что ваши хлопоты и оказанные ему услуги того стоили.

— Что правда, то правда, наша торговля мулами и свинцом с Испанией с грехом пополам, но движется, ведь мы освобождены от дорожных пошлин на путь до самого океана. В те годы, когда нас не грабят, мы можем продавать остаток продукции государству и таким образом покрыть расходы... Все верно.

Барон озадаченно взглянул на Анжелику.

— Но как здраво вы рассуждаете, дочь моя! Я не уверен, пристало ли девице, только что покинувшей стены монастыря, вести столь практичные, я бы даже сказал, дерзкие речи?

Анжелика рассмеялась.

— Говорят, в Париже именно женщины управляют всем: политикой, религией, литературой и даже наукой. Таких дам называют «жеманницами». Каждый день в салоне кого-то из них собирается весь свет Парижа, острословы и ученые. Хозяйка возлещит на кровати, а гости беседуют у ее алькова. Если со временем я окажусь в Париже, то не создать ли мне салон, где будут говорить о торговле и коммерческих сделках?

— Какой кошмар! — воскликнул совершенно шокированный барон. — Анжелика, неужели урсулилки внушили вам подобную идею?

— Монахини говорили, что у меня есть успехи в счете и в логике. Даже большие успехи... Они очень жалели, что не сумели сделать из меня образец набожности и лицемерия, как из моей сестры Ортанс. Урсулилки возлагали большие надежды на то, что она вступит в их орден. Но, безусловно, прокурор оказался куда привлекательнее.

— Дочь моя, не надо завидовать Ортанс, так как месье Молин, которого вы столь строго судите, нашел вам мужа, во многом превосходящего супруга Ортанс.

Девушка нетерпеливо топнула ногой.

— Молин слишком усердствует! Слушая вас, можно подумать, что я его дочь, а не ваша. С чего он так печется о моем будущем?

— Напрасно вы сетуете на него и упрямитесь, маленькая ослица, — улыбнулся отец Анжелики. — Послушайте меня. Граф Жоффрей де Пейрак — прямой потомок старейших графов Тулузы, их благородная кровь древнее, чем кровь нашего короля Людовика XIV. Кроме того, граф — самый влиятельный и богатый человек Лангедока.

— Вполне возможно, отец, но не могу же я выйти замуж за мужчину, которого я не знаю, да и которого вы сами никогда не видели.

— Почему? — удивился барон. — Все благородные девицы выходят замуж именно таким образом. Не им, и не случаю решать, какой союз выгоден семье, это не только их будущее, но имя и титул, которые они передадут детям.

— Он... он молод? — помолчав, спросила девушка.

— Молод, молод, — сердито проворчал барон. — Весьма легкий вопрос для столь практичной особы, как вы. Справедливости ради надо сказать, что ваш жених старше вас на двенадцать лет. Но для мужчины тридцать лет — это пора расцвета, в эти годы он полон сил и привлекательности. Небеса могут послать вам многочисленное потомство. У вас будет свой дворец в Тулузе, замки в Альби и Беарне, экипажи, туалеты...

Воображение Армана де Сансе истощилось, и он замолчал.

— Со своей стороны хочу заметить, — наконец заявил барон, — что сватовство человека, который также вас никогда не видел, — для нас редкая, неожиданная удача...

Некоторое время они шли молча.

— Вот именно, — тихо продолжила разговор Анжелика, — я нахожу эту удачу слишком неожиданной. Вы можете сказать мне, папа, почему этот граф, у которого есть все, чего он ни пожелает, не выбрал в качестве супруги наследницу богатого рода, а стал искать невесту в глуши, в Пуату, причем невесту без приданого?

— Без приданого? — повторил Арман де Сансе, и его лицо прояснилось. — Давай вернемся в замок, Анжелика, ты переоденешься для выхода. Мы возьмем лошадей. Я хочу тебе кое-что показать.

По приказу барона слуга вывел из конюшни во двор замка двух лошадей и быстро оседлал их. Заинтригованная девушка больше не задавала вопросов. Садясь в седло, она сказала себе, что замуж выходить все равно придется и что большая часть ее подруг сочеталась браком с кандидатами, подобранными им родителями. Почему же ее так возмущает подобная перспектива? Мужчина, за которого ее сватают, — не старик. Она будет богата...

Внезапно Анжелика отдала себе отчет в том, что испытывает какое-то приятное чувство, и через долю секунды поняла его причину. Рука слуги, помогавшего ей садиться в женское седло, коснулась ее лодыжки и нежно погладила ее ногу жестом, который даже самая неискушенная девица в мире не смогла бы счесть случайным.

Барон ушел в дом, чтобы сменить сапоги и надеть чистый воротник.

Анжелика нервно дернулась, и лошадь сделала несколько шагов вперед.

— Что ты себе позволяешь, деревенщина?

Девушка покраснела и разозлилась на саму себя, потому что в глубине души была вынуждена признать, что от этой короткой ласки по ее телу пробежала приятная дрожь.

Слуга, здоровяк с широченными плечами, поднял голову. Пряди темных волос падали на почти черные глаза, в которых светилось привычное лукавство.

— Николая! — воскликнула Анжелика, испытывая одновременно и радость встречи старого друга, и смущение, вызванное его дерзостью.

— А! Ты узнала Николая, — заметил барон де Сансе, приближавшийся широкими шагами. — Подлинное несчастье для всех нас, никто не знает, что с ним делать. Ни пахота, ни мулы его не интересуют. Лентяй и волокита, вот он каков, твой расчудесный товарищ по играм, Анжелика!

Казалось, молодого человека нисколько не смутила нелестная оценка хозяина. Он смотрел на Анжелику, обнажив в широкой улыбке белые зубы и демонстрируя смелость, граничащую с наглостью. Его рубашка была расстегнута, и под ней виднелась мускулистая загорелая грудь.

— Эй, парень, возьми-ка мула и поезжай за нами, — сказал барон, который ничего не заметил.

— Слушаюсь, хозяин.

Всадники преодолели подъемный мост и свернули влево.

— Куда мы направляемся, отец?

— На старый свинцовый рудник.

— К развалинам печей около земель Ньельского аббатства?..

— Именно туда.

Анжелика вспомнила монастырь и распутных монахов, свой безрассудный детский поступок, когда она решила убежать в Америку, и объяснения брата Ансельма насчет свинца и серебра, а также работ, которые велись на руднике в Средневековье.

— Я не понимаю, как этот клочок заброшенной земли...

— Этот клочок земли, который уже совсем не запущен и который теперь носит название Аржантьер, и есть твое приданое. Если ты помнишь, Молин просил меня вновь получить патент на добычу свинца, некогда принадлежавший нашей семье, и выхлопотать освобождение налогов на четверть продукции. Когда все необходимые документы были получены, он пригласил рабочих из Саксонии. Видя, какое внимание он уделяет до тех пор бесхозной земле, однажды я сказал Молину, что сделаю этот рудник твоим приданым. Мне думается, что именно тогда в его замечательной

голове и зародилась идея твоего замужества с графом де Пейраком, потому что тулузский сеньор хотел бы приобрести эту землю. Я не слишком хорошо понял суть сделки, которую Молин заключил с графом; но решил, что тулузец в той или иной мере причастен к мулам и металлу, которых мы отправляем морским путем испанцам. Это служит еще одним доказательством того, что намного больше дворян, чем мы думаем, интересуется коммерцией. При этом я не сомневаюсь, что у графа де Пейрака достаточно денег и земель, чтобы не утруждать себя хлопотами, несоответствующими его дворянскому званию. Наверное, подобный род деятельности его развлекает. Граф слывет большим оригиналом.

— Если я правильно поняла суть сказанного, — медленно процедила Анжелика, — то вы знали, что граф страстно желает заполнить рудник, и намекнули, что в придачу к землям было бы неплохо присовокупить и невесту.

— Под каким странным углом ты смотришь на вещи, Анжелика! Я нахожу, что моя идея сделать этот рудник твоим приданным превосходна. Единственное, чего я желаю, так это видеть всех моих дочерей удачно пристроенными в жизни, об этом же мечтала и твоя бедная мать. Ведь в нашей семье не принято продавать поместные земли. Невзирая на все трудности, мы сумели сохранить наши владения в целости, хотя дю Плесси давно зряются на мою замечательную вотчину с осушенными болотами. Я очень рад, что выдам дочь за человека не только знатного, но и богатого. Земля останется в семье. Она достанется не чужакам, а новой ветви семьи Сансе, возникшей благодаря столь удачному альянсу.

Анжелика отвернулась от отца, чтобы тот не мог видеть выражения ее лица. В бессильном бешенстве она закусила губу. Она не могла объяснить отцу, насколько для нее унижительно это сватовство, ведь барон Арман не сомневался, что весьма ловко устроил счастье дочери. Но Анжелика не отказалась от борьбы.

— Если я правильно помню, вы отдали рудник Молину в аренду на десять лет? Следовательно, он будет находиться в его руках еще около четырех лет. Как же вы можете превращать в приданое землю, находящуюся в аренде?

— Молин не только согласен на это, но и продолжит разрабатывать рудник от имени господина де Пейрака. Впрочем, работа идет уже три года, сейчас ты все увидишь. Мы почти на месте.

Двигаясь рысью, всадники добрались до рудника приблизительно за час.

Некогда Анжелика думала, что черный карьер и протестантская деревня находятся на краю света, а оказалось, они совсем близко от Монтеду. Новая отремонтированная дорога лишь усиливала это впечатление. Возле рудника специально для рабочих построили небольшую деревеньку.

Отец и дочь спешили, Николя взял лошадей под уздцы.

Заброшенный карьер, который Анжелика отлично помнила, преобразился до неузнаваемости.

Проточная вода, струясь по новеньким желобам, приводила в движение несколько вертикальных каменных жерновов. Чугунные песты с глухим шумом дробили глыбы, которые рабочие вручную откалывали от основного пласта породы.

В двух раскаленных докрасна печах горел огонь, раздуваемый огромными кожаными мехами. Рядом с печами лежали черные горы древесного угля, вся остальная площадка была заполнена кучами камней. Рабочие лопатами бросали породу, измельченную жерновыми, в деревянные желоба, по которым текла вода. Другие рабочие скребками подгребали крошку против течения. Немного в стороне возвышалась солидных размеров постройка, двери которой, укрепленные сеткой и массивными железными перекладинами, были заперты висячими замками. Вход туда охраняли двое мужчин, вооруженных мушкетами.

— Тут хранятся запасы серебряных и свинцовых свитков, — сказал барон.

Раздуваясь от гордости, он добавил, что завтра попросит Молина показать Анжелике содержимое склада.

Барон повел дочь к близлежащему карьере. Огромные ступени, по два туаза¹ в высоту, складывались в подобие римского амфите-

¹ Туаз — старинная французская мера длины: шесть футов, около двух метров. — *Примеч. пер.*

атра. То тут, то там чернели входы в подземные туннели, из которых выходили ослики, тащившие небольшие тележки.

— Здесь трудятся около десяти саксонских семей, это профессиональные горнорабочие, литейщики и каменоломы. Их нанял Молин.

— Какой же годовой доход приносит этот рудник? — спросила Анжелика.

— Откровенно говоря, я никогда этим не интересовался, — признался чрезвычайно смущенный Арман де Сансе. — Понимаешь, Молин регулярно выплачивает арендную плату. Он взял на себя все расходы по закупке оборудования. Кирпич для печей доставили из Англии и из Испании, его везли по тропам контрабандистов в Лангедоке.

— Вероятно, не без помощи того, кого вы мне прочите в мужья?

— Вероятно. Говорят, он занимается самыми разнообразными делами. Более того, граф — ученый, именно он создал чертеж этой паровой машины.

Барон подвел дочь к одному из входов в низкую галерею, ведущую в недра горы. Он продемонстрировал Анжелике огромный железный котел, под которым пылал огонь. Из котла выходили две толстые трубы, обмотанные тряпками, и тянулись вглубь шахты. Время от времени шахта выплевывала на поверхность фонтан воды.

— Это одна из первых паровых машин, построенных в наше время. Она служит для откачки подземных вод из штолен. Граф де Пейрак сконструировал ее во время своего пребывания в Англии. Как видишь, для женщины, мечтающей стать жеманницей, ученый муж, к тому же с острым умом, — ценное приобретение. Он совсем не похож на меня, невежественного тугодума, — с жалкой улыбкой добавил барон Арман. — Добрый день, Фриц Хауэр.

Один из рабочих, стоявший у необыкновенной машины, снял шапку и поклонился. От долгих лет работы в рудниках свинцовая пыль впиталась в кожу, и его лицо приобрело синюшный оттенок. На одной руке у него недоставало двух пальцев. Фриц Хауэр был коренаст и горбат, и потому его руки казались слишком длинными. Растрепанные пряди волос спадали на маленькие блестящие глаза.

— По-моему, он похож на Вулкана, бога подземного царства, — сказал барон де Сансе. — Говорят, что на свете нет человека, кото-

рый знал бы недра земли лучше, чем этот саксонский рабочий. Возможно, именно поэтому он так необычно выглядит. Все, что связано с рудником, кажется мне тайной за семью печатями, и порой я думаю, уж не замешано ли здесь колдовство. Говорят также, что Фриц Хауэр умеет превращать свинец в золото. Это уж совсем чудеса! Как бы то ни было, он уже несколько лет трудится на графа де Пейрака, который и прислал его в Пуату, чтобы наладить работу Аржантьера.

«Опять граф де Пейрак! Всюду граф де Пейрак!» — подумала взбешенная Анжелика.

А вслух сказала:

— Возможно, именно поэтому он так богат, этот граф де Пейрак. Он превращает в золото свинец, который ему посылает Фриц Хауэр. А меня превратит в лягушку...

— Вы безмерно огорчаете меня, дочь моя. К чему этот насмешливый тон? Словно я желаю вам зла. В моих планах нет ничего, что могло бы вызвать ваше недоверие. Я приготовился к восторженным возгласам, а слышу один только сарказм.

— Вы правы, отец, простите меня, — сказала Анжелика, смущенная и огорченная тем выражением разочарования, которое она прочитала на честном лице помещика. — Монахини часто говорили, что я не похожа на других девиц, что мое поведение кажется им обескураживающим. Не стану скрывать, это предложение графа ни капли не обрадовало меня, скорее, оно мне неприятно. Но дайте мне время подумать, свыкнуться с мыслью о замужестве...

Она почувствовала, что снова, как в прежние времена, начинает сопереживать отцу. У него был наивный вид, и, как обычно, он утешал себя мыслью, что может переложить дальнейшие объяснения на плечи Молина.

Но и беспокойство Анжелики усилилось.

Продолжая беседовать, отец с дочерью вернулись к лошадям. Анжелика ловко вскочила в седло, стараясь избежать помощи чересчур усердного Николя, но его смуглая рука все же невзначай коснулась ее талии.

«Как неприятно, — с раздражением подумала Анжелика. — Придется поставить его на место».

* * *

Возвращение в Монтелу было испорчено.

Но в сущности, чего она ожидала от этого возвращения домой после долгих лет пребывания в монастыре, где она ни единой минуты не была по-настоящему счастлива? Даже объятия кормилицы Фантины Лозье накануне вечером были не такими сердечными и радостными, как ожидала Анжелика. На лице кормилицы застыло трагичное выражение, так бывало, когда Фантина собиралась начать одну из своих страшных сказок. И Анжелика поняла, что кормилица уже давно не считает ее «своей девочкой».

Да и мамы не стало. Может быть, именно отсутствие матери сделало возвращение под родной кров таким печальным?.. Вместо того чтобы следовать за отцом, Анжелика придержала лошадь.

Дорога змеилась в низине, усыпанной цветущим боярышником. Чудесный аромат, напомнивший об ушедших днях детства, действовал на Анжелику умиротворяюще.

— Отец, — неожиданно сказала она, — насколько я понимаю, вы хотели бы как можно скорее услышать мой ответ на предложение графа де Пейрака. У меня появилась идея: позвольте мне встретиться с Молином. Я хотела бы с ним серьезно поговорить.

Чтобы определить время, барон поднял голову и посмотрел на солнце:

— Сейчас полдень, но я думаю, что управляющий будет рад пригласить тебя к обеду. Поезжай, дочь моя. Николая тебя проводит.

Анжелика была готова отказаться от подобного эскорта, но затем решила не обращать внимания на дерзкого крестьянина и, на прощанье весело махнув рукой отцу, пустила лошадь в галоп. Слуга, трусивший на муле, вскоре отстал от нее. Забыв об осторожности, Анжелика ослабила вожжи, предоставив лошади полную свободу и позволив ей мчаться что есть мочи по пустынной дороге под зелеными сводами деревьев.

Девушка думала только о том, как удержаться в седле. Порывы ветра доносили до нее благоухание снежных шапок боярышника, перед глазами мелькали облака белых и сиреневых первоцветов, которые росли по склону, словно их посадила внимательная и забот-

ливая хозяйка... Может быть, сама фея весна, которая неизменно верна своему обычаю?

Только почему отец, радуясь, что подыскал дочери достойного мужа, сбивал встречные первоцветы тростью?..

Через полчаса, проезжая мимо ограды замка Плесси, Анжелика пригнулась в седле, чтобы увидеть в конце каштановой аллеи сказочный белоснежный дворец.

«Филипп», — пронеслось у нее в голове. Имя кузена всплыло в ее памяти, усиливая грусть. Девушка снова вспомнила о том, какому унижению подверглись они с отцом в этом дворце, как над их бедностью и простотой насмехались блистательные владельцы поместья, приходившиеся им родственниками. Венчая свод огромного парка, вдали мелькнули и тут же пропали белые башенки Плесси.

На повороте аллеи появился дом управляющего-гугенота. Построенный из красного кирпича, обрамленного белым камнем, крытый шифером, он выглядел как и прежде: солидно, но неприязнительно.

Месье Молин появился на пороге. Анжелика с облегчением отметила про себя, что он ничуть не изменился.

Девушка остановила взмыленного скакуна и спрыгнула на землю. Тут же подскочил расторопный слуга, чтобы принять из ее рук вожжи и отвести лошадь на конюшню.

Когда после почтительных приветствий управляющий провел гостью в анфиладу комнат, где царил приятный полумрак, по изысканному аромату свежей выпечки и шуму со стороны просторной кухни Анжелика догадалась, что мадам Молин находится именно там и, как в давние времена, хлопочет сама, отстранив служанок, которые «не способны посадить пирог в печь, не пролив на огонь весь фруктовый сок».

Хотя бы здесь Анжелика видела дорогие сердцу картины далекого прошлого. На деревянном столе, до блеска начищенном пчелиным воском, стояли два хрустальных бокала, графин темно-рубинового вина и фаянсовая тарелка с крошечными изящно разложенными пирожными.

— Моя жена помнит, что вы их любите, — сказал Молин.

Он стоял навтыжку в той же почтительной позе, в которой обычно встречал барона де Сансе, потому что Анжелика уже не была ребенком, и управляющий отлично понимал, что юная дворянка по положению превосходит его, простолюдина.

Но после первого обмена любезностями Анжелика тоже осталась стоять. Озабоченная предстоящей беседой, она совершенно забыла об уроках хороших манер, на которых монахини учили воспитанниц, как те должны садиться и вставать, согласно «своему положению в обществе». Анжелика спросила себя, неужели в присутствии управляющего маркиза дю Плесси-Бельера она по-прежнему чувствует себя десятилетней девочкой?.. Эта мысль показалась ей забавной, и она улыбнулась.

Молин взял графин и разлил вино по бокалам.

— Вино с наших виноградников... Советую вам, мадемузель Анжелика, немного подождать, прежде чем сделать глоток. Вино очень холодное, а вы разгорячились после скачки.

— Я спешила встретиться с вами, месье Молин.

Молин приложил руку к сердцу.

— Я польщен.

Где-то на улице застучали копыта мула Николя, который наконец прибыл во владения Плесси. Анжелика вдруг разозлилась и на юношу, и на почтительные поклоны Молина. Было видно, что тот ждал ее визита и заранее договорился с отцом. Теперь он выскажет ей заранее приготовленные взвешенные аргументы. Анжелика столкнулась с сильным противником. Но она знала, чего хочет, или, вернее, не хочет.

Она решила для себя, что не поддастся заманчивым разговорам о земле или о выгодных коммерческих сделках, которые затеваются вокруг нее, какие бы изменения ни произошли вокруг нее или... внутри нее. Да, она повзрослела. Да, она больше не ребенок. И если потребуется скрестить с кем-то шпаги, она это сделает.

В комнате повисло молчание. Анжелика огляделась, пытаясь собраться с мыслями.

Молин провел гостью в маленький кабинет, где несколько лет тому назад беседовал с бароном Арманом. Именно здесь было принято решение разводить мулов, и девушка внезапно припомнила двусмысленный ответ управляющего, прозвучавший после ее детского,

но практичного вопроса: «А что вы дадите мне в обмен на мое молчание?» — «В награду вы получите мужа».

Неужели уже тогда он планировал ее союз с этим странным графом из Тулузы? Не исключено, ведь Молин человек прозорливый, в его голове всегда зрело множество хитроумных планов. В сущности, управляющий соседским замком не вызывал у Анжелики антипатии. Его несколько подобострастное, изворотливое поведение объяснялось тем, что Молин принадлежал к низшему сословию. Управляющий привык подчиняться, будучи при этом намного умнее собственных хозяев.

Для семьи небогатого помещика-соседа помощь Молина стала манной небесной, но Анжелика отлично понимала, что щедрость и великодушие хитреца продиктованы прежде всего личной выгодой. И это ей импонировало, потому что при таком раскладе она могла не чувствовать себя обязанной выказывать унижительную благодарность простолюдину. Анжелика даже удивилась симпатии, которую внушал ей этот расчетливый гугенот.

«Это потому, что он создает нечто новое и очень основательное», — решила девушка. В то же время ей не хотелось, чтобы управляющий манипулировал ею в собственных целях, приравнивал к товару, словно ослицу или свинцовый слиток.

— Месье Молин, — ровным голосом начала Анжелика, — отец упорно твердит мне о браке с неким графом де Пейраком и утверждает, что именно вы являетесь организатором этого брака. Учитывая то влияние, которое в последние годы вы оказываете на моего отца, не сомневаюсь, что и вы придаете огромное значение этому союзу, который, по всей вероятности, должен сыграть важную роль в ваших коммерческих планах. Я хотела бы понять какую?

Тонкие губы ее собеседника растянулись в холодной улыбке.

— Благодарю небо за то, что вы выросли именно такой, какой и обещали стать еще в те далекие времена, когда местные жители называли вас болотной фесей. Потому что я обещал графу де Пейраку не только красивую, но и умную жену.

— Вы взяли на себя слишком серьезные обязательства. Я могла вырасти уродиной и полной дурой, что повредило бы вашей карьере сводника!

— Я никогда не беру на себя необоснованных обязательств. Мои доверенные люди из Пуатье держали меня в курсе дел, а в прошлом году я лично видел вас во время одной процессии.

— Так вы следили за мной, — воскликнула взбешенная Анжелика, — следили, будто я дыня, созревающая в соломе?!

Сравнение, придуманное ею самой, показалось девушке настолько смешным, что она рассмеялась и сменила гнев на милость. В конце концов, она предпочитала знать правду, чем позволить обвести себя вокруг пальца, как деревенскую простушку.

Молин предложил:

— Мадемуазель Анжелика, присядьте и сделайте глоток вина. Сам управляющий сел напротив гости.

— Если бы я собирался говорить с вами на языке вашего сословия, — серьезным тоном произнес Молин, — то спрятался бы за привычными доводами: юная, еще очень юная особа не должна знать, почему родители выбрали ей именно этого мужа. Производство свинца и серебра, торговля и таможенные пошлины — во всем этом не должна разбираться женщина, тем паче дама из благородной семьи... Еще меньше ее должно интересовать разведение мулов. Но мне кажется, что я немного знаю вас, Анжелика, и потому не буду беседовать с вами подобным образом. Пожалуйста!.. Отпейте вина.

Но Анжелика не была расположена предаваться дружеским воздействиям с Молином. Неужели он надеется добиться ее расположения, предложив глоток вина или несколько маленьких пирожных?!

— Вы приказали следить за мной! — недовольно повторила она.

На устах Молина по-прежнему блуждала загадочная улыбка. Он едва заметно пожал плечами, показывая, что это обстоятельство не заслуживает внимания.

— Это неважно, — сказал он, — но... так получилось даже лучше.

Его строгий взгляд потеплел, остановившись на юном прелестном лице девушки, красота которой была совершенна и в минуты задумчивости, и в минуты волнения. Управляющий отметил про себя, что ее удивительного цвета глаза светятся острым, живым умом. Оттененные чуть растрепанной сияющей шевелюрой, это были не просто глаза юной девушки, которая обещает превратиться в прекрасную женщину. Эти глаза сулили нечто большее. Когда Молин увидел Ан-

желику, галопом влетевшую во двор, спрыгнувшую с лошади и бросившую поводья подбежавшему слуге, он подумал: «Совсем еще дитя». Но теперь гугенот изменил свое суждение.

Конечно, девушка отличалась порывистым нравом, но монастырское воспитание его смягчило. Годы в обители урсудинок не прошли даром. Жесты Анжелики обрели плавность, осанка — удивительную грацию. Теперь, когда нужно, она могла выглядеть серьезной и привлекательной и появиться в любом обществе. Но при этом она не лишилась природной живости и свободолюбия.

Молин решил быть с ней откровенным.

Анжелика с удивлением осознала, что и для управляющего помещением Плесси этот разговор чрезвычайно важен. Любопытство, желание услышать, что он ей сообщит, взяли верх над разочарованием и досадой, мучившими ее со вчерашнего дня. Ее несколько не шокировал тот доверительный тон, который обретала беседа.

— Почему вы думаете, что сможете говорить со мной не так, как с отцом?

— Это трудно объяснить, мадемуазель. Я не философ, и мои знания основаны на опыте, приобретенном годами нелегкого труда. Простите за излишнюю откровенность, но я скажу вам одну вещь. Люди вашего круга никогда не смогут понять, что моими устремлениями движет не что иное, как работа.

— По-моему, крестьяне работают намного больше вас.

— Они ищачат, это не одно и то же. Они глупы, невежественны и не понимают собственных интересов, впрочем, как и дворяне, которые ничего не создают. Знатные люди — существа бесполезные, единственное, что они умеют, — это вести разрушительные войны. Ваш отец начал делать хоть что-то, но прошу прощения, мадемуазель, он не может постичь суть работы! А значит, в итоге его дело придет в упадок...

— Вы думаете, что он не добьется успеха? — испуганно спросила Анжелика, и ее сердце болезненно сжалось. — А мне показалось, что дела идут неплохо, и ваш интерес к ним это доказывает.

— Бесспорным доказательством процветания может считаться, во-первых, увеличение поголовья мулов, например, на сотню голов в год, а во-вторых, и это главное, — значительный и постоянно растущий доход. Вот верные признаки процветающего дела.

— Но разве в один прекрасный день мы не добьемся этого?

— Нет, потому что разведение скота, даже успешное разведение, подкрепленное денежными резервами на случай непредвиденных трудностей вроде болезни или войны, остается всего лишь разведением скота. Как и земледелие, это занятие требует затрат времени, но приносит малый доход. Еще никогда ни земля, ни скот никого не обогатили: вспомните об огромных стадах библейских пастырей — сколь жалкое существование они владели.

— Из ваших рассуждений, месье Молин, я не могу понять, с чего это вы, весьма осторожный и искушенный делец, решили ввязаться в дело, отнимающее много времени и приносящее мало прибыли.

— Вот мы и коснулись вопроса, мадемуазель, почему господин ваш отец и я нуждаемся в вас.

— Но не могу же я заставить ваших ослиц плодиться в два раза быстрее.

— Зато вы можете помочь нам вдвое увеличить приносимый ими доход.

— Не вижу, каким образом.

— Вы легко поймете суть. В любом рентабельном предприятии главное — быстрота, но так как мы не в силах изменить законы Божьи, значит, нам следует воспользоваться несовершенством человеческого разума. Теперь я скажу вам, что мулы служат нам ширмой. Конечно, они помогают покрыть текущие расходы, улучшают наши отношения с военным интендантством, которому мы продаем шкуры и рабочий скот. Но главным образом мулы предоставляют нам свободу передвижения, позволяют снаряжать тяжелые караваны, которые освобождены от всех налогов и дорожных пошлин. Именно таким способом помимо мулов мы переправляем в Англию свинец и серебро. На обратном пути на мулов грузят мешки якобы с черным шлаком — веществом, необходимым для рудничных работ, который мы называем «плавень», но на самом деле в этих мешках лежат золото и серебро из воюющей Испании, поступающие к нам через Лондон.

— Я не могу уследить за ходом ваших мыслей, Молин. Зачем отправлять серебро в Лондон, если оно затем все равно возвращается во Францию?

— Оно возвращается в двойном или тройном размере. Граф Жоффрей де Пейрак владеет золотоносным месторождением в Лангедоке. Когда он станет обладателем еще и рудника Аржантьер, обменные операции, которые я совершаю от его имени с этими двумя драгоценными металлами, ни у кого не вызовут подозрений, ведь и золото, и серебро будут официально добываться на рудниках, принадлежащих графу. Именно это дело и приносит нам настоящую прибыль. Ведь количество золота и серебра, которое можно добыть во Франции, просто ничтожно. А благодаря нашей маленькой хитрости мы, не доставляя беспокойства ни налоговому управлению, ни таможене, можем завезти в страну любое количество испанского золота и серебра. К счастью, слитки, которые я отдаю менялам, говорить не умеют. Они не могут признаться, что поступили к нам из Испании через Лондон, а не из рудников Аржантьера или Лангедока. Таким образом, отчисляя королевскому государственному казначейству законную прибыль якобы от работ на рудниках, мы получаем значительное количество драгоценных металлов без затрат на рабочую силу, таможенные пошлины и разорительные закупки необходимого оборудования. Ведь никто и знать не знает, сколько металла мы производим, всем приходится верить цифрам, которые мы сообщаем.

— А если ваши махинации будут раскрыты, не рискуете ли вы попасть на галеры?

— С какой стати? Мы не отливаем ни единой фальшивой монеты. У нас даже в мыслях никогда не было ничего подобного. Напротив, именно мы регулярно снабжаем королевское государственное казначейство тем, чего ему постоянно недостает: звонкой монетой. Это и золотые луидоры, и серебряные слитки, которые казначейство проверяет, клеймит и из которых чеканит монеты. Когда же рудник Аржантьер и шахта в Лангедоке будут принадлежать одной семье, мы, прикрываясь ничтожно малой долей национальной добычи металлов, сможем получить быструю прибыль от торговли испанскими драгоценными металлами. Эта страна купается в золоте и серебре, привезенными из Америк; она утратила вкус к труду и живет лишь торговлей сырьем. А банки Лондона выступают посредниками в этой торговле. Испания — одновременно самая богатая и самая бедная страна мира. Что касается Франции, так эти

коммерческие сделки, которые мы не можем вести открыто только лишь из-за бездарного экономического управления государством, невольно обогатят страну. Но прежде обогатимся мы сами, так как инвестируемые суммы вернутся к нам намного быстрее, чем инвестиции в ослицу, которая вынашивает потомство целых десять месяцев и в итоге приносит только десять процентов прибыли.

Анжелика помимо собственной воли увлеклась всеми этими хитроумными махинациями.

— А что вы делаете со свинцом? Он тоже только прикрытие или его можно использовать в коммерческих целях?

— Свинец высоко ценится. Он нужен для войны и для охоты. В последние годы он заметно подорожал, после того как королева-мать, по примеру своей свекрови Марии Медичи, пригласила во Францию флорентийских инженеров, которые оборудовали все ее покои купальнями. Вы должны были видеть в замке Плесси такую купальню с римской ванной и свинцовыми трубами.

— А ваш хозяин, маркиз, в курсе ваших грандиозных проектов? Молин снисходительно улыбнулся и возвел очи горе.

— Увы! Господин маркиз дю Плесси совершил роковую ошибку, присоединившись к принцу Конде во время мятежа против короля. Надеюсь, что теперь он покинул ряды сторонников господина принца, который заочно приговорен к смертной казни, но продолжает вести сражения против королевских армий. Господин дю Плесси пытается вернуть милость Его Величества. Я редко его вижу. Я пекусь о его владениях, и он знает, что мне с трудом удалось спасти замок от участи, постигшей дом господина де Ларошфуко. Королева приказала сровнять дворец с землей. Как бы то ни было, дела рудника Аржантьер не касаются маркиза. Речь идет о вас и о наследственной вотчине вашей семьи. В былые времена именно бароны де Сансе де Монтелу были сюзеренами Плесси, а не наоборот.

Услышав это, Анжелика испытала чувство глубокого удовлетворения.

— Мой отец что-нибудь знает о ваших махинациях с золотом и серебром?

— Я подумал, что одно лишь известие о том, что по его землям везут испанское золото и серебро, глубоко бы огорчило вашего по-

ченного батюшку. Не лучше ли будет, если барон продолжит верить, что те скромные доходы, которые позволяют ему жить, — плод привычного всем честного труда?

Пренебрежительная ирония, прозвучавшая в голосе Молина, оскорбила Анжелику. Она сухо поинтересовалась:

— И чем же я заслужила честь узнать о ваших махинациях, от которых за десять лье несет галерами?

— Никто не говорит о галерах, а если у нас возникнут сложности с чиновниками, то несколько экю их без труда уладят. Взгляните на Мазарини и Фуке — в их руках больше власти, чем у принцев крови и даже у самого короля, потому лишь, что они владеют огромными состояниями. Что касается вас, то я знал, что вы будете сопротивляться, пока не поймете, почему вас вовлекли во все это. В сущности, проблема проста. Графу де Пейраку нужен Аржантьер. А ваш отец уступит ему свою землю лишь в обмен на счастье одной из своих дочерей. Вы знаете, каким упрямым он может быть. Барон ни за что не продаст ни пяди своих владений, если это не приблизит его к заветной цели: выдать вас замуж. Со своей стороны граф де Пейрак будет рад породниться с древним дворянским родом и поэтому счел этот союз вдвойне выгодным.

— А если я откажусь разделить его точку зрения?

— Это будет весьма прискорбно. Вы же не хотите, чтобы ваш отец попал в долговую яму... Ваша семья окажется в столь бедственном положении, что все предыдущие тяготы покажутся сущими пустяками. Прежде всего беда коснется ваших младших братьев и сестер, проживающих в Монтелу... Если не ошибаюсь, самому младшему из них всего семь или восемь лет. Их образование окажется под угрозой, как некогда ваше. Увы, я буду лишен возможности ссудить их деньгами. А каково ваше будущее, будущее девицы-бесприданницы? Вы состаритесь в нищете, как ваши тетушки.

Увидев, что в глазах девушки сверкнула ярость, Молин лукаво добавил:

— Зачем вы вынуждаете меня рисовать столь мрачные картины? Я вообразил, что вы совершенно иной закалки, чем те дворяне, что довольствуются своим гербом и живут подачками короля... Чтобы бороться с трудностями, надо уметь смело взглянуть им в лицо

и порой поступиться собственными интересами. То есть надо действовать. Вот почему я не стал ничего скрывать от вас, чтобы вы знали, куда направить свои усилия.

Никакая другая речь не могла бы затронуть тайные струны в душе Анжелики. Еще никто не вел с ней разговора, настолько соответствующего ее характеру. Девушка восторгалась, будто ее стегнули хлыстом. Она видела разоренный Монтелу, младших братьев и сестер, копошащихся в навозе, маму с покрасневшими от холода пальцами, и отца, за маленьким секретером усердно строчащего прошение королю, который никогда не отвечал своему подданному... С юношеским пылом Анжелика еще пыталась бороться, не желая соглашаться с разумными доводами собеседника. Она по-прежнему сомневалась. Она должна донести до Молина все свои мысли. Она искала подходящие слова, чтобы этот холодный и суровый человек понял, в сколь унижительном положении оказалась она и ее отец. Но ведь и Молин не стал бы заниматься этим делом, если бы не был уверен, что оно ему будет выгодно.

Тщательно взвешивая слова, она произнесла:

— Месье Молин, имейте в виду, я отлично помню, что мы ваши должники. Та ссуда, которую вы некогда предоставили моему отцу, позволила мне, моим сестрам и братьям учиться в Пуатье. Но я убеждена, что дело, которое вы, человек опытный, провернули, пользуясь привилегиями и землями моего отца, принесло вам существенный доход!..

На губах Молина вновь заиграла легкая улыбка, на сей раз искренняя. Он казался довольным. Он исповедовал протестантскую религию и, следовательно, был убежден в собственной значимости. И дерзость Анжелики также была ему по душе. Управляющий не замедлил с ответом:

— Конечно. Но как любое другое прибыльное дело, мое предприятие было связано с определенными рисками... о которых я должен был подумать заранее.

— Какими рисками?

— Эх! Например, с риском, что в надлежащий момент вы не согласитесь играть ту роль, которая отведена вам в моих планах.

Анжелика вздрогнула и испуганно посмотрела на собеседника.

Она еще не слишком хорошо понимала, к каким последствиям может привести ее решение.

Управляющий тихо продолжил.

— «Что будет, если?» — спросили вы меня. Я вам ответил. Ваш отец попадет в долговую яму... и, весьма вероятно, я сам окажусь не в лучшем положении... Достаточно малейшего толчка, и наше блистательное предприятие рухнет, рудник Аржантьер прекратит существование, потому что уже сейчас он работает лишь благодаря денежным вливаниям господина де Пейрака. Граф не такой человек, который позволит обвести себя вокруг пальца.

Анжелика поняла, что на этот раз Молин говорит правду.

Ловушка захлопнулась... Ей предстоит безоговорочная капитуляция.

Кому она сможет объяснить причины своего бунта, рассказать о тревоге, поселившейся в душе?.. Кто поймет, сколь велика жертва, которую от нее требуют? Да и знает ли это сама Анжелика?

Молин бесстрастно наблюдал за почти сломленной девушкой.

Она подумала, что ненавидит его, но при этом не может злиться ни на управляющего, ни на отца. Гугенот сказал правду. Учитывая трудности прошлых лет, следует признать, что дела идут на редкость хорошо, подозрительно хорошо, хотя окружающие и полагают их дело честным и прибыльным.

Теперь же выяснилось, что весь успех предприятия зависит лишь от нее. От нее зависит, увидит ли отец, такой отважный и порядочный, результат своих трудов, будет ли раз и навсегда спасен Монтеду... И что самое поразительное, именно от нее зависит, выиграет или проиграет предприимчивый и хитрый Молин, поставивший на карту свое состояние, поддержав затею с разведением мулов и начав эксплуатацию заброшенного рудника...

Некогда управляющий-гугенот спас их от нищеты. Пришло время возвращать долги.

Анжелика поднялась со своего места.

— Договорились, месье Молин, — отчеканила она ровным голосом. — Я выйду замуж за графа де Пейрака.

Глава 16

Брак по доверенности в замке Монтелу

Больше всего на свете Анжелика хотела бы уехать отсюда. Но вежливость по отношению к хозяину дома требовала угоститься маленькими пирожными и сделать глоток вина. К тому же Анжелике нужно было восстановить силы.

Потом вошла мадам Молин и стала уговаривать гостью остаться на обед, час которого уже давно миновал. Такая родная, по-матерински заботливая, мадам Молин благоухала отменным, только что испеченным пирогом, и своей искренней благожелательностью дарила чувство покоя и утешения. Утирая слезу, она вспомнила о кончине госпожи баронессы де Сансе, которая искренне огорчила ее, как и многих других местных жителей. Растроганная Анжелика про себя изумилась поведению хозяйки дома, потому что ей всегда твердили, что протестанты — холодные и бессердечные люди. Но эта семья была ей близка, потому что проявляла искренний интерес к ее родным. И Анжелика неожиданно спросила:

— Месье Молин, а вы могли бы рассказать, что случилось с моим братом Гонтраном?

— Увы, нет, мадемуазель! Он уехал более четырех лет тому назад, отказавшись поступить на королевскую службу, хотя в то время дела господина барона шли хорошо и ваш отец мог позволить себе купить воинское снаряжение для сына, пусть скромное, но вполне достойное... Вашему брату, чтобы его карьера состоялась, оставалось только проявить усердие и мужество. Но он ничего не желал слышать и сказал, что хочет стать художником.

— Художником?! Ремесленником?!

— Да! Его поведение потрясло и господина барона, и вашу покойную матушку.

Значит, как и старший брат Жослен, Гонтран уехал, отказавшись от родственных уз. Пока Молин говорил, по телу Анжелики пробежали мурашки. Она не смогла удержаться и подумала, что двое ее братьев порвали с семьей и тем самым обрекли себя на злую судьбу.

Ее сердце болезненно сжалось.

* * *

Анжелика ехала домой по дороге, окутанной прекрасными ароматами леса, но она не замечала весенней природы, полностью погружившись в собственные размышления. Николая на муле следовал за хозяйкой. Красавица не уделяла внимания молодому слуге. Она старалась справиться со смутным страхом, поселившимся в душе. Решение принято. Что бы ни произошло, назад дороги нет. Тогда следует смотреть только вперед и безжалостно сметать со своего пути все, что может поколебать ее и помешать осуществить столь безукоризненно выстроенные планы.

Внезапно мужской голос окликнул всадницу:

— Мадемуазель! Мадемуазель Анжелика!

Девушка машинально натянула поводья, и лошадь, которая уже несколько минут шла шагом, остановилась.

Обернувшись, Анжелика увидела, что Николай спешился и знаком приглашает ее следовать за ним.

— В чем дело? — спросила юная дворянка.

С самым загадочным видом Николай прошептал:

— Спуститесь на землю, я хочу вам кое-что показать.

Слуга привязал поводья к стволу молодой березы, а затем направился вглубь небольшой рощи. Анжелика поспешила за другом детства. Лучи весеннего солнца пробивались сквозь свежую зелень листвы и окрашивались в цвет дягиля. В зарослях кустарника беззаботно щелбтали птицы.

Николай шел, опустив голову и внимательно глядя под ноги. В конце концов он встал на колени, а когда поднялся, в его открытых ладонях обнаружили красные и душистые ягоды.

— Первая земляника, — прошептал юноша, его лицо осветилось лукавой улыбкой, в карих глазах полыхал огонь.

— О, Николая, не стоит, — запротестовала Анжелика.

От нахлынувших эмоций на ресницах девушки выступили слезы: невинный жест слуги вернул ей очарование детства, очарование Монтелу, напомнил о прогулках по лесу, о пьянящем запахе боярышника, о свежей прохладе каналов, по которым они катались с Валантемом, о ручьях, о ловле раков... Монтелу — этот край отличался от всех остальных мест на земле, ведь его окутывали сладостная тайна болот, манящая загадка лесов...

— Помнишь, — по-прежнему шепотом продолжил Николая, — мы звали тебя Маркизой Ангелов...

— Глупый, — голос Анжелики дрожал, — ты не должен, Николая...

Но противореча собственным словам, Анжелика уже склонялась к раскрытым ладоням, чтобы собрать губами крошечные и такие сладкие ягоды. Как и в былые времена, Николая стоял совсем рядом, но теперь вместо худого и проворного паренька с лицом суетливой белки над нею возвышался взрослый мужчина. Его расстегнутая рубашка позволяла увидеть загорелую грудь, покрытую черными волосками, ощутить терпкий запах мочучего тела. Анжелика вслушивалась в медленное дыхание крестьянина, и этот звук настолько смутил ее, что красавица не осмеливалась поднять голову и встретиться со жгучим и дерзким взглядом своего спутника. Она продолжала есть землянику, целиком отдавшись наслаждению, надеяая это занятие каким-то высшим, почти сакральным смыслом.

«Последний раз я с тобой, Монтелу! — думала девушка. — В последний раз я наслаждаюсь тобой! Все самое лучшее, что было в тебе, сейчас сосредоточено в этих ладонях, смуглых ладонях Николая».

Нежный аромат земляники дарил утешение и покой. Беря одну ягоду за другой, Анжелика чувствовала, как спадает утреннее напряжение, как меркнет воспоминание о разговоре с отцом, который испортил долгожданную прогулку, растворяется горечь, порожденная такой непростой беседой с неумолимым и расчетливым управляющим-гугенотом.

Наконец-то она встретилась с Монтелу, со всем тем, что было ей дорого, близко и необходимо.

Казалось, Николая догадался о том, что творится в душе девушки. И Анжелике нравилось, что он разгадал ее секрет, почувствовал ее слабость, и от этих мыслей у юной дворянки кружилась голова, заставляя клониться все ближе и ближе к молодому человеку. Ведь он и был олицетворением Монтелу, со всеми его ароматами, со всей его истомой, со всеми его тайнами.

Анжелику вновь терзали сомнения.

Управляющий Молин возложил на нее груз, который неспособны выдержать хрупкие, слишком юные плечи. У нее еще есть время отказаться от этого бремени. Внезапно, на какой-то краткий миг, Анжелика почувствовала себя свободной, словно избавленной от тяжелой ноши.

А вдруг ничего не случится?.. Если она не станет принимать этого страшного решения?.. Остаться! Снова жить в Монтелу!..

Как это просто опять скользнуть по зеленым, почти неподвижным водам, мчаться по мягкому мху, ощущать под ногами корни древних деревьев! Окунуться в Монтелу! Посвятить себя бесчисленным открытиям под сенью густой листвы... Разве она не плоть от плоти этой щедрой природы, чью миссию она обязана исполнить, чей зов она постоянно слышит?..

Присутствие Николая добавляло этим ощущениям колдовства, которое могло разрушить злые чары, избавить ее от клятвы, данной Молину. Земляника в ладонях Николая давно закончилась, но девушка не шевелилась.

И тут парень заговорил, заговорил тихим, загадочным голосом, способным соблазнить Маркизу Ангелов — девушка подумала, что ее друг-пастух, неизменный компаньон по детским забавам, действительно неплохо ее знает, — и сообщил ей новость, которая, по его мнению, должна была удержать Анжелику в Монтелу навсегда.

— В пещере у обрыва поселилась новая колдунья. Конечно, она отличается от той, старой, но люди зовут ее Мелюзиной.

Анжелика вздрогнула... и почувствовала острую боль в сердце, словно в него вонзили кинжал.

Красавица снова владела собой. Николая ошибся, напомнив ей о Мелюзине.

Мелюзине, из-за людской глупости повешенной на ветке дуба. Ей казалось, что Мелюзина зовет ее и в то же время запрещает возвращаться.

Вердикт вынесен. Голос, пришедший издалека, требовал:

«Уходи отсюда!»

Она посмотрела прямо в лицо Николая, которое под влиянием разочарования внезапно обрело неприятное, жестокое выражение.

Нет! Монтелу не вернется. Связи с ним давно прерваны. И только что, в доме Молина, она, Анжелика, сама так решила. Внезапно девушка закрыла глаза и прислонилась головой к стволу дерева.

— Послушай, Николай...

— Я тебя слушаю, — ответил юноша на местном диалекте.

Анжелика чувствовала его горячее дыхание с привкусом сидра на своей щеке. Он стоял так близко, почти вплотную к ней, словно обнимая всем могучим телом, всем естеством. Однако Николай и пальцем не коснулся своей спутницы, он только пожирал ее взглядом, и Анжелика заметила, что слуга спрятал руки за спиной, всеми силами борясь с искушением схватить ее, сжать в объятиях. Сейчас она испытала настоящий шок — в его грозном взгляде не было ни тени улыбки, лишь мрачная мольба, не оставлявшая места ни малейшей двусмысленности. Еще никогда в жизни Анжелика не сталкивалась с настоящим мужским влечением, еще никто не давал ей понять, какое яростное желание порождает ее красота. Ухаживания пажа в Пуатье были всего лишь юношеским капризом, игрой молодого зверька, пробующего остроту когтей.

Но сейчас происходило нечто иное, нечто более мощное и жестокое, древнее, как сама земля, как гроза. Девушка испугалась. Будь она поопытнее, она бы не могла противостоять этому зову плоти. От волнения у нее дрожали ноги, и Анжелика отпрянула, словно лань от охотника.

И то неизведанное, что ждало ее, и тот неистовый порыв, который с таким трудом сдерживал крестьянин, напугали ее.

— Не смотри на меня так, Николай, — Анжелика попыталась говорить уверенно, — я хочу тебе сказать...

— Я знаю все, что ты хочешь мне сказать, — прервал ее глухой голос. — Я читаю это в твоих глазах, в наклоне твоей головы. Ты —

мадемуазель де Сансе, а я, я — всего лишь слуга... И теперь мы даже в глаза друг другу смотреть не должны. Я должен стоять со склоненной головой! Слушаюсь, мадемуазель; да, мадемуазель... А твой взгляд скользит мимо, не замечая меня... будто бы я полено или собака. Некоторые маркизы в своих роскошных замках заставляют слуг купать их, и все потому что перед ними лакеи, а это незазорно — предстать обнаженной перед слугой... Потому что слуга — не мужчина, так, предмет мебели... мебели, которую следует использовать. Разве теперь ты не так же относишься ко мне?

— Замолчи.

— Да, я сейчас замолчу.

Дыхание юноши срывалось, он хватал ртом воздух, словно раненый зверь.

— Но я хочу сказать тебе лишь одну вещь, прежде чем замолчу, — продолжил Николая, — ты смысл моей жизни. Я это понял только тогда, когда ты уехала. В течение нескольких дней я просто с ума сходил. Да, это правда, я — лентяй, я волочусь за девицами и испытываю отвращение что к земле, что к скоту. Я не могу найти себе места, без цели шатаюсь то тут, то там. И все потому, что мое место рядом с тобой. Когда ты вернулась, я не мог дождаться того мига, когда узнаю, принадлежишь ли ты мне по-прежнему или же я тебя потерял. Да, я — наглец, меня мало что может смутить. Если бы ты этого захотела, я бы взял тебя прямо здесь, на мху, в этой небольшой рощице, которая принадлежит нам, на этой земле Монтелу, которая также принадлежит нам, только нам двоим, как раньше! — закричал молодой крестьянин.

Птицы в кустах испуганно смолкли.

— Ты бредишь, мой бедный Николая, — тихо вымолвила Анжелика.

— Только не это! — даже загар не мог скрыть того, как побледнел юноша.

Анжелика встряхнула длинными кудрями, разметавшимися по плечам, и почувствовала, как в ней вновь закипает ярость.

— А как я должна с тобой разговаривать! — Девушка в свою очередь перешла на местный диалект. — Хочу я того или нет, я больше не имею права слушать любовные признания пастуха.

В самое ближайшее время я должна выйти замуж за графа де Пейрака.

— За графа де Пейрака! — повторил ошеломленный Николая.

Он отодвинулся на несколько шагов и молча смотрел на Анжелику.

— Так, значит, то, что болтают в деревне, правда? — выдохнул он. — За графа де Пейрака! Вы!.. Вы! Вы собираетесь замуж за этого человека?

— Да.

Она не хотела задавать вопросы; она ответила «да», и этого достаточно. Ее ответ значил: «Да, окончательно и бесповоротно, да, даже ничего не зная, я пойду до конца».

Анжелика вернулась на тропинку, ведущую к дороге, ее хлыст безжалостно стегал нежные побеги, растущие на обочине.

Лошадь и мул паслись на опушке леса. Николая отвязал животных. Не поднимая глаз, он помог Анжелике сесть в седло. И тут девушка внезапно схватила грубую руку слуги.

— Николая... скажи мне, ты его видел?

Крестьянин поднял глаза, и Анжелика увидела, как в его взгляде мелькнула злая усмешка.

— Да... я его видел... Он не раз приезжал сюда. Это настолько уродливый мужчина, что девушки разбегаются в разные стороны, едва завидев его черную лошадь. Он хром, как сам дьявол, и такой же злой... Говорят, что в своем замке в Тулузе он увлекает женщин с помощью зелья и странного пения... А тех, кто последовал за ним, больше никто не видел, потому что они сходят с ума... Ха-ха-ха! Отличный супруг, ничего не скажешь, мадемуазель де Сансе!..

— Ты говоришь, он хромой? — повторила Анжелика, и ее руки похолодели.

— Да, хромой! ХРОМОЙ! Спросите любого, и вам ответят: Великий Лангедокский Хромой.

Николя расхохотался и, нарочито приволакивая ногу, направился к своему мулу.

Анжелика стегнула хлыстом скакуна, бросая животное во весь опор. Она мчалась мимо кустов боярышника, она убегала от насмешливого голоса, повторявшего: «ХРОМОЙ! Хромой!..»

* * *

Девушка как раз въезжала во двор замка Монтелу, когда на старом подъемном мосту появился всадник, прибывший прямо следом за ней. По его пыльному, потному лицу, а также по коротким штанам, отделанным кожей, можно было догадаться, что это гонец.

Сначала никто не мог понять ни слова из речи мужчины, потому что тот изъяснялся со столь чудовищным акцентом, что присутствующим потребовалось некоторое время, дабы сообразить, что он говорит по-французски. Гонец достал из железной коробки письмо и вручил его подоспевшему барону де Сансе.

— Мой Бог, — вскричал взволнованный барон, — завтра прибывает месье д'Андижос.

— А это еще кто? — поинтересовалась Анжелика.

— Друг графа. Месье д'Андижос должен жениться на тебе...

— Надо же, и этот тоже?

— ...по доверенности, Анжелика. Дитя моя, позволь мне хотя бы закончить фразу. Разрази меня гром, как говаривал твой дедушка, я вот все ломаю голову, чему тебя учили монахини, если они даже не сумели внушить тебе уважение к собственному отцу. Граф де Пейрак посылает лучшего друга, чтобы тот представлял его на первой свадебной церемонии, которая состоится в часовне Монтелу. Вторая пройдет в Тулузе. Увы! Твоя семья не сможет на ней присутствовать. Маркиз д'Андижос будет сопровождать тебя во время путешествия в Лангедок. Южане все делают так быстро. Я знал, что они уже в пути, но не ждал их так скоро.

— Я вижу, что самое время дать свое согласие, — с горечью прошептала Анжелика.

* * *

На следующий день, незадолго до полудня, двор наполнился скрипом колес многочисленных экипажей, лошадиным ржанием, криками и быстрой певучей речью. Солнечный Юг почтил своим визитом Монтелу.

Маркиз д'Андижос — жгучий брюнет с глазами, полными огня, с усами, острые кончики которых гордо устремлялись к небесам, — носил рингравы из желтого и оранжевого шелка, удачно скрывавшие

дородность этого жизнерадостного дворянина. Южанин представил своих спутников. Они оба должны были выступить свидетелями на предстоящей свадебной церемонии: граф де Карбон-Доржерак и юный барон Сербало.

Семейство Сансе встречало путешественников во дворе, где уже стояли столы с оловянными кубками и кувшинами вина со склонов Шайе. Прибывшие гости умирали от жажды. Но, глотнув вина, маркиз д'Анджос повернулся и выплюнул жидкость на землю.

— Клянусь святым Паулином, барон, мое горло бунтует против ваших пуатевинских вин! То, что вы мне только что налили, до того кислое, что зубы скрипят. Эй, гасконцы, несите-ка бочки!

Безоглядная простота гостя, его певучий акцент, дыхание, благоухающее чесноком, не возмутили, а, напротив, совершенно очаровали барона де Сансе. Он вспомнил те благословенные времена, когда даже при дворе принцев говорили прямо и открыто и вели себя самым непосредственным образом. Когда барон Арман служил при короле Людовике XIII, он видел, как монарх — то ли в Лувре в Париже, то ли в Пуатье — шокированный неприлично низким декольте некой молодой дамы, выплеснул бокал красного вина на грудь красавицы, на роскошную женскую грудь, которую правитель именовал не иначе, как «кропильница Дьявола». И пока бедняжка лежала в обмороке, отец Вассо, монах-иезуит, капеллан королевы, с самой серьезной миной заметил, что «это горлышко достойно доброго глотка вина». Яркий пример того, что и иезуиту не чуждо чувство юмора.

«Мы выучили эту историю наизусть!» — прошептала маленькая Мари-Аньес, толкая локтем Анжелику.

Но у Анжелики не осталось сил даже улыбнуться. Накануне она вместе с тетей Пюльшери и кормилицей столько трудилась, чтобы придать старому замку более-менее презентабельный вид, что ощущала себя совершенно разбитой и какой-то одеревеневшей.

Впрочем, так было лучше: Анжелика не могла даже думать. Девушка надела свое самое изысканное платье, сшитое в Пуатье, очередное серое платье, украшенное по корсажу несколькими маленькими голубыми бантиками — серая уточка среди ярких лент разнаряженных сеньоров. Она и не догадывалась, что ее прелест-

ное раздумавшееся личико с нежной упругой персиковой кожей, обрамленное большим воротником из жесткого кружева, является ее самым ослепительным украшением. Трое сеньоров постоянно бросали на красавицу взгляды, преисполненные восхищения, которое темпераментные южане не могли скрыть.

Мужчины наперебой осыпали Анжелику изысканными комплиментами. Правда, она не понимала и половины всего сказанного — гости говорили невероятно быстро и с забавным акцентом, от которого самые обычные слова принимались скакать, словно солнечные зайчики.

«Неужели такую речь мне предстоит слышать всю оставшуюся жизнь?» — с неприязнью подумала Анжелика.

Между тем лакеи прикатили большие бочки, установили их на козлах и начали сверлить отверстия. Как только в бочке появлялась дыра, в нее тут же вбивали деревянный кран, но вино все равно проливалось, и на земле образовались прозрачные лужицы розового и красно-коричневого цветов.

— Сен-Эмилион, — перечислял граф де Карбон-Доржерак, который был родом из Бордо, — Сотерн, Медок...

Жизнерадостный южанин рассказал, что ради избавления сего божественного нектара от долгой дорожной тряски бочки с вином погрузили в трюмы комфортабельных кораблей в Бордо и доставили к устью реки Севр-Ньортез. Там, в прекрасном портовом городе Маркусе, бочки перегрузили на плоскодонки, которыми управляют с помощью длинных шестов, и эти суденышки заскользили по пуатевинским болотам, от речушки к речушке, от протоки к протоке, среди островков «Зеленой Венеции». Они проплывали мимо домов и замков, чьи фундаменты утопали в воде, а крыши — в зелени, и перевозчики оставили гостеприимным хозяевам дары солнечного края, которые осветят новым светом весеннюю прелесть здешнего озерного края. Добравшись до Ньора, расположенного поблизости от конечной точки их путешествия, перевозчики присоединились к каравану из Лангедока, возглавляемому маркизом д'Андижосом. Отчаянно жестикулируя, словоохотливый дворянин сообщил, что, получив бочки в Ньоре, они прямо на набережной арендовали склад с надежным сторожем. Там будет храниться часть

привезенного вина, и господин барон де Сансе сможет целый год пополнять запасы королевским напитком, который подарит безутешному отцу силы и мужество пережить печаль от отъезда дочери, отправляющейся в дальние края.

Так граф де Пейрак решил поддержать будущего тестя в грядущих испытаниях разлуки. Нет лучшего лекарства от тоски, чем глоток доброго вина. Знатные сеньоры и простые южане порадовались мудрому решению графа, потому что, увидев юную невесту, они осознали, сколь велика жертва барона. Но благодаря прозорливости месье де Пейрака, семья де Сансе останется в надежных руках — если так можно выразиться — в руках бога Бахуса!

Опьянев от этого словесного потока раньше, чем они хлебнули восхваляемого напитка, обитатели замка Монтелу с осторожностью приступили к дегустации перечисленных сортов вин.

Вскоре Дени и трое младших детей заметно развеселились. Хмельной аромат вскружил им головы. Анжелика увидела, что ее беззаботно хохочущий отец расстегнул старенький жюстокор, не смущаясь заношенной рубахи. Сеньоры-южане также распахнули короткие куртки без рукавов. Один из них снял парик и вытер им лоб. Вся честная компания переместилась в большой зал замка.

Скатерть — Анжелика и Пюльшери старательно застелили стол — украсилась прекрасными большими бокалами, которые приезжие извлекли из огромных сундуков, набитых соломой. Бокалы наполняли вином, сверкавшим самыми богатыми оттенками: золото, рубины, теплый янтарь.

«Пейте! Пейте!» — звучал дружный хор голосов.

Анжелика приказала принести пирожные и маленькие пирожки, которые они приготовили вместе с тетей накануне. Девушка с радостью отметила, что гости прямо-таки набросились на угощение. Озабоченные судьбой драгоценных напитков, которые нужно было доставить невесте, они выехали из Ньюра на рассвете и по дороге даже забыли перекусить.

В зал вносили все новые сундуки, полные удивительными вещами. Там были подарки для малышек: кошели со стеклянными шариками, шляпы с плюмажами, конские сбруи с колокольчиками для любимых лошадей и, наконец, великолепная шпага с ножнами, украшенными

золотыми насечками, португеза из дорогой кожи и голубые атласные ленты для Дени. Потрясенный подросток взял шпагу и держал ее в руках, словно церковную свечу.

Сопровождая свои жесты любезными речами, душка Андижос закрепил и на толстой шее тети Жанны, и на худой шее славной Пюльшери ожерелья, переливавшиеся оттенками от светло-сиреневых до сочно-гранатовых. По словам гостя, это были драгоценные пиренейские камни. Увидев в зеркале, которое ей поднес юный паж, себя разнаряженной, словно королева-регентша, тетя Жанна расплылась в широкой улыбке.

Среди этого изобилия подарков, которые семья Сансе не могла вообразить себе даже в самых безумных мечтах, Анжелика, не принимавшая участия во всеобщем ликовании, чувствовала себя лишней. Ее сердце, словно серым туманом, было охвачено тоской. Но у тоски есть сильный противник. Кто-то поднес к ее губам бокал, и вино подарило забвенье. А Монтелу преобразился на глазах.

На кухне Фантина Лозье потчевала наваристым супом, колбасами и дичью тех, кого она не без высокомерия называла «челядь», но вскоре и ее страстная натура была очарована шумной сердечностью приезжих.

С телеги соскочили два скрипача и флейтист. Музыканты, не мешкая, соорудили подмостки в углу двора и начали концерт.

Мари-Аньес, вцепившись в руку старшей сестры, пронзительно верещала ей в ухо:

— Анжелика, пойдём, ну, пойдём же! Анжелика, там наверху, в твоей комнате, такие чудеса...

Анжелика позволила сестре увести себя из гостиной.

В просторную комнату, которую она так долго делила с Ортанс и Мадлон, внесли огромные кожаные сундуки, обитые железом, которые по последней моде именовали «гардеробами». Слуги и служанки откинули крышки и разложили содержимое сундуков на нескольких хромых креслах и прямо на полу. На своей монументальной кровати Анжелика увидела платье из зеленой тафты, удивительно подходившей к ее изумрудным глазам. Тончайшее кружево украшало корсаж на китовом усе, а накладной пластрон был расшит цветами из бриллиантов и изумрудов. Точно такими же цветами был

заткан шлейф платья, подбитый черным бархатом. Бриллиантовые застёжки приподнимали шлейф и крепили его к юбке.

— Ваше свадебное платье, — торжественно изрек маркиз д'Анжос, последовавший за сестрами. — Граф де Пейрак долго выбирал среди лионских тканей ту, которая подошла бы под цвет ваших глаз.

— Но он никогда их не видел, — возразила Анжелика.

— Месье Молин подробно описал графу ваши глаза: море, сказал он, каким оно видится с берега, когда его пронзают солнечные лучи, достающие до самого дна.

— Проклятый Молин! — воскликнул барон. — Вы не заставите меня поверить, что в душе он — поэт! Я подозреваю, маркиз, вы несколько приукрасили действительность, чтобы увидеть, как улыбается юная невеста, польщенная вниманием со стороны будущего супруга.

— А это! А вот это! Посмотри, Анжелика! — сияя от восторга, повторяла похожая на пронирыливую мышку Мари-Аньес.

Вместе с младшими братьями Альбером и Жаном-Мари она разглядывала тончайшее белье, открывала коробки, в которых были сложены ленты и кружевные воротнички, пергаментные веера и перья. Всеобщее восхищение вызвал очаровательный дорожный несессер из зеленого бархата с подкладкой из белого дамаста, отделанный позолоченным серебром. В нем лежали две щетки для волос, золотой футляр с тремя гребнями, два маленьких итальянских зеркала, подушечка для булавок, два чепца, ночная рубашка из тончайшего линона, подсвечник слоновой кости и зеленый атласный кошель с шестью свечами из настоящего воска. Среди подарков были и более простые, но чрезвычайно элегантные платья, пояса, крошечные золотые часики и еще бесконечное множество вещей, о назначении которых Анжелика даже и не догадывалась. Например, маленькая перламутровая коробочка, где находился набор черных бархатных мушек с липкой оборотной стороной.

— Правила хорошего тона требуют, — объяснил граф де Карбон, — чтобы дамы наклевывали их на лицо для красоты.

— Я не могу похвастаться белой кожей, и мне незачем это подчеркивать, — сказала Анжелика, захлопывая коробочку.

Глядя на всю эту роскошь, она испытывала то детскую радость, то восторг зрелой женщины, инстинктивно тянувшейся к украше-

ниям и нарядам. И она впервые осознала, что действительно красива.

— А такая безделица, — спросил маркиз д'Андижос, — ее блеск заслуживает права оттенить вашу кожу?

Он открыл плоский футляр, и по комнате, где собирались служанки, лакеи и даже батраки, пронеслись возгласы и шепот восхищения.

На белом атласе сверкал тройной ряд ослепительных жемчужин белого цвета с золотистым отливом. Лучшего украшения для невесты и не сыскать. Гарнитур дополняли серьги и две нитки жемчужин помельче, которые Анжелика сначала приняла за браслеты.

— Это для волос, — подсказал маркиз д'Андижос, который, несмотря на солидное брюшко и замашки былого вояки, отлично разбирался в тонкостях моды. — С их помощью вы сможете поднять ваши локоны. По правде говоря, я не знаю, как это делается.

— Я причешу вас, госпожа, — вмешалась в разговор рослая и сильная служанка.

Как ни странно, она была похожа на кормилицу Фантину Лозье, хотя и намного моложе. Все то же сарацинское пламя, отголосок стародавних вторжений, опалило ее кожу. Сверкая карими глазами, кормилица и приезжая бросали друг на друга неприязненные взгляды.

— Это Маргарита, молочная сестра графа де Пейрака. Она прислуживала самым знатым дамам Тулузы и долго жила вместе с хозяином в Париже. Она теперь ваша горничная.

Служанка ловко приподняла тяжелую золотистую шевелюру девушки и оплела ее жемчужными нитями. Затем беспощадной рукой она вынула из ушей Анжелики маленькие скромные сережки, которые барон де Сансе подарил дочери к первому причастию, и застегнула драгоценные серьги. Настал черед ожерелья.

— Ах! Это ожерелье требует более оголенной груди, — воскликнул юный барон Сербало, пожирая черными, как ежевика после дождя, глазами грациозную фигурку девушки.

Маркиз д'Андижос, не церемонясь, стукнул приятеля тростью по голове.

— Не забывайте о приличиях, барон!

Подбежал паж с зеркалом в руках.

Анжелика любовалась своим новым обликом. Казалось, все в ней сияет, даже гладкая кожа с нежным едва заметным румянцем на щеках. Девушка ощутила неведанное доселе удовольствие, и ее губы расцвели в прелестной улыбке.

«Я красива», — подумала Анжелика. Но внезапно ее взор затуманился и ей почудилось, что из глубины зеркала кто-то насмешливо кричит: «Хромой! Хромой! Уродлив, как сам дьявол. Ах! Какого прекрасного супруга вы получите, мадемуазель де Сансе!»

* * *

Бракосочетание по доверенности должно было состояться через три дня. Скромная вечерняя церемония в замковой часовне, за которой следовал торжественный ужин в честь молодоженов. На празднике присутствовали родственники, нотабли, владельцы окрестных замков и даже гости издалека.

Зато веселье началось сразу с приездом южан. Празднества, приуроченные к столь важному событию, должны были длиться несколько дней, до самого отъезда невесты. В Монтелу устроили фейерверк со взрывами петард. На подступах к замку и до соседних лугов накрыли огромные столы, радовавшие глаз кувшинами вина и сидра, мясом и фруктами. Крестьяне то и дело подходили угощаться, посмеиваясь над гасконцами и тулузцами, чьи тамбурины, лютни, скрипки, да и просто звонкие голоса легко заглушали игру местных деревенских музыкантов с их виолами и свирелями. Впрочем, те не растерялись и выступали на подмостках, возведенных прямо на перекрестках дорог. Сюда стекались местные жители, чтобы плясать бранль и бурре.

* * *

В последний вечер перед отъездом невесты в далекий Лангедок во дворе замка состоялся роскошный пир, собравший нотаблей и владельцев окрестных замков. На праздник пришел и месье Молин вместе с женой и дочерью.

В большой комнате, где в детстве она столько ночей слушала, как скрипят флюгеры старого замка, Анжелика ждала кормилицу, которая должна была помочь нарядиться к празднику.

В спальне установили большое зеркало, в котором Анжелика могла полюбоваться собой с головы до ног. Барон Арман изумленно прошептал: «Такие зеркала можно увидеть только в апартаментах короля!»

День клонился к закату, расцветившая наступавший вечер медными отблесками. Кормилица любовно расчесала щеткой великолепные волосы своей подопечной. «Великолепные волосы!» — эту восторженную фразу девушка слышала постоянно.

Анжелика обеими руками приподняла свою густую шевелюру, и сияющий ореол окружил прекрасное лицо, черты которого напоминали о живописных изображениях святых, которым прихожане поклонялись в полумраке церквей.

Именно на это лицо с такой жадностью смотрел Николя на дороге, ведущей к замку. Юноша тоже был красив. Чтобы отогнать бередящие душу воспоминания, Анжелика встряхнула головой, и ее волосы золотым покрывалом рассыпались по плечам. Она — красива, ей повторяли это не единожды. И именно благодаря своей красоте она может спасти свою семью. Девушка ощутила прилив гордости, но к гордости примешивалась тревога. А еще она чувствовала радость, потому что любила своих близких. Но при этом ее свободолюбивая натура бунтовала... бунтовала так сильно, что Анжелика была готова сбежать.

Вошла Фантина и торжественно продемонстрировала водопад зеленого шелка.

— А вот и платье для твоей свадьбы!

Кормилица всегда умела найти нужное слово. Свадьба! Это слово как нельзя лучше соответствовало той церемонии, которая должна была лишь зафиксировать подписание официального брачного договора. Деревенский кюре в присутствии семьи Сансе и свидетелей торопливо благословил «мнимых» молодоженов. И тем не менее, когда Анжелика сядет во главе праздничного стола, она уже будет зваться графиня де Пейрак.

Фантина помогла девушке надеть бирюзовый корсаж, пристегнула пластрон, расшитый драгоценными камнями.

— До чего же ты красива! Ах, как ты красива, птаха моя! — удрученно вздыхала няня. — У тебя такая крепкая грудь, что ей вообще не нужен корсет. Смотри, чтобы этот пластрон не сдавливал тебе грудь. Пусть лучше будет посвободнее.

— Не слишком ли глубокий вырез у этого платья, кормилица?

— Знатная дама должна демонстрировать свою грудь. Какая ты красавица! Милостивый Боже, и для кого вся эта красота! — Кормилицу душили рыдания.

Анжелика увидела, что по приветливому лицу пуатевинки струятся слезы.

— Не плачь, нянюшка, а то у меня совсем не останется мужества.

— А оно тебе понадобится, увы, понадобится, девочка моя! Наклони голову, я застегну ожерелье. Что касается жемчужных нитей для волос, оставим их Марго, я ничего не понимаю в этих хитрых приспособлениях! Ах! Птаха моя, сердце разрывается от горя, когда я думаю, что эта оглобля, от которой за сто лье несет чесноком и самим дьяволом, будет тебя купать и наряжать в день твоей настоящей свадьбы! Ах! Просто сердце разрывается!

Фантина опустила на колени, чтобы поправить длинный шлейф платья. Анжелика услышала, что она плачет.

Она изумилась глубокому отчаянию няни, которая обычно радовалась накануне свадебных торжеств. Беспокойство, снедавшее душу Анжелики, усилилось во сто крат.

Поднявшись с колен, Фантина Лозье прошептала:

— Прости меня, девочка, за то, что я не смогла тебя защитить, а ведь я выкормила тебя своим молоком. Но я уже давно слушаю разговоры об этом человеке и теперь уже просто не могу сомкнуть глаз.

— Что же о нем говорят?

Кормилица уже не плакала; она смотрела на Анжелику своими темными глазами пророчицы.

— Золото! Его дворец ломится от золота...

— Владеть золотом — это еще не грех, кормилица. Посмотри на подарки, которые он мне прислал. Я в восторге от них.

— Не обманывай себя, девочка моя. Это золото проклято. Граф получает его из колб и склянок. Один из пажей, тот, который так чудесно играет на тамбурине, Энрико, рассказал мне, что в Тулузе, в красном, как кровь, дворце графа, есть целое крыло, куда никому не разрешено заходить. Вход туда стережет черный мужчина, такой же черный, как дно моих котлов. Как-то раз, когда бдительный страж от-

лучился, Энрико сквозь приоткрытую дверь заглянул в огромный зал, заполненный стеклянными шарами, перегонными кубами и змеящими трубками. И все это свистело и булькало! Но вдруг полыхнуло пламя, раздался гром, и Энрико убежал.

— У мальчишки богатое воображение, как у всех южан.

— Увы! В его перепуганном голосе звучала искренность, меня не проведешь. Ах! Этот человек, этот граф де Пейрак, хочет добыть власть и богатство с помощью лукавого. Жиль де Рец, вот он кто, Жиль де Рец, и даже не пуатевинец!

— Не болтай глупостей, — резко оборвала кормилицу Анжелика. — Никто никогда не говорил, что он поедает младенцев.

— Он заманивает женщин, — прошептала кормилица, — подчиняет их себе с помощью странных чар. В его дворце устраивают оргии. Говорят, что архиепископ тулузский обличал графа со своей церковной кафедры. Он говорил о скандалах и о демонах. А язычник-слуга, который вчера на кухне рассказал мне эту историю, хохотал, как сумасшедший, когда вспомнил, что после проповеди граф де Пейрак приказал своим людям отдубасить пажей и носильщиков портшеза архиепископа — драка случилась прямо в соборе. Неужели ты думаешь, что подобные гнусности могли бы произойти в нашей провинции? А золото, которым владеет знатный граф? Откуда он его взял? Родители оставили ему в наследство только долги да заложенные земли. Он не выслуживается ни перед королем, ни перед знатными вельможами. Говорят, что когда герцог Орлеанский, наместник Лангедока, прибыл в Тулузу, граф отказался преклонить пред ним колено, сказал, что это его, мол, утомляет. А когда Месье, не рассердившись на такое, заметил, что мог бы добиться для графа милости у короля, господин де Пейрак ответил, что...

Фантина прервала рассказ, засуетилась и вонзила несколько булавок в юбку, и без того отлично сидевшую на Анжелике.

— И что он ответил?

— Что... что даже будь у него длинная рука, она не поможет вырасти его короткой ноге. Какая дерзость!

Анжелика посмотрелась в маленькое круглое зеркало из дорожного несессера и пригладила брови, тщательно выщипанные горничной Маргаритой.

— Значит, это правда, что он хромой? — Анжелика пыталась говорить самым безразличным тоном.

— Увы, правда! Пташка моя! Ах! Иисус! Какая же ты красивая!

— Замолчи, кормилица. Ты надоела мне своими причитаниями. Позови Марго, пусть она сделает мне прическу.

Но Фантина еще не выложила всего, что ей было известно.

— Я должна тебя предупредить, — настойчиво твердила толстуха. — Говорят, что на последнем этаже его дворца есть комната, которую можно открыть только специально выкованным золотым ключом.

— А за дверью той комнаты, как в сказке, лежат тела убитых им жен?

— Кто его знает? — с мрачным видом вздохнула Фантина.

— Что за глупости! Граф де Пейрак никогда не был женат. Я буду его первой супругой.

— Кто его знает...

И Фантина удрученно покачала головой.

Все, что происходило на Юге, казалось кормилице окутанным непроницаемой тайной.

— Земля слухами полнится! Слухами! Все хорошо знают историю знатного прево, который убивал благородных дам при помощи своего сообщника-демона.

Анжелика, стараясь пропускать болтовню няни мимо ушей, вскрикнула от ужаса.

— Это он?!

— Нет! Один из его предков. Но все связано...

— Хватит, кормилица, — разозлившись, Анжелика топнула ногой. — Достаточно! Сейчас не время для твоих глупых рассказней! Позови Марго! И не смей больше говорить мне про графа де Пейрака. Не забывай, что отныне он — мой супруг.

С наступлением темноты во дворе зажгли факелы, и стало светло как днем.

Сидящие на помосте музыканты-южане аккомпанировали шуму голосов, разговорам, которые становились все громче и громче.

Анжелика заняла свое место рядом с маркизом д'Андижосом, и ей казалось, что она видит кошмарный сон. Как бы она ни храбрилась,

слова кормилицы, которая с детства оставалась для Анжелики кем-то вроде оракула, потрясли ее. Но теперь путь назад отрезан! Она вышла замуж! Конечно, можно допустить, что за прошедшие годы Фантина Лозье не изменилась и по-прежнему склонна из множества предложенных выбирать самый трагический вариант развития событий. Но слухи, пересказанные нянюшкой, наложились на тревожные слова, брошенные Николая. И мрачные видения затмевали разумные успокаивающие речи управляющего Молина. Ведь гугенот, как обычно, заботился лишь о собственной выгоде. Анжелика черпала силы в сознании, что, согласившись на этот шаг, она спасла семью от несчастий и нищеты. Но сейчас и радость померкла. Остался только страх.

Господин Молин пришел на свадьбу вместе с женой и дочерью.

Между тем Анжелика поняла, что не знает и не узнает большую часть гостей, оживленно болтающих за накрытыми столами и радующихся ее свадьбе. Неожиданно она попросила, чтобы послали за деревенскими музыкантами, которые развлекали крестьян, танцевавших на лугу у стен старого замка. Ее слух не привык к томной, несколько слащавой музыке, предназначенной для разодетых в кружева придворных. Еще хоть раз она хотела услышать пение мюзеты, стоны волынки, резкую трель свирели, сопровождаемые стуком крестьянских сабо.

Но просьбу невесты проигнорировали, то ли потому, что ее голос прозвучал не настолько громко и уверенно, как она того хотела, то ли просто не услышали в шуме застольных бесед, которые так приятно вести за дружеской трапезой.

Звездное небо подернулось легким туманом, и вокруг луны задрожал золотой нимб. Отменные блюда и вина не иссякали. Перед Анжеликой поставили корзину с еще горячими круглыми хлебцами, и корзина стояла на столе, пока невеста не подняла глаза на того, кто ее преподнес. Она увидела довольно крупного, высокого мужчину в добротном костюме светло-серого цвета, какой обычно носят мельники. Воротник и оборки на коротких штанах были из тонкого кружева. А поскольку муки у мельника имелось вдоволь, он припудрил ею волосы столь же щедро, как и владельцы замков.

— Вот и Валантен, сын мельника, пришел выразить свое почтение новобрачной, — воскликнул барон Арман.

— Валантен, — улыбнулась Анжелика, — я еще не видела тебя после возвращения домой. Ты по-прежнему плаваешь на лодке по болотным протокам и собираешь дягиль для монахов из Ньельского аббатства?

Молодой человек низко поклонился, но ничего не ответил. Он дождался, когда Анжелика возьмет хлебец, и после этого пустил корзину по кругу. После этого Валантен растаял в ночи.

«Если все эти люди замолчат, я услышу, как квакают болотные лягушки, — подумала Анжелика. — А если я вернусь сюда через много лет, то, может быть, уже не услышу их, потому что вода уступит место пахотным землям».

— Вы обязательно должны отведать это яство, — прокричал ей прямо в ухо маркиз д'Андижос.

Он указал Анжелике на блюдо, непрезентабельное на вид, но источавшее тонкий аромат.

— Это рагу из зеленых трюфелей, мадам, привезенных свежими из Перигора. Знайте, что трюфель обладает божественной, магической силой. Нет блюда изысканнее, чем это, чтобы подготовить тело юной новобрачной к той дани уважения, которое ей обязан оказать любящий супруг. Трюфель горячит нутро, заставляя кровь быстрее мчаться по жилам и делает кожу особо восприимчивой к ласкам.

— В таком случае я не вижу необходимости есть его сегодня вечером, — холодно ответила Анжелика, отодвинув серебряный котелок. — А если учитывать, что я не увижу супруга еще несколько недель...

— Но вам надо готовиться к встрече, мадам. Поверьте, трюфель — лучший друг Гименя. Лакомясь им изо дня в день, в вечер вашей свадьбы вы станете воплощением нежности.

— В моем краю, — сказала Анжелика, награждая маркиза легкой улыбкой, — к Рождеству мы кормим гусей укропом, чтобы, когда гуся подадут жареным на рождественский стол, его мясо было особенно вкусным!..

Полупьяный маркиз расхохотался.

— Ах! Хотел бы я быть на месте того, кто отведает такого вкусного гусика, как вы! — Д'Андижос склонился к Анжелике так низко, что его усы щекотали ее щеку.

— Будь я проклят, — добавил он, выпрямляясь и положив руку на сердце, — если еще раз позволю себе столь непристойные речи. Увы! Я виноват лишь отчасти, потому что меня жестоко обманули. Когда мой друг Жоффрей де Пейрак попросил меня исполнить роль вашего «мужа по доверенности» и уладить брачные формальности, но при этом лишил меня всех прелестных прав, я заставил его поклясться, что вы — горбатая и косая. Но теперь я вижу, что он обрек меня на муки. Вы в самом деле не хотите трюфелей?

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда я съем их сам. — Маркиз д'Анджос соорудил такую жалостливую мину, что при любых других обстоятельствах она бы обязательно развеселила Анжелику. — Пусть я фальшивый муж и вообще холостяк, но надеюсь, что природа будет ко мне благосклонна и пошлет мне этой ночью дам или девиц менее жестоких, чем вы.

Анжелика заставляла себя улыбаться всем этим милым глупостям.

От факелов и свечей шел нестерпимый жар. Ни единого дуновения ветра. Гости пели и пили. В воздухе стоял тяжелый запах вина и соусов.

Анжелика провела пальцем по вискам и почувствовала, что они влажные. «Что со мной, — подумала она, — мне кажется, что я вот-вот взорвусь и закричу, что я их всех ненавижу. Почему?.. Отец счастлив. Он выдаст меня замуж, как принцессу. Тети ликуют. Граф де Пейрак прислал им роскошные ожерелья из пиренейских камней и другие безделушки. Мои братья и сестры получают хорошее образование. На что мне жаловаться? В монастыре нас всегда учили не предаваться романтическим мечтам. Богатый и знатный муж — о чем еще может грезить любая женщина?»

Анжелика нисколько не устала, но она дрожала, как загнанная лошадь. Это была нервная реакция, физический мятеж всего ее существа, которое в самый неподходящий момент взбунтовалось.

«Что это — страх? Да еще рассказы кормилицы, которая повсюду видит козни дьявола. Почему я должна ей верить? Вечно она преувеличивает. Ни Молин, ни отец не скрывали от меня, что граф де Пейрак — ученый. Но насочинять бог весть что, какие-то небылицы про демонические оргии — это уже слишком. Если бы кормилица действительно думала, что я могу попасть в руки чудовищного

преступника, она бы никогда не позволила мне уехать. Нет, я боюсь не этого. Я не верю этим сплетням».

Сидевший рядом маркиз д'Андижос, подвязав салфетку под самым подбородком, держал в одной руке сочный трюфель, а в другой — бокал бордоского вина. Он продолжал вещать слегка осипшим голосом, то и дело удовлетворенно икая:

— О божественный трюфель, услада любовников! Зажги любовный огонь в моих жилах! Я буду ласкать свою милую до самого рассвета!

«Вот, — вдруг Анжелика осознала, — вот что меня пугает, вот чего я никогда не смогу вынести».

Она представила себе ужасного, безобразного сеньора, чей добычей она скоро станет. В ночной тиши далекого Лангедока незнакомый мужчина получит на нее все права. Она может звать, кричать, умолять. Никто не придет. Ее продали; он ее купил. И так будет до конца жизни!

«Вот о чем они все думают, но не говорят вслух. Наверное, только горничные и слуги шепчутся на кухне. Вот почему в глазах музыкантов-южан, в глазах Энрико, кудрявого красавчика, который так искусно играет на тамбурине, сквозит жалость. Но лицемерие выше жалости. Один человек пожертвовал собой, а все вокруг довольны! Золото и вино текут рекой. Какая им разница, что произойдет между их хозяином и мной? Ах! Я клянусь, что он никогда не дотронется до меня».

Анжелика поднялась, чувствуя почти физическую боль от усилий, которые она прилагала, чтобы сдерживать свой гнев. Гордо выпрямившись, она стояла посреди застольного шума, который перекрывал звуки музыки, и думала, что сейчас закричит, зарычит, разразится проклятиями в адрес подвыпивших гостей. Поздно! Слишком поздно. Скандалить бесполезно! Скорее всего, пирующие решат, что она кричит от радости, дает сигнал к началу танцев, к яростной фандоле!..

Вдруг Анжелика заметила вольтников и игрока на свирели, которые болтали с музыкантами-южанами, прекратившими играть, чтобы промочить горло вином. Поздно! Слишком поздно! Она больше никогда не услышит музыку своего детства, музыку полей и лугов. Ловушка захлопнулась! Приговор вынесен!

И тут ей пришло в голову, что нужно сделать, чтобы отомстить за насилие, за навязанный ей брак, как добиться того, чтобы пусть только в собственных глазах не выглядеть униженной жертвой. Этот иноземный Жиль де Рец никогда не станет ее первым мужчиной.

Анжелика поспешила прочь от стола, от шума голосов, и никто не обратил внимания на ее уход. Она хотела, она страстно желала отдаться другому, красивому и молодому мужчине.

Она нашла Клемана Тоннеля, дворецкого, которого ее отец нанял в Ньоре, и спросила у него, где находится слуга по имени Николя.

— Где-то у сараев, наполняет бутылки вином, мадам.

Анжелика пошла дальше. Она шла по инерции, двигалась, словно в тумане. После сцены, разыгравшейся в рощице, Николя больше не поднимал на хозяйку глаз, старательно выполнял свои обязанности, бравирюя показной беззаботностью. Анжелика нашла его в подвале, где юноша наливал из бочек вино в кувшины и графины, которые ему безостановочно подносили слуги-мальчишки и пажи. Он был облачен в ливрею ярко-желтого цвета, по отворотам отделанную галуном — по случаю праздника барон де Сансе взял одежду для слуг на прокат. Этот нелепый наряд не портил молодого крестьянина, напротив, Николя выглядел в нем особенно привлекательным. Увидев хозяйку, он склонился в поклоне, которому на протяжении сорока восьми часов обучал челядь дворецких Клеман.

— Я искала тебя, Николя.

— Госпожа графиня...

Она бросила рассеянный взгляд на слуг, ожидавших с кувшинами в руках.

— Поставь на свое место какого-нибудь мальчика и иди за мной.

На дворе Анжелика снова провела ладонью по лбу.

Ее возбуждение росло, а пьянящий аромат, исходивший от винных луж, только усиливал это состояние. Анжелика толкнула дверь соседнего сарая, где тоже плавал тяжелый винный запах, потому что именно тут большую часть вечера слуги разливали вино по бутылкам. Теперь бочки опустели, опустел и сарай. Было очень темно и жарко.

Анжелика положила ладони на сильную грудь Николя. Вдруг она прижалась к нему и разрыдалась.

— Николая, — простонала она, — скажи мне, что все это неправда. Что они не увезут меня, не отдадут меня ему. Я боюсь, Николая. Обними меня, обними покрепче!

— Госпожа графиня...

— Замолчи! — крикнула Анжелика. — Ах! Ну хотя бы ты не будь таким злым.

И добавила хриплым, срывающимся голосом, который сама не узнавала:

— Обними меня! Обними крепко-крепко! Я тебя больше ни о чем не прошу.

Парень замер в нерешительности, но затем его огрубевшие крестьянские руки обхватили тонкую талию.

В сарае было темно. От сена шел жар, воздух вокруг дрожал и плавился, как перед грозой. Обезумевшая, пьяная Анжелика прижалась лбом к плечу Николая. Она снова чувствовала, как ее окутывает неистовое, почти животное, желание мужчины, но на сей раз она и сама отдалась страсти.

— Ах! Ты хороший, — вздохнула она. — Ты мой друг. Я хочу, чтобы ты любил меня... Я хочу, чтобы один-единственный раз меня любил красивый и молодой мужчина. Ты понимаешь, о чем я?

Она оплела руками тяжелый затылок Николая и притянула его лицо к своему. В тот вечер парень немало выпил, и к его дыханию примешивался жгучий аромат вина.

Николя выдохнул:

— Маркиза Ангелов...

— Люби меня, — шептала Анжелика, прижимаясь губами к его губам. — Один только раз. Потом я уеду... Ты не хочешь? Неужели ты меня больше не любишь?

Он ответил глухим стоном, подхватил ее на руки и, споткнувшись в темноте, рухнул вместе с ней в стог сена.

Сознание Анжелики было до странности ясное, и в то же время ей казалось, что она выпала из существующей реальности. Она оказалась в другом мире, плыла над тем, что до сего момента было ее жизнью. В непроницаемом мраке сарая, в жаре и духоте, оглушенная новизной одновременно грубых и умелых ласк, Анжелика пыталась побороть стыдливость, которая помимо ее воли рвалась наружу. Она

хотела лишь одного, чтобы все произошло как можно скорее, ведь в любой момент их могли застать. Сжав зубы, она повторяла про себя, что тот, другой, никогда не будет ее первым мужчиной. Это был ее ответ всем, кто считал, что за золото можно купить все на свете. Она хотела, она действительно хотела, чтобы все произошло, но при этом с трудом сдерживалась, чтобы не оттолкнуть тяжелое тело мужчины, которого охватило внезапное безумие.

И вдруг тьму сарая прорезал луч фонаря; у двери раздался испуганный женский вопль.

Одним махом Николя отскочил в сторону. Анжелика видела, как в его сторону движется массивная фигура. Она узнала старого Гийома и, собрав последние силы, кинулась ему наперерез. Проворный Николя уже вскарабкался на балку крыши и открыл слуховое окно. Было слышно, как он спрыгнул во двор и убежал.

Застывшая на пороге женщина продолжала вопить. Это была теть Жанна. В одной руке она держала графин, а другой схватилась за полную, трепетавшую от волнения грудь.

Анжелика отпустила Гийома, подскочила к тетке и, словно дикая птица, вонзила острые ногти в руку старухи.

— Замолчите вы или нет, старая дура?.. Или вы хотите, чтобы случился скандал, чтобы маркиз д'Анджос убрался восвояси вместе со своими подарками и посулами? Вы останетесь без ваших пиренейских камней и других безделушек. Замолчите, или я заткну кулаком ваш старый беззубый рот.

Из соседних сараев на крик уже сбегались любопытные крестьяне и слуги. Анжелика увидела кормилицу, затем отца, который, невзирая на обильные возлияния и нетвердую походку, продолжал играть роль радушного хозяина и следил за тем, чтобы ничто не омрачило праздника.

— Жанна, это вы вопите так, как будто бы вас сам дьявол щекочет?

— Щекочет, как же! — закричала старая дева срывающимся голосом. — Ах, Арман, я умираю.

— Почему, любезная моя?

— Я пришла сюда набрать немного вина. И здесь, в сарае, я увидела, я увидела...

— Тетя Жанна увидела какую-то тварь, — Анжелика прервала причитания, — она не разобрала, кто там был — змея или куница. Право, тетя, не стоит так сильно волноваться по пустякам. Лучше вернитесь за стол, вам принесут вино.

— Вот именно, вот именно, — одобрил барон заплетающимся языком. — В кои-то веки, Жанна, вы попытались сделать что-то полезное, а переполошили столько народу.

«Она не пыталась сделать что-то полезное, — подумала Анжелика. — Она подстерегала меня, следила за мной. Всю жизнь сидела за вышиванием, как паучиха в центре паутины. Она изучила нас лучше нас самих, просто читает наши мысли, может предсказать каждый наш шаг. Она пошла за мной. И это она попросила старого Гийома подержать фонарь».

Ногти Анжелики все глубже впивались в студенистую руку дородной тетки.

— Вы меня хорошо поняли? — прошептала она. — Если до моего отъезда вы произнесете хотя бы слово, то клянусь, я отравлю вас особыми травами, а я их хорошо знаю.

Из горла тети Жанны вырвалось кудахтанье, и она закатила глаза. Скорее всего, ее больше пугала перспектива лишиться чудесного ожерелья, чем угроза Анжелики. Поджав губы, она молча последовала за братом.

Чья-то твердая рука удержала Анжелику. Жестом, лишенным былой нежности, старый Гийом стряхнул с волос и платья невесты несколько сухих травинок. Анжелика подняла глаза, пытаясь разгадать, какие чувства скрывает суровость бывшего наемника.

— Гийом, — тихо вымолвила она, — я хочу, чтобы ты понял...

— У меня нет надобности ничего понимать, мадам, — ответил Гийом по-немецки. Надменность, прозвучавшая в его голосе, оскорбила Анжелику. — Мне достаточно того, что я видел.

Бормоча проклятие, он погрозил темноте кулаком.

Анжелика гордо вскинула голову и вернулась к праздничному столу. Опускаясь на свое место, она поискала глазами маркиза д'Андижоса и увидела, что южанин крепко спит под скамейкой, на которой он до того сидел. Стол напоминал поднос с церковными свечами, которые почти догорели, а воск растекся по гладкой по-

верхности. Кто-то из гостей отправился домой, кто-то заснул. На лугу по-прежнему танцевали.

Без тени улыбки, словно окаменев, Анжелика продолжала восседать во главе свадебного стола. Ее жгла досада: она не смогла осуществить задуманное! Она поклялась отомстить, но не сдержала клятву.

В душе боролись ярость и стыд.

Она потеряла старого Гийома.

Монтелу отказался от нее.

Ей оставалось только одно: отправиться к своему хрому супругу.

Содержание

Предисловие — дело личное.....	5
Вступительное слово Анн Голон.....	14
Предисловие.....	19

Маркиза Ангелов

Том I

Часть первая

Монтеду.....	35
--------------	----

Часть вторая

Ветер мира.....	127
-----------------	-----

Часть третья

Боги Олимпа.....	201
------------------	-----

Часть четвертая

Под сенью обители Нотр-Дам-ла-Гранд.....	235
--	-----

Літературно-художнє видання

ГОЛОН Анн
Анжеліка. Маркіза ангелів
Історичний роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *О. В. Трефілова*
Редактор *Н. К. Меден*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Атець*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

ГОЛОН Анн
Анжелика. Маркиза ангелов
Исторический роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Трефилова*
Редактор *Н. К. Меден*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Атец*

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

**«Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»»**
61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»
83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksm@rambler.ru

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.
69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

**Одесское
подразделение**

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Перший роман про Анжеліку, що став класикою жанру любовно-історичного роману, розповідає про юність чарівної героїні, про її перший жіночий досвід. Романтичні герої та захопливі пригоди чекають на вас на сторінках найповнішого в історії видання. Вражає історичне тло і, звісно ж, сама Анжеліка — пристрасна і непередбачувана, примхлива й рішуча — відкриють вам світ справжніх почуттів і людських стосунків, вічних, як сам всесвіт.

Голон А.

Г61 Анжелика. Маркиза ангелов : исторический роман / Анн Голон ; пер. с фр. Ю. Котовой ; предисл. Г. Ульмана. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013. — 320 с.

ISBN 978-966-14-5474-2 (PDF)

Первый роман об Анжелике, ставший классикой жанра любовно-исторического романа, повествует о юности прекрасной героини, о ее первом женском опыте. Романтические герои и увлекательные приключения ждут вас на страницах самой полной версии этого произведения. Впечатляющий исторический фон и, конечно же, сама Анжелика — страстная и непредсказуемая, своенравная и решительная — откроют вам мир настоящих чувств и человеческих отношений, вечных, как само мироздание.

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА

История легендарной Анжелики в уникальной авторской версии!

Молодую и прекрасную Анжелику насильно выдают замуж за богатого человека.

Она боится своего мужа, но вскоре узнает, что он самый добрый и отзывчивый в мире человек. Между ними вспыхивает любовь, о которой можно только мечтать. Анжелика понимает, что они с Жоффреем предназначены друг другу судьбой... Но их счастью может помешать король Людовик XIV, желающий видеть Анжелику своей супругой...

Король Франции Людовик XIV и испанская инфанта Мария-Терезия заключают брак. Для главных героев — Анжелики и Жоффрея — это событие становится началом трагической страницы в их жизни. Не простив Анжелике ее отказ и опасаясь растущей власти и богатства Жоффрея, король подписывает указ о его тайном аресте. Пытаясь отстоять свое право на счастье, Анжелика начинает неравную борьбу с королем.

«Мученик Нотр-Дама» — самый трагичный из романов Анн Голон. С головокружительной быстротой под влиянием роковых событий юная Анжелика из прекрасной королевы превращается в отвергнутую обществом парию, оказывается в мире преступного ночного Парижа. Она теряет положение в обществе, поддержку родных и друзей, средства к существованию. Ей придется даже оставить крошек сыновей. Вместо избалованной любящим мужем беззаботной женщины рождается другая: решительная, жестокая Анжелика, способная постоять за себя и отомстить за отнятую любовь.